

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Запрос на науку и новые технологии
в обществе*

*Demand for Science
and New Technologies
in Society*

ТОМ 16 • НОМЕР 5 • 2023

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 16 • NUMBER 5 • 2023

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.00

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала — предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Икбал Б.А., Университет Южной Африки, Претория, ЮАР, Турецкий центр азиатско-тихоокеанских исследований, Анкара, Турция
Калотай К., Институт мировой экономики Венгерской академии наук, Будапешт, Венгрия
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопалов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.А., МГУ, Москва, РФ
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>
© ИНИОН РАН, 2023

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.00

Содержание

Право и политика

УМНОВА-КОНЮХОВА И.А., АЛЕШКОВА И.А. Право на биологическую безопасность: формирование понятия и перспективы законодательного регулирования 6–24

ЛИЗИКОВА М.С. Меры государственной поддержки атомной энергетики: опыт зарубежных стран 25–39

Сфера науки и высшего образования

ГРЕБЕНЩИКОВА Е.Г. Роль ажиотажа в коммуникации науки и общества 40–53

КУВАЛДИН С.А. Польская наука и высшее образование в постсоциалистический период: выработка программы реформ и достигнутые результаты 54–71

НАДТОЧЕЙ Ю.И. Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего 72–93

Особенности современного экономического развития

ПОЛОСИН А.В., БАЙДАРОВ Д.Ю., АБАКУМОВ Е.М., ФАЙКОВ Д.Ю. Технологическое сотрудничество и равноправие как развитие концепции технологического суверенитета 94–112

ПОЛОЖИХИНА М.А., КОРОВНИКОВА Н.А. Российская наука под санкционным давлением: новые риски и возможности развития 113–128

ДАНИЛИН И.В. Эволюция китайской политики развития сектора хай-тек: от новых технологий – к новым субъектам?..... 129–145

Культура и идентичность

ГЛИНЧИКОВА А.Г. Интеллектуальная среда как объект для исследования: факторы развития и точки уязвимости 146–166

КОМАЛОВА Л.Р. Рефлексия своей профессиональной деятельности начинающими учеными-исследователями 167–186

Точка зрения

КАДЫРОВ Д.Э. Речевое действие как фактор социально-политических изменений: к постановке проблемы 187–203

Вокруг книг

КРИВОПАЛОВ А.А. Научное наследие маршала Б.М. Шапошникова и проблемы современной стратегии 204–221

DOI: 10.31249/kgf/2023.05.00

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksins – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Badar A. Iqbal, University of South Africa, Pretoria, South Africa; Turkish Center for Asia Pacific Studies, Ankara, Turkey
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Kalman Kalotay, Institute of World Economics, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.00

Contents

Law and Politics

UMNOVA-KONIUKHOVA I.A., ALESHKOVA I.A. The Right to Biological Safety:
The Formation of the Concept and Prospects of Legislative Regulation 6–24

LIZIKOVA M.S. Measures of State Support of Nuclear Energy:
The Experience of Foreign Countries 25–39

Science and Higher Education

GREBENSHCHIKOVA E.G. Hype in the Communication of Science and Society . . 40–53

KUVALDIN S.A. Polish Science and Higher Education in the Post-Socialist
Period: The Development of the Reform Program and the Results 54–71

NADTOCHEY YU.I. Russian Studies in the US: Past Experience
and Today's Problems. 72–93

Specifics of Modern Economic Development

POLOSIN A.V., BAYDAROV D.YU., ABAKUMOV E.M., FAIKOV D.YU.
Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept
of Technological Sovereignty 94–112

POLOZHIKHINA M.A., KOROVNIKOVA N.A. Russian Science Under Sanctions
Pressure: New Risks and Development Opportunities. 113–128

DANILIN I.V. The Evolution of Chinese Policy for the Development
of the High-tech Sector: from New Technologies to New Actors? 129–145

Culture and Identity

GLINCHIKOVA A.G. Intellectual Environment as an Object for Research:
Factors of Development and Points of Vulnerability 146–166

KOMALOVA L.R. How Scholar Beginners Reflect Their Professional Activity. . 167–186

Point of View

KADYROV D.E. Speech Act as a Factor of Socio-Political Change:
Stating the Problem 187–203

Spotlight on New Academic Arrivals

KRIVOPALOV A.A. Scientific Legacy of Marshal Boris Shaposhnikov
and the Problems of Modern Strategy. 204–221

Право и политика

УДК 342.7

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.01

Право на биологическую безопасность: формирование понятия и перспективы законодательного регулирования

Ирина Анатольевна УМНОВА-КОНЮХОВА

доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

Ирина Александровна АЛЕШКОВА

кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела правоведения

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ialeshkova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5054-5939

ЦИТИРОВАНИЕ: Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А. Право на биологическую безопасность: формирование понятия и перспективы законодательного регулирования // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 6–24.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.01

Статья поступила в редакцию 26.04.2023.

Исправленный текст представлен 31.08.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00113.

АННОТАЦИЯ. Биологические риски, вызванные развитием биотехнологий, хозяйственной и иной деятельностью человека, функционированием потенциально опасных биологических объектов и биологических факторов, являются причиной актуализации права на биологическую безопасность. В статье рассматриваются понятие и содержание права на биологическую

безопасность, оценивается состояние и определяются перспективы совершенствования его законодательного регулирования. Обосновывается положение о том, что право на биологическую безопасность имеет гибридный характер, так как относится одновременно к личным, социальным и биологическим правам. Принадлежность к группе биологических прав предопреде-

ляет место права на биологическую безопасность в системе прав четвертого поколения. В результате исследования авторы приходят к выводу, что право на биологическую безопасность является сложносоставным не только по структуре, но и по имеющимся взаимосвязям с иными объектами безопасности. Биологическая безопасность как объект исследуемого права рассматривается в трех ключевых аспектах: личностном, анатомическом и физиологическом. Составляющие права на биологическую безопасность раскрываются по следующим основаниям: по субъекту – носителю данного права, по его объекту и по критерию корреляции с правами социально-биологической значимости. Дается оценка состояния и перспектив законодательного регулирования права на биологическую безопасность в Российской Федерации. Приводятся примеры принятия специальных законов о биобезопасности в других государствах. Выявляются различия в подходах к правовому регулированию права на биобезопасность. В заключении дается авторское определение права на биологическую безопасность, обосновываются важность и особенности его формально-юридической определенности в действующем законодательстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: права человека, биологическая безопасность, биологическая идентичность, биологические права, право на биологическую безопасность, биологические факторы, биологические риски, законодательное регулирование.

Введение

В условиях интенсивного внедрения биотехнологий в различные сферы человеческой жизнедеятельности одной из актуальных задач современности является сохранение биологиче-

ской идентичности человека. Решение этой задачи подразумевает защиту его биологических характеристик, реализацию требования недопустимости разрушения биологической целостности человека, обеспечение его связи с человечеством в целом и будущими поколениями. Существование в мире реальных и потенциально опасных биологических объектов и биологических факторов, а также стремительное развитие биоинженерии оказывают всё большее влияние не только на состояние здоровья и образ жизни человека, на его индивидуальное поведение и возможности развития, но и создают угрозу биологической идентичности *homo sapiens* [Биотехнологии и биобезопасность..., 2005]. Как отмечают многие исследователи [Жолобова, Счастливецова, 2019, с. 14], частично запрос на правовую защиту биологической сущности человека получил отражение в нормах международного права и в законодательстве государств. В частности, в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. и в Картахенском протоколе по биобезопасности к данной Конвенции, действующем с 2003 г., уделяется отдельное внимание принятию мер, направленных на обеспечение биобезопасности. Еще в 1977 г. была создана Международная комиссия по защите от мутагенов и канцерогенов окружающей среды. Одна из ее главных задач – разработка рекомендаций, которые могут быть использованы в качестве основы для национальных законодательных проектов, направленных на минимизацию генетических последствий от действия мутагенов окружающей среды.

Решение проблем в области работы с опасными патогенами требует сотрудничества между странами, поскольку ответственное отношение к использованию исследований и техноло-

гий в области наук о жизни является одной из актуальных задач¹. В современном мире на международном уровне не только проводятся определенные мероприятия, например, совещания для изучения и анализа прогресса в рамках стратегических рамок Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по управлению лабораторными биорисками, предусматривающие создание «безопасной и надежной среды в каждой лаборатории мира и вокруг нее»², но и разрабатываются требования, которым должна соответствовать деятельность лаборатории, получающей биологические материалы для обеспечения безопасной и надежной работы³. Однако, как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г., имеющиеся угрозы биологической безопасности, связанные с ускоренным разворачиванием у границ России секретных биолaborаторий, обуславливают потребность принятия превентивных мер со стороны государства для устранения угроз биологической опасности⁴. И здесь следует согласиться с мнением ученых и практиков в том, что существование сети военных биолaborаторий США на территории Украины (и не только) заставляет задуматься о возможности создания биологического оружия избирательного действия, тем более что характер образцов, собиравшихся этими

лaborаториями, указывает на интерес к получению данных о геноме населения [Лисаченко, 2022, с. 140–151].

Проблемы экологии являются доминантой в создании угроз биологической безопасности человека. Соответственно, можно проследить взаимосвязь биологической, бактериологической, радиационной, химической, генетической, продуктовой, продовольственной и других разновидностей безопасности, включаемых в содержание экологической безопасности.

В контексте потребностей человека на защиту от опасных биологических объектов, факторов и рисков речь должна идти об институционализации субъективного права на биобезопасность и определение государствами соответствующих правовых гарантий его реализации. Включение его в систему прав человека нового поколения предопределяет важность определения его правового содержания, оценки состояния законодательного регулирования и перспектив его совершенствования в современных государствах, включая Российскую Федерацию.

К вопросу о понятии и видах биологической безопасности

Содержание любого субъективного права строится на определении объекта защиты, то есть блага, на которое субъект имеет право. В данном слу-

1 Материалы первого регионального семинара по вводу в действие Глобальной системы руководящих указаний по ответственному использованию наук о жизни: снижение биорисков и управление исследованиями двойного назначения (система) в Африканском регионе ВОЗ. – URL: <https://www.who.int/news/item/02-02-2023-first-regional-workshop-to-operationalize-the-global-guidance-framework-for-the-responsible-use-of-the-life-sciences-mitigating-biorisks-and-governing-dual-use-research-the-framework> – in-the-who-african-region (дата обращения: 02.04.2023).

2 Материалы встречи Расширенной консультативной группы по биобезопасности (БАГ). – URL: file:///C:/Users/HP/Downloads/WHO_HSE_GCR_2016.7_eng.pdf (дата обращения: 30.03.2023).

3 Summary of biosafety and biosecurity: criteria and operational modalities. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/359174/WHO-WPE-EIP-2022.01-eng.pdf> (дата обращения: 29.03.2023).

4 См.: Итоговый отчет парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с созданием биологических лабораторий специалистами США на территории Украины // МИД России. – 2023. – 1 июня. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/drugie_vidy_omu/biologicheskoe_i_toksinnoe_oruzhie/1873584/?lang=ru (дата обращения: 01.06.2023).

чае объектом рассматриваемого нами субъективного права следует считать биологическую безопасность.

Биологическая безопасность, на наш взгляд, является видовой категорией по отношению к родовому понятию *экологическая безопасность*. В числе видовых категорий также можно выделить радиационную безопасность, химическую безопасность, бактериологическую безопасность, водную безопасность, атмосферную безопасность, продовольственную безопасность, продуктовую безопасность и др. В системе различных видов экологической безопасности особенность биологической безопасности состоит в том, что, во-первых, объектом защиты, наряду с окружающей средой, выступают как непосредственно человек, так и коллективные субъекты: население, коренные народы, человечество, будущие поколения; во-вторых, защита человека связана с его телом и организмом, что подразумевает целую серию экологических требований к его жизни и деятельности.

В отечественной науке биологическая безопасность включает в себя также защиту генетических характеристик, что представляется обоснованным подходом. На наш взгляд, характеристика биологической безопасности должна носить комплексный и всесторонний характер. Исходя из этого, полагаем, что для безопасности человека в контексте биологических характеристик важно сочетание защищенности (1) *генотипа человека*, то есть его биолого-генетической идентичности (право на жизнь и здоровье, право на неприкосновенность личности, на гендерную идентичность, на генетическую идентичность и на неприкосновенность генома человека и пр.); (2) *человеческого организма*, то есть обеспечения здорового питания, благоприятной окружающей

среды, качественной воды, чистого воздуха, защиты от генетически модифицированных организмов и др.; (3) *биологических функций человека*, которые реализуются через соматические права (то есть право на смерть, тело, органы и др.), репродуктивные права (права на искусственное оплодотворение, клонирование, трансплантацию, аборт, стерилизацию, перемену пола, криоконсервацию и т.д.) и другие связанные с ними права.

Особо нуждающимся в правовой защите видом биологической безопасности является генетическая безопасность. Как отмечается в современной биологической науке, выражение *генетическая безопасность* используется в самых разных значениях. Чаще всего под генетической безопасностью понимают защиту генетической информации (генотипа, генофонда, метабенофонда) и механизмов ее реализации от нежелательных внешних воздействий [Колясникова, 2019, с. 4–5]. В то же время генетическая безопасность может рассматриваться как защита биологической системы, определяемая генетической информацией, содержащейся в генетически защищенной системе. Таким образом, в синтезированном виде генетическая безопасность – это состояние защищенности генетических данных человека, генетической информации, содержащейся в генетически защищенной системе.

Учитывая значительное число разнообразных опасных биологических факторов, способных негативно влиять на человека, представляется возможным выделить три ключевых аспекта биологической безопасности человека: *личностный, анатомический и физиологический*.

Личностная безопасность представляет собой состояние сохранности человека как физико-биологического

и социально-нравственного существа. Она гарантируется посредством реализации права на физическое и индивидуально личностное существование человека, предполагающего обеспеченность защиты не только достойных условий жизни человека, но и сохранение генотипа человека как биопсихосоциального существа с присущим ему сознанием в современном обществе [Певцова, 2021, с. 66], а также духовно-нравственным мировоззрением, предопределяющим мотивацию и содержание поведения человека. Иначе говоря, речь идет об идентичности человека как живого существа, сочетающего уникальные физические, социальные, ментальные, психические, мировоззренческие и духовно-нравственные характеристики.

Анатомическая безопасность человека подразумевает защиту тела человека и обеспечивается посредством регулирования условий внедрения достижения биоинженерии, преобразующих тело человека. Речь идет об определении содержания прав и запретов, устанавливающих пределы использования медицинских биологических технологий при реализации данных прав. Среди прав, нуждающихся в четком регулировании, можно назвать права на трансплантацию [Василевич, 2017, с. 106], на криоконсервацию [Малеина, 2021, с. 71], на информирование о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья человека [Ализаде, 2019, с. 5] и др. Содержанию данных прав соответствуют запреты на проведение медицинских исследований без добровольного согласия, на принудительные действия, связанные с изъятием у человека его биоэлементов, на торговлю органами человека и др.

Анатомическая безопасность человека является одной из самых уязвимых сфер сегодня – в условиях ши-

роких возможностей воздействия на человека и его изменений с помощью биоинженерии. Популяризация в современном мире криоконсервации [Ярош, 2021, с. 108], активизация деятельности по трансплантации органов и тканей человека [Карнаушин, 2023, с. 41], развитие правового регулирования статуса участников геномных исследований, которому уделяется особое внимание со стороны ученых и практиков [Правовое регулирование..., 2022, с. 5], – всё это требует проработки пределов такой деятельности в целях гарантирования сложносоставного права человека на биологическую безопасность.

Физиологическая безопасность человека представляет собой защищенность физиологической системы, то есть постоянной совокупности различных органов и тканей, объединенных общей функцией (например, система пищеварения, дыхания, кровообращения). Она обеспечивается посредством гарантированности прав на жизнь, физическую неприкосновенность, охрану здоровья, медицинскую помощь, здоровое питание, благоприятную окружающую среду и др.

Относительно *физиологической безопасности человека* в законодательстве имеются как общие, так и специальные требования, определяющие гарантии и порядок организации жизнедеятельности человека.

Общие требования связаны с реализацией прав на жизнь, на охрану здоровья, на медицинскую помощь и др. Специальные требования касаются деятельности, связанной с опасными для здоровья человека условиями. Например, к специальным требованиям относится такой инструментарий, как биоконтроль, способствующий обеспечению биологической безопасности [Остроумов, 2009, с. 31]. Специальными требованиями являются также

регуляторы, определяющие гарантии лицам, осуществляющим деятельность в условиях повышенной биологической опасности. В данном случае значимым является тот факт, что человек принимает добровольно условия работы, связанные с опасными факторами и рисками. Физиологическая безопасность человека обеспечивается также посредством профилактических мер.

Право на биологическую безопасность: понятие и содержание в научной доктрине

В современной научной доктрине важное значение имеет обоснование необходимости формализации понятия и содержания субъективного права на биологическую безопасность. Уникальность данного права состоит в том, что по своей природе оно носит гибридный характер. Исходя из обозначенных нами трех ключевых аспектов биологической безопасности человека (личностного, анатомического и физиологического), можно утверждать, что право на безопасность одновременно относится к личным, социальным и биологическим правам.

В настоящее время в научной литературе всё больше внимание обращается не только на взаимосвязь универсальных фундаментальных прав человека, но и на права человека нового поколения [Сазин, 2021, с. 39; Умнова-Конюхова, 2021, с. 41]. Право на биологическую безопасность является производным от права на безопасность, рассматриваемого в современной правовой науке в качестве индивидуально-го и коллективного права третьего поколения. Само право на биологическую безопасность относится уже к правам четвертого поколения. Поколенческая характеристика данного права производна от его принадлежности к группе

биоправ, большинство из которых также относится именно к правам четвертого поколения.

Биоправа человека, являясь сложным и постоянно развивающимся многомерным явлением, носят универсальный характер и содержатся во многих международных и внутригосударственных нормативных правовых актах. Можно выделить как минимум три вида биоправ:

1) соматические права, связанные непосредственно с человеческим организмом (права на смерть, на тело, на органы, на криоконсервацию, на защиту от ГМО и т.д.);

2) репродуктивные права (права на искусственное оплодотворение, на клонирование, на трансплантацию, на аборт, на стерилизацию, на перемену пола и др.);

3) идентификационные права, то есть правомочия, направленные на защиту от вызовов и угроз экологической и биологической идентичности человека (права на биологическую безопасность, на биологическую идентичность, на биологическое существование, на гендерную идентичность, на генетическую идентичность, на генетическую безопасность и др.).

Таким образом, право на биологическую безопасность относится к третьей группе биоправ и направлено на защиту человека от опасных для него биологических объектов, факторов и рисков. Раскрывая содержание права на биологическую безопасность, следует отметить, что по целеполаганию оно является сложной составной конструкцией, состоящей из нескольких частей, соединенных между собой тремя основными ценностями: жизнью человека, его здоровьем и неприкосновенностью. В этой аксиологической связи право на биологическую безопасность взаимодействует с правами, вытека-

ющими из обладания данными благам-ценностями. Речь идет об основных фундаментальных правах на жизнь, на охрану здоровья, на личную неприкосновенность, на благоприятную окружающую среду.

Составляющие права на биологическую безопасность раскрываются по разным основаниям:

- по субъекту – носителю права: а) индивиды и социальные общности (человек, этнос, население, нация, народ, нынешние и будущие поколения, человечество); б) специальные категории (донор, потребители, дети, беременные женщины, больные, лица, подвергшиеся воздействию биологического и бактериологического оружия и др.);

- по объекту правового регулирования защите подлежат биологическая безопасность и включаемые в это понятие факторы биологического благополучия: жизнь человека, здоровье человека, тело человека, среднестатистические показатели здоровья населения, благоприятная окружающая среда, компоненты природной среды, территория проживания и деятельности, безопасные продукты питания, национальные интересы экологической безопасности государства и др.;

- по критерию корреляции заметна очевидная взаимосвязь с правами социально-биологической значимости: право на здоровое питание, право на пищевую безопасность, право на радиационную безопасность, право на химическую безопасность, право на безопасные условия работы и др.

В содержании права на биологическую безопасность можно выделить общие и специальные элементы.

Общие элементы – принципы права, которые обеспечивают взаимосвязь права на биологическую безопасность с другими правами человека и создают предпосылку защищенности человека, его существования и развития.

Позиции современных ученых зачастую едины в том, что незыблемыми при развитии механизмов защиты от угроз биотерроризма и иных рисков, в том числе связанных с мутирующими патогенами, должны быть универсальные принципы конституционного права. В их числе – принцип признания человека высшей ценностью, принцип гуманизма и др. В частности, Е.А. Алферова обращает внимание на важность принципа уважения прав человека не только при создании правовых гарантий безопасности, но и при выполнении правительствами государств своих обязательств [Алферова, 2022, с. 123]. Не менее значимыми являются такие эτικο-правовые принципы, как принципы нравственного долга, социальной солидарности, добросовестности и др.

Специальные элементы – это правомочия, требования-притязания, способствующие защищенности благополучия, качества жизни и здоровья человека. В их числе выделяются охрана, обеспечение физической неприкосновенности, защита благоприятной окружающей среды, наличие ограничений на деятельность, связанную с созданием опасных биологических объектов, факторов и рисков и др.

Среди прав и свобод четвертого поколения право на биологическую безопасность, на наш взгляд, наиболее тесно связано с правом на биологическую неприкосновенность. Если биологическая безопасность – это состояние защищенности от биологических факторов и рисков, то биологическая неприкосновенность означает недопустимость вторжения в биологическую природу, причинения вреда человеку как биосуществу и нарушения его биологической идентичности. Обеспечение биологической безопасности подразумевает в итоге сохранение биологической идентичности.

Законодательное регулирование права на биологическую безопасность в зарубежных странах и в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ и перспективы совершенствования

Государства разных континентов и регионов вовлечены сегодня в законодательный процесс, направленный на обеспечение биологической безопасности и права человека на биобезопасность. Можно выделить определенные особенности в законодательной защите биобезопасности:

Во-первых, государства предпочитают принимать законы о биологической безопасности, не выделяя отдельно субъективное право на биологическую безопасность.

Во-вторых, биологическая безопасность рассматривается довольно ограниченно. Как отмечают исследователи, традиционно она связывается преимущественно с пищевой промышленностью [Arisseto-Bragotto, Feltes, Block, 2017, p. 117; Yung, Neathway, 2020, p. 49–52] либо подразумевает защиту от болезней, вызванных патогенами и вредителями, которые могут причинить вред здоровью и жизни. Комплексная защита человека от различных видов загрязнения и воздействия на человека, наносящих вред или создающих угрозу жизни и здоровью человека, еще не стала предметом законодательного регулирования. Между тем очевидно, что все виды загрязнения: радиационное, химическое, биологическое, бактериологическое, электромагнитное, антропогенное и другие – влияют на лич-

ностные, анатомические и физиологические характеристики биологической природы человека.

В-третьих, объектами защиты выступают не только человек, его здоровье и жизнь, но и животные, растения, а также окружающая среда в целом, что представляется правильным в контексте неразрывной связи человека и окружающей среды.

Правовые режимы в области обеспечения биобезопасности устанавливаются современными государствами, как правило, на законодательном уровне. В то же время важно отметить, что государства определяют разные цели, приоритеты и объекты биозащиты. Во многих странах уже функционирует государственная система биобезопасности и биозащиты для различных секторов (людей, животных, сельского хозяйства и др.), однако не везде она комплексно сформирована.

Так, наиболее комплексным в контексте обеспечения биобезопасности видится законодательство Китая, где 15 апреля 2021 г. вступил в силу Закон о биобезопасности Китайской Народной Республики (принятый на 22-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 17 октября 2020 г.)⁵. Целями принятия данного закона являются обеспечение национальной безопасности, предотвращение и реагирование на риски биобезопасности; защита жизни и здоровья людей, биологических ресурсов и окружающей среды; содействие здоровому развитию биотехнологии, построению сообщества будущего для человечества и осуществление гармоничного сосуществования человека и природы.

5 Новый китайский закон приравнял биоугрозы к угрозам национальной безопасности // Китайская глобальная телевизионная сеть. – 2021. – 16 апреля. – URL: <https://russian.cgtn.com/n/BJEAA-BAA-EAA/DbcCEA/index.html> (дата обращения: 16.04.2023). Полный текст закона доступен на сайте Всекитайского собрания народных представителей.

Содержание Закона о биобезопасности КНР связывается, с одной стороны, с защитой от рисков и опасностей, вызванных непреднамеренно работой с микроорганизмами и токсинами, а с другой стороны, биобезопасность относится к такой защите от опасностей, которые могут возникнуть в связи с преднамеренной кражей, неправильным использованием или нецелевым использованием биотехнологий [Сао, 2021, с. 1–21]. Особое внимание в содержании этого закона уделяется определению генетических ресурсов человека, на защиту которых в том числе направлены правовые установления. Значимыми являются и закреплённые в нем предписания о важности осведомленности общественности о биологической безопасности, а также о системе публикации информации о биологической безопасности.

В Австралии и Канаде законодательство о биобезопасности в отличие от Закона о биобезопасности КНР более ограничено в сферах регулирования и напрямую связывает ее обеспечение со здоровьем человека и охраной животного мира и природной среды. Закон о биобезопасности Австралии 2015 г. (вступил в силу 25 марта 2020 г.)⁶ касается в основном борьбы с болезнями и вредителями, которые могут причинить вред здоровью человека, животным, растениям или окружающей среде в целом. Значительное внимание уделяется в содержании этого закона управлению рисками для здоровья человека и институциональным мерам

биобезопасности. В Канаде взаимосвязь биобезопасности с защитой здоровья населения прослеживается в Законе о патогенах и токсинах человека⁷, который в совокупности со стандартами и рекомендациями по биобезопасности создает основу для управления биологическими рисками и их минимизации.

Большинство стран стремится сегодня законодательно регулировать оборот биологических опасных веществ и продуктов производства, основываясь на принципе предосторожности. Это прослеживается не только в странах Европы, ориентированных на европейские стандарты, определяемые Европейским союзом, но и в других регионах. Например, Закон Сингапура 2006 г. «О биологических агентах и токсинах» определил порядок их оборота и ответственность за нарушение принципов и норм в данной области правового регулирования⁸. Он устанавливает запреты и вводит порядок контроля по вопросам владения, использования, импорта, перевозки, передачи и транспортировки биологических агентов, инактивированных биологических агентов и токсинов, а также предусматривает безопасные методы обращения с ними.

В Мексике действует Закон о биобезопасности генетически модифицированных организмов 2005 г.⁹, в котором установлен правовой механизм обеспечения биобезопасности, сформированный на основе принципа предосторожности.

Целью Закона о биобезопасности Исламской Республика Мавритания

6 Информация размещена на портале *Federal Register of Legislation*. – URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2022C00371> (дата обращения: 15.04.2023).

7 Human Pathogens and Toxins Act // Government of Canada, Justice Laws Website. – URL: <https://lois-laws.justice.gc.ca/eng/acts/H-5.67/FullText.html> (дата обращения: 10.04.2023).

8 The Biological Agents and Toxins Act passed by the Parliament on 18th October 2005 and enforced on the 3rd January 2006 // A Singapore Government Agency Website. – URL: <https://www.moh.gov.sg/biosafety/about-bata> (дата обращения 02.06.2023).

9 Ley de Bioseguridad de Organismos Genéticamente Modificados // Diario Oficial de la Federación. – 2005. – 18 de marzo. – URL: <https://www.gob.mx/profepa/documentos/ley-de-bioseguridad-de-organismos-geneticamente-modificados> (дата обращения: 01.06.2023).

2022 г. является регулирование использования, импорта, экспорта, транспортировки, транзита, выпуска в окружающую среду и сбыта генетически модифицированных организмов (ГМО) или их производных, полученных в результате современных биотехнологий, которые могут оказывать неблагоприятное воздействие на человека и здоровье животных, а также на сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия. Принцип предосторожности является определяющим в вопросах не только проведения научных исследований в области современных биотехнологий для человека, животных, растений и окружающей среды, но и при регулировании правил оценки рисков биобезопасности, контроля за деятельностью, связанной с ГМО, а также оборотом продуктов питания¹⁰.

В странах, экономика которых значительно ориентирована на сельское хозяйство, биобезопасность человека увязывается также с биобезопасностью продуктов сельского хозяйства. Так, в Индии в 2013 г. Управление биобезопасности сельского хозяйства (ABAI) для защиты растений, животных и связанных с ними продуктов от вредителей и болезней для обеспечения биобезопасности сельского хозяйства инициировало принятие Закона «О сельскохозяйственной безопасности» с целью регулирования ввоза и вывоза растений и животных, а также их межгосударственного перемещения¹¹.

В Российской Федерации до 2020 г. право на биологическую безопасность регулировалось различными законами. В частности, в 1996 г. был принят Федеральный закон № 86-ФЗ «О госу-

дарственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который упорядочивает отношения в сфере природопользования, охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и охраны здоровья человека, возникающие при осуществлении генно-инженерной деятельности. В 1997 г. Федеральный закон № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» включил в объект биозащиты химическое загрязнение. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» ориентирован на формирование санитарно-гигиенической культуры в обществе и мотивации граждан к здоровому образу жизни в рамках санитарно-гигиенического просвещения посредством распространения среди населения знаний, а также компетенций, необходимых для профилактики заболеваний и формирования здорового образа жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек.

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепил принцип приоритета профилактики в сфере охраны здоровья. Реализация отмеченного принципа должна повлиять на увеличение числа лиц, ведущих здоровый образ жизни, продолжительность здоровой жизни, а значит, создаст возможность наиболее полной реализации права на биологическую безопасность.

В 2020 г. был принят специальный Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон

10 Loi n° 2022–015 relative à la Biosécurité // Journal Officiel de la République Islamique de Mauritanie. – 2022. – 15 Août. – URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mau212631.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).

11 Cm: The Agricultural Biosecurity Bill // PRS Legislative Researс. – URL: https://prsindia.org/files/bills_acts/bills_parliament/2013/Agricultural_Biosecurity_Bill_2013.pdf (дата обращения: 01.06.2023).

№ 492-ФЗ). В п. 1.1 ст. 1 данного Федерального закона биологическая безопасность определяется как состояние защищенности населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска.

При анализе данного определения важное значение имеет установление, во-первых, смысла понятия *опасные биологические факторы*; во-вторых, содержания допустимого уровня биологического риска; в-третьих, круга субъектов, защищаемых от опасных биологических факторов.

Опасный биологический фактор, согласно п. 2 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 492-ФЗ, – это событие, условие, свойство, эпидемический, эпизоотический, эпифитотический процессы или их комбинация, являющиеся причиной возможного воздействия патогенных биологических агентов (патогенов), паразитических организмов и содержащих их объектов, которые способны нанести вред здоровью человека, животным и (или) растениям, продукции животного и (или) растительного происхождения и (или) окружающей среде.

Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае в опасные биологические факторы не включаются генетические риски, создающие угрозу генетической безопасности, а также биомедицинские исследования и эксперименты, создающие угрозу биологическому благополучию и биологической идентичности человека, включая создание биологических, бактериологических, химических и иных лабораторий и центров исследований, проводящих запрещенные эксперименты над биологической природой человека.

Сам по себе биологический риск представляет собой вероятность причинения вреда (с учетом его тяжести) здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей среде в результате воздействия опасных биологических факторов (п. 3 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 492-ФЗ). Под допустимым уровнем биологического риска понимается уровень биологического риска, при котором обеспечиваются условия для защиты населения и охраны окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов (п. 4 ч. 1 ст. 1 Федерального закона № 492-ФЗ).

В отмеченном определении биологической безопасности выделяется лишь два субъекта (население и окружающая среда), но, к сожалению, не упоминается человек и не ставится задача обеспечения биологической безопасности настоящих и будущих поколений. Однако в самом законе при характеристике опасных биологических факторов имеется указание на их возможное негативное влияние непосредственно на человека.

Таким образом, в Федеральном законе № 492-ФЗ целесообразно уточнить определение биологической безопасности, сделать его более полным по кругу субъектов правовой защиты, а также расширить и дифференцировать круг объектов биозащиты, биологических факторов и рисков.

В современный период в Российской Федерации сформирован определенный правовой инструментарий, направленный на минимизацию рисков для биологической безопасности. В частности, сформирован государственный регистр потенциально опасных для человека химических, биологических веществ (в нем содержится информация о 12911 веществах)¹²; установлены критерии безо-

12 Федеральный регистр потенциально опасных химических и биологических веществ. – URL: <https://www.rpohv.ru/online/> (дата обращения: 02.04.2023).

пасности и (или) безвредности для человека водных объектов, в том числе предельно допустимые концентрации в воде химических, биологических веществ, микроорганизмов; уровень радиационного фона устанавливается санитарными правилами; компетентными органами публичной власти осуществляется государственный санитарно-эпидемиологический контроль (надзор); проводятся государственное санитарно-эпидемиологическое нормирование, социально-гигиенический мониторинг и другие мероприятия.

Таким образом, в целом правовой и институциональный инструментарий обеспечения права на безопасность сформирован в Российской Федерации достаточно развернуто. Его система развивается на основе Постановления Правительства Российской Федерации от 27 октября 2008 г. № 791 «О федеральной целевой программе «Национальная система химической и биологической безопасности Российской Федерации (2009–2014 годы)». В Указе Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» механизм реализации биологической безопасности получил свое последующее развитие. Данный механизм опирается на приоритетное право человека на охрану жизни и здоровья при обеспечении химической и биологической безопасности. Однако следует отметить доминирование публичного (общественного) и социально значимого правового интереса, ибо закреплена возможность ограничения прав и свобод человека при обеспечении химической и биологической безопасности в той мере, в какой это необходимо в целях защиты здоровья других лиц, их прав и законных интересов, обеспе-

чения обороны страны и безопасности государства.

Необходимо констатировать, что в 2019 г. в России произошла смена концепции правового регулирования вопросов, связанных с биологической безопасностью. Ранее государством защита от биологической опасности осуществлялась исходя из такого фактора, как чрезвычайная ситуация. Однако современные реалии, а именно наличие существенного количества биологических лабораторий, определяют потребность в создании более надежного механизма защиты от биологических опасностей. Как следствие, в Указе Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» и принятом в 2020 г. Федеральном законе № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» защищенность населения и окружающей среды от негативного воздействия опасных химических и биологических факторов выступает ключевым моментом. Закон имеет комплексный характер и регулирует вопросы охраны здоровья и санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты животных и растений, охраны окружающей среды. В указанных нормативных правовых актах делается уточнение, что целью государственной политики в этой области является поддержание допустимого уровня негативного воздействия и обеспечивается допустимый уровень биологического риска. Вместе с тем не уточняется, что следует понимать в указанных случаях под *допустимым уровнем*. В научной литературе имеются высказывания по этому поводу. Так, Д.Н. Шевырев предполагает, что допустимость биологического риска должна предполагать

вероятность причинения вреда (с учетом его тяжести) здоровью человека, животным, растениям и (или) окружающей среде в результате воздействия опасных биологических факторов и определять возможность устойчивого развития общества (в том числе отечественного промышленного комплекса на основе использования современных технологий) [Шевырев, 2022, с. 41]. На наш взгляд, требуется законодательное уточнение выражения *допустимый уровень* и как минимум привязка этого понятия к принципам-требованиям недопустимости причинения вреда здоровью, благополучию человека и населения, отсутствия угрозы для жизни людей и окружающей природной среды, ибо иначе важные для человека нормативные правовые акты не являются надежной гарантией его защищенности и предпосылкой повышения качества значимых для жизни человека факторов качества жизни.

Принятая Указом Президента Российской Федерации 2 июля 2021 г. № 400 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» была сформирована исходя из важности обеспечения многих видов безопасности, включая биологическую безопасность. Национальная безопасность Российской Федерации определяется как состояние защищенности национальных интересов государства от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны. Вместе с тем представляется важным усиление мер по выполнению международных правовых обязательств, в том числе связанных с Конвенцией о запреще-

нии разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (вступила в силу 26 марта 1975 г.).

Несмотря на действие в России Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», а также принятие в его развитие Указа Президента Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации») и Стратегии развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2023 г. № 1788-р, отечественные эксперты отмечают отсутствие четких механизмов ограничения применения биомедицинских технологий в области генной инженерии [Тихомиров, Черепанова, Цомартова, 2021, с. 7], в том числе вопросов, касающихся редактирования генома [Блинов, 2018, с. 138; Чхутиашвили, 2022, с. 33; Кравец, 2023, с. 7]. Не менее важное значение имеет правовая определенность в регулировании четкой взаимосвязи с биологической безопасностью всех аспектов биологической природы человека (личностной, анатомической, физиологической).

В отмеченных выше федеральных законах и иных нормативных правовых актах, отражающих государственную политику в сфере безопасности, также нет связи биологической безопасности с системой человеческих духовно-нравственных ценностей. Хотя ученые зачастую высказываются не только о возможности, но и о важности сочетания биоэтических принципов с религиозными принципами и принципами права для создания рационального и эффективного правового инструментария, используемого для биологиче-

ской безопасности [Мохов, 2021, с. 16], в целом взаимосвязь правовых и духовно-нравственных регуляторов в сфере биобезопасности не была надлежащим образом представлена как в Федеральном законе о биологической безопасности, так и в других важнейших законах и стратегических программных документах Российской Федерации.

Заключение

В современном мире многие государства уделяют существенное внимание правовым гарантиям биологической безопасности. В условиях непрерывного развития биотехнологий представляется важным акцентировать внимание законодателя на комплексную защиту человека в контексте его субъективного права на биобезопасность. С этой целью целесообразно формально-юридически определить понятие и содержание права на биологическую безопасность, обозначить его место в системе прав человека. Гибридная природа рассматриваемого права (взаимосвязь с личными, социальными и биологическими правами) и сложносубъектный состав дают основание утверждать, что его правовое регулирование в современный период не подготовлено в необходимой мере научной доктриной и поэтому опосредованным образом реализуется через законодательное регулирование биобезопасности как объекта данного права. Первым шагом в решении задачи институционализации права на биологическую безопасность могло бы стать закрепление данного понятия в законах о биобезопасности в единстве с другими ключевыми понятиями, уже законодательно определенными.

В современном мире являются очевидными, во-первых, необходимость развития системы прав человека, в том числе посредством закрепления пра-

ва на биологическую безопасность; во-вторых, недопустимость разрыва органических связей рассматриваемого права с фундаментальными правами и правами нового поколения; в-третьих, востребованность конституционных принципов, способных своим идейно-ценностным и целевым содержанием предопределять решение сложных этических и правовых вопросов биобезопасности; в-четвертых, целесообразность институционализации биоэтики, комплексно направленных на защиту биологической природы и идентичности человека, его жизни и здоровья во взаимосвязи с благоприятной окружающей средой. В качестве рабочей версии предлагаем следующее определение рассмотренного нами права: право на биобезопасность – это естественное право человека, социальных групп и социальных общностей на создание им со стороны государства и субъектов экономической, научно-технической и иной деятельности биологически безопасных условий жизни, защищенность от биологических факторов и рисков, способных нанести вред биологической природе и биологической идентичности человека, создать угрозу для жизни и здоровья людей, относящихся как к нынешним, так и к будущим поколениям.

По своей природе право на безопасность носит гибридный характер, так как относится одновременно к личным, социальным и биологическим правам. Учитывая эту особенность, в случае его конституционной формализации в системе прав и свобод полагаем целесообразным определить его место рядом с правами человека на жизнь, на охрану здоровья и на благоприятную окружающую среду. Его формализация в международном праве и национальном праве современных государств – это вопрос, решить который жизненно важно в ближайшем будущем.

Список литературы

Ализаде В.А. Позиции ЕСПЧ о соблюдении права на жизнь // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2019. – № 6. – С. 3–7.

Алферова Е.В. Этическая обоснованность политики ограничения свободы передвижения в условиях пандемии COVID-19 (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2022. – № 1. – С. 123–134. – DOI: 10.31249/rgrpravo/2022.01.10.

Биотехнологии и биобезопасность: проблемы и перспективы. Интервью с академиком РАН и РАМН, ректором ММА им. И.М. Сеченова М.А. Пальцевым. 15.11.2005 // file:///C:/Users/HP/Downloads/biotehnologii-i-biobezopasnost-problemy-i-perspektivy.pdf (дата обращения: 20.04.2023).

Блинов А.Г. Правовая среда проведения геномных исследований и перспективы ее оптимизации в России // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 4(57). – С. 138–144. – DOI: 10.25513/1990-5173.2018.4.138-144.

Василевич Д.Г. Соматические права человека и гражданина // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2017. – № 1. – С. 106–112.

Жолобова Ю.В., Счастливцева Е.А. Философское содержание трансгуманизма в контексте кризисности человеческой природы // Вестник Вятского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 14–22. – DOI: 10.25730/VSU.7606.19.014.

Карнушин В.Е. О некоторых недостатках правового регулирования отношений по трансплантации органов и тканей человека // Медицинское право. – 2023. – № 1. – С. 41–43.

Колясникова Н.Л. Проблемы генетической безопасности : учебное по-

сobie; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова». – Пермь: ИПЦ Прокрость, 2019. – 94 с.

Кравец И.А. Биоэтические векторы достоинства и культурного разнообразия в конституционной и международной биоюриспруденции: перспективы конституционализации биобезопасности и достижения биоэтического благополучия // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 7–17. – DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-7-17.

Лисаченко А.В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. – 2022. – № 2(143). – С. 140–151. – DOI: 10.34076/20713797_2022_2_140.

Малеина М.Н. Договор криоконсервации и хранения биологического материала человека в персональном биобанке // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 71–82. – DOI: 10.12737/jrl.2021.046.

Мохов А.А. Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. – 2021. – № 4. – С. 16–21.

Остроумов С.А. Биоконтроль загрязнения водной среды: проблемы реабилитации и ремедиации, включая фиторемедиацию и зооремедиацию // Токсикологический вестник. – 2009. – № 6(99). – С. 31–38.

Певцова Н.С. Право на физическое существование: концепции, регулирование и интерпретация // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 2. – С. 66–75. – DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-66-75.

Правовое регулирование статуса участников геномных исследований (российский и зарубежный опыт) /

под ред. Н.М. Колосовой. – Москва : Юриспруденция, 2022. – 176 с.

Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 39–45. – DOI: 10.18572/1812-3767-2021-4-39-45.

Тихомиров Ю.А., Черепанова Е.В., Цомартова Ф.В. Правовые векторы реальных процессов – новый подход в теории // Государство и право. – 2021. – № 1. – С. 7–16. – DOI: 10.31857/S102694520013249-4.

Умнова-Конюхова И.А. Право быть человеком – фундаментальное право и конституционный нарратив в системе личных прав и свобод в парадигме гуманизма // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 11. – С. 41–46. – DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-41-46.

Чхутиашвили Л.В. Прорывные биотехнологии – основа инновационных преобразований Российской Федерации в условиях цифровизации // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 2(16). – С. 33–38. – DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.033-038.

Шевырев Д.Н. Презумпция биологической опасности: принцип хозяйственной деятельности человека // Медицинское право. – 2022. – № 1. – С. 39–44.

Ярош А.В. Гражданско-правовая конструкция договора на криоконсервацию и хранение эмбриона // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 12. – С. 108–119. – DOI: 10.12737/jrl.2021.152.

Arisseto-Bragotto A.P., Feltes M.C., Block J.M. Food quality and safety progress in the Brazilian food and beverage industry: chemical hazards // Food Quality and Safety. – 2017. – Vol. 1. – Issue 2. – P. 117–129 – DOI: 10.1093/fqsafe/fyx009.

Cao C. China's evolving biosafety/biossecurity legislations // Journal of Law and the Biosciences. – 2021. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 1–21. – DOI: 10.1093/jlb/lbab020.

Yung K., Neathway C. Community Champions for Safe, Sustainable, Traditional Food Systems // Current Developments in Nutrition. – 2020. – Vol. 4. – Issue Supplement_1. – P. 49–52. – DOI: 10.1093/cdn/nzz119.

Politics and Law

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.01

The Right to Biological Safety: The Formation of the Concept and Prospects of Legislative Regulation

Irina A. UMNOVA-KONIUKHOVA

Dr. Sc. (Law), Professor, Leading Researcher, Department of Law
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6400-851X

Irina A. ALESHKOVA

PhD (Law), Associate Professor, Senior Researcher, Department of law
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN),

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ialeshkova@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5054-5939

CITATION: Umnova-Koniukhova I.A., Aleshkova I.A. (2023). The Right to Biological Safety: The Formation of the Concept and Prospects of Legislative Regulation.

Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 16, no. 5, pp. 6–24 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.01

Received: 26.04.2023.

Revised: 31.08.2023.

ACKNOWLEDGEMENT. The research was carried out at the expense of the grant from the Russian Science Foundation No. 23-28-00113.

ABSTRACT. *Biological risks caused by the development of biotechnologies, economic and other human activities, the functioning of potentially dangerous biological objects and biological factors are the reason for the actualization of the right to biological safety. The article examines the concept and content of the right to biological safety, assesses the state and determines the pros-*

pects for improving its legislative regulation. The article substantiates the position that the right to biological safety has a hybrid character, since it refers simultaneously to personal, social and biological rights. Belonging to a group of biological rights determines its place in the system of rights of the fourth generation. As the result of the study, the authors conclude that the right to

biological safety is complex not only in its structure, but also in terms of its existing relationships with other security facilities. Biological safety as the object of the studied law is considered in three key aspects (personal, anatomical and physiological). The components of the right to biological safety are disclosed on the following grounds: by the subject – bearer of this right, by its object and by the criterion of correlation with the rights of socio-biological significance. The assessment of the state and prospects of legislative regulation of the right to biological safety in the Russian Federation is given. The examples of the adoption of special biosafety laws in other states are shown. The difference in approaches to the legal regulation of the right to biosafety is revealed. In conclusion, the author's definition of the right to biological safety is given, as well as the importance and features of its formal legal certainty in the current legislation are substantiated.

KEYWORDS: *human rights, biological safety, biological identity, biological rights, the right to biological safety, biological factors, biological risks, legislative regulation.*

References

- Alferova E.V. (2022). Ethical validity of the policy of restricting freedom of movement in the conditions of the COVID-19 pandemic. (Review). *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*. No. 1, pp. 123–134 (in Russian). DOI: 10.31249/rgrpravo/2022.01.10.
- Alizade V.A. (2019). The positions of the ECHR on the observance of the right to life. *International Criminal Law and International Justice*. No. 6, pp. 3–7 (in Russian).
- Arisseto-Bragotto A.P., Feltes M.C., Block J.M. (2017). Food quality and safety progress in the Brazilian food and beverage industry: chemical hazards. *Food Quality and Safety*. Vol. 1, issue 2, pp. 117–129. DOI: 10.1093/fqsafe/fyx009.
- Blinov A.G. (2018). The legal environment of genomic research and prospects for its optimization in Russia. *Bulletin of Omsk University. Series: Law*. No. 4(57), pp. 138–144 (in Russian). DOI: 10.25513/1990-5173.2018.4.138-144.
- Cao C. (2021). China's evolving biosafety/biosecurity legislations. *Journal of Law and the Biosciences*. Vol. 8, issue 1, pp. 1–21. DOI: 10.1093/jlb/ljab020.
- Chkhutiashvili L.V. (2022). Breakthrough biotechnologies the basis of innovative transformations of the Russian Federation in the conditions of digitalization. *Law and Digital Economy*. No. 2(16), pp. 33–38 (in Russian). DOI: 10.17803/2618-8198.2022.16.2.033-038.
- Karnushin V.E. (2023). On some shortcomings of the legal regulation of human organ and tissue transplantation relations. *Medical Law*. No. 1, pp. 41–43 (in Russian).
- Kolyasnikova N.L. (2019). *Problems of Genetic Safety: Textbook*. Perm: CPI Prokrost, 94 pp. (in Russian).
- Kravets I.A. (2023). Bioethical vectors of dignity and cultural diversity in constitutional and international bio-jurisprudence: prospects for constitutionalization of biosafety and achievement of bioethical well-being. *Constitutional and Municipal Law*. No. 1, pp. 7–17 (in Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-7-17.
- Lisachenko A.V. (2022). The legal regime of “big genomic data”: pros and cons of free circulation. *Russian Law Journal*. No. 2(143), pp. 140–151 (in Russian). DOI: 10.34076/20713797_2022_2_140.
- Maleina M.N. (2021). Contract of cryopreservation and storage of human biological material in a personal biobank. *Journal of Russian Law*. Vol. 25, no. 4, pp. 71–82 (in Russian). DOI: 10.12737/jrl.2021.046.
- Mokhov A.A. (2021). Bioethical principles and biological safety. *Medical Law*. No. 4, pp. 16–21 (in Russian).
- Ostroumov S.A. (2009). Biocontrol of water pollution: problems of rehabilitation and remediation, including phytoremedi-

ation and zooremediation. *Toxicological Bulletin*. No. 6(99), pp. 31–38 (in Russian).

Pevtsova N.S. (2021). The right to physical existence: concepts, regulation and interpretation. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. No. 2, pp. 66–75 (in Russian). DOI: 10.18384/2310-6794-2021-2-66-75.

Pravovoye regulirovaniye... (2022). Kolo-sova N.M. (ed.) *Legal Regulation of the Status of Participants in Genomic Research (Russian and Foreign Experience)*. Moscow: Jurisprudence, 176 pp. (in Russian).

Sazin S.T. (2021). Concept, essence and interrelation of constitutional rights to life and health protection. *Constitutional and Municipal Law*. No. 4, pp. 39–45 (in Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2021-4-39-45.

Shevyrev D.N. (2022). Presumption of biological danger: the principle of human economic activity. *Medical Law*. No. 1, pp. 39–44 (in Russian).

Tikhomirov Yu.A., Cherepanova E.V., Tsomartova F.V. (2021). Legal vectors of real processes – a new approach in theory. *State and Law*. No. 1, pp. 7–16 (in Russian). DOI: 10.31857/S102694520013249-4.

Umnova-Konyukhova I.A. (2021). The right to be human – fundamental law and constitutional narrative in the system of personal rights and freedoms in the paradigm of humanism. *Constitutional and Municipal Law*. No. 11, pp. 41–46 (in Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-41-46.

Vasilevich D.G. (2017). Somatic rights of man and citizen. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanities*. No. 1, pp. 106–112 (in Russian).

Yarosh A.V. (2021). Civil-legal construction of a contract for cryopreservation and embryo storage. *Journal of Russian Law*. Vol. 25, no. 12, pp. 108–119 (in Russian). DOI: 10.12737/jrl.2021.152.

Yung K., Neathway C. (2020). Community Champions for Safe, Sustainable, Traditional Food Systems. *Current Developments in Nutrition*. Vol. 4, issue Supplement_1, pp. 49–52. DOI: 10.1093/cdn/nzz119.

Zholobova Yu.V., Schastlivtseva E.A. (2019). The philosophical content of transhumanism in the context of the crisis of human nature. *Bulletin of Vyatka State University*. No. 2, pp. 14–22. DOI: 10.25730/VSU.7606.19.014.

УДК 338.2

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.02

Меры государственной поддержки атомной энергетики: опыт зарубежных стран

Марина Сергеевна ЛИЗИКОВА

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права

Институт государства и права Российской академии наук

ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Российская Федерация, 119019

E-mail: lizikova_m@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5538-4385

ЦИТИРОВАНИЕ: Лизикова М.С. Меры государственной поддержки атомной энергетики: опыт зарубежных стран // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 25–39.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.02

Статья поступила в редакцию 11.05.2023.

Исправленный текст представлен 01.09.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены факторы государственного участия и поддержки атомной энергетики, а также подходы к классификации его моделей и форм. Отмечено, что модели развития атомной энергетики с недостаточной долей государственного участия и поддержки в современных условиях показали свою неэффективность, что привело к отставанию реализующих их стран (в первую очередь США, Великобритании, Франции, Швеции и др.) от конкурирующих государств. Анализ программно-стратегических документов и принятых в последние годы законодательных актов этих государств показал их стремление расширить и ускорить развитие атомной энергетики посредством значительного усиления государственной поддержки отрасли. В числе мер последней автором выявлены и охарактеризованы: введение налоговых кредитов и льгот, поиск и утверждение новых

способов финансирования крупных инфраструктурных проектов, усиление роли органов государственной власти и управления, снижение нормативного бремени на отрасль, запуск программ поддержки развития атомной энергетики, законодательная поддержка. В заключении сделан вывод о переоценке, пересмотре и стремлении к модернизации отдельными зарубежными государствами действовавших ранее моделей государственного участия и поддержки атомной энергетики. Подчеркивается, что только согласованный, системный и всесторонний характер мер, отраженных в нормативно-правовых актах, обеспечивающих их реализацию, может способствовать увеличению доли атомной энергии в энергетическом балансе этих государств и оказать положительное влияние на решение стоящих перед ними экономических, энергетических и климатических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *атомная энергетика, правовое регулирование, законодательство в области использования атомной энергии, ядерная энергия, энергетическая политика, энергетическое право, инвестиции, лицензирование, инновационные ядерные технологии, государственная поддержка.*

Введение. Роль и факторы государственного участия и поддержки в атомной энергетике

Создание и развитие атомной энергетики невозможны без государственного участия и поддержки, необходимость которых обусловлена совокупностью факторов стратегического, политического и экономического характера. Ее стратегическое значение определяется в первую очередь вкладом в обеспечение энергетической безопасности, устойчивого развития, а также потенциальной ролью в борьбе с изменением климата. Достижение этих целей, в свою очередь, требует политического внимания к вопросам финансирования инвестиций в отрасль, которая, наряду с вышесказанным, обеспечивает также и геополитические преимущества, что, несомненно, способствует укреплению позиций государства на энергетической карте мира. Так, например, с позиции укрепления суверенитета и уважения амбиций с точки зрения декарбонизации и конкурентоспособности экономики масштабное расширение своей ядерно-энергетической программы рассматривает Франция¹. Отмена поэтапного от-

каза от атомной энергетики и переход к реализации планов по ее развитию в Нидерландах обусловлен возможной ролью атомной энергетики в структуре энергопотребления и в укреплении геополитических позиций страны². Необходимость восстановления лидерства в рассматриваемой сфере, усиление экономики, содействие оздоровлению окружающей среды и дальнейшая декарбонизация энергопромышленного комплекса страны лежат в основе модернизации атомной энергетики США [The impact..., 2023]. Энергетическая независимость, защита от нестабильности международных энергетических рынков, а также поддержка перехода к чистой энергии выступают причинами признания значения атомной энергетики в Великобритании³.

Говоря о государственном участии, также следует упомянуть и условия реализации государством ядерно-энергетической программы, в число которых, наряду с созданием и поддержанием устойчивой национальной инфраструктуры на протяжении всего ее жизненного цикла, обеспечением ядерной и радиационной безопасности, физической безопасности ядерных материалов, культуры безопасности, входит выполнение обязательств, принятых в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия и связанных с ним соглашений о гарантиях и протоколов, а также предусмотренных международными договорами в области использования атомной энергии.

Что касается экономических факторов, то реализация ядерно-энергетических проектов осложняется их высокой стоимостью. Например, стоимость пер-

1 French ministerial council prepares for nuclear revival // World Nuclear News. – 2023. – February 6. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/French-ministerial-council-prepares-for-nuclear-re> (дата обращения: 04.05.2023).

2 ENCO: Possible role of nuclear in the Dutch energy mix in the future: Final Report ENCO-FR-(20)-13. – 2020. – URL: <https://open.overheid.nl/documenten/ronl-f29c1eb8-af04-4e8c-bc95-812be06991be/pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

3 Powering Up Britain. – 2023. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1147340/powering-up-britain-joint-overview.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

воначального контракта на строительство двух реакторов в Руппуре составила 12,65 млрд долл. США⁴, программы продления срока службы реактора *Grand Carénage* во Франции, включая техническое обслуживание и модернизацию, – 55 млрд евро⁵, программы модернизации АЭС «Фукусима», направленной на повышение безопасности от внешних воздействий, – 10 млрд евро⁶, а инвестиции в преобразование атомной энергетики Польши оцениваются в 32 млрд долл. США⁷.

Высоки временные и коммерческие риски таких проектов. Наглядной иллюстрацией первых является затянувшееся более чем на 20 лет строительство АЭС «Олкилуото-3»⁸. В качестве примера вторых можно привести расторжение финской стороной в мае 2022 г. контракта между *Fennovoima* и ГК «Росатом» на строительство АЭС «Ханхикиви-1» в Финляндии⁹, повлекшее за собой взаимные судебные претензии на 2 млрд евро и 3 млрд долл. США соответственно¹⁰.

Модели государственного участия и поддержки в атомной энергетике: испытание временем

Исторически сложилось несколько моделей государственного участия в атомной энергетике. На наш взгляд, наиболее обоснованной и полно ох-

ватывающей существующие в мире модели государственного участия и поддержки является классификация И. Шульги, который в зависимости от степени и форм контроля выделяет пять моделей: полного или почти полного государственного контроля (Россия, Индия, Китай, Франция); совместного «экономического» контроля, которая допускает значительное присутствие в основном отраслевом холдинге и его дочерних компаниях негосударственных акционеров при жестком контроле со стороны государства (Южная Корея); смешанного частно-государственного контроля с привлечением частных или иностранных инвесторов (Болгария); формального контроля (Канада); преимущественно негосударственного контроля (США, Япония, Великобритания, Швеция, Германия, Финляндия, Испания, Швейцария и др.) [Шульга, 2019].

В то же время С. Троманс различает в зависимости от форм государственной поддержки четыре «контрастные» модели государственного участия, примерами которых являются: Великобритания, поддерживающая идею развития атомной энергетики, но до настоящего времени не стремившаяся брать на себя финансирование и риски новых проектов, отдавая их на откуп частному сектору; Франция, атомная энергетика которой основана на государственной поддержке и высокой

4 Rooppur: Bangladesh paying Russia in yuan to sidestep sanctions // World Nuclear News. – 2023. – April 18. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Rooppur-Bangladesh-paying-Russia-in-yuan-to-sidestep-sanctions> (дата обращения: 04.05.2023).

5 Nuclear Power in France // World Nuclear Association. – 2023. – URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/france.aspx> (дата обращения: 04.05.2023).

6 Там же.

7 Ustawa z dnia 13 stycznia 2023 r. o zmianie ustawy o przygotowaniu i realizacji inwestycji w zakresie obiektów energetyki jądrowej oraz inwestycji towarzyszących oraz niektórych innych ustaw. – 2023. – Пол. яз. – URL: http://orka.sejm.gov.pl/proc9.nsf/ustawy/2562_u.htm (дата обращения: 04.05.2023).

8 Nuclear Power in Finland // World Nuclear Association. – 2023. – URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-a-f/finland.aspx> (дата обращения: 04.05.2023).

9 Финская Fennovoima расторгла контракт с «Росатомом» на строительство АЭС «Ханхикиви-1» // Страна Росатом. – 2022. – 2 мая. – URL: <https://strana-rosatom.ru/2022/05/02/finskaya-fennovoima-rastorgla-kontrakt-s-rosa/> (дата обращения: 04.05.2023).

10 Доля Росатома в проекте финской АЭС Ханхикиви упала до 3% // Neftegaz.Ru. – 2022. – 2 декабря. – URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/761235-dolya-rosatoma-v-proekte-finskoj-aes-khankhikivi-upala-do-3/> (дата обращения: 04.05.2023).

степени государственного контроля; США, где развитие атомной энергетики осуществлялось «по модели коммерческого рынка», то есть в рамках свободной конкуренции между частными предприятиями; Китай, определение характера государственной поддержки атомной энергетики при отсутствии согласованного национального подхода с противоречивой политикой которого «остается неуловимой задачей» [Tromans, 2019].

Однако, как показала практика, модели развития атомной энергетики с недостаточной долей государственного участия и поддержки, успешно реализовавшиеся в условиях конкурентоспособности атомной энергии с углем и на начальных этапах формирования требований ядерной и радиационной безопасности, по мере увеличения стоимости строительства и ужесточения нормативно-правовых требований столкнулись со сложностями обеспечения реализации новых ядерных проектов, неэффективностью атомной энергетики для целей национальной политики и, соответственно, отставанием от конкурирующих государств.

Так, кризис атомной энергетики США, развивавшейся по «модели коммерческого рынка», основанной на свободной конкуренции между частными предприятиями, вызванный отсутствием государственной поддержки в отношении нового ядерного строительства, привел в середине прошлого века к постепенному отказу рыночных сил от дальнейшего развития атомного парка [Bradford, 2013, p. 12]. Наглядной иллюстрацией данного тезиса является тот факт, что строительство последнего введенного в эксплуатацию в США

ядерного реактора было начато еще в 1973 г.¹¹, а срок действия половины всех АЭС страны в ближайшее время истекает¹².

Не прошла испытание временем и модель развития гражданской атомной энергетики Великобритании, где, несмотря на то что атомная генерация остается в государственном секторе, конкретная форма приватизации, предложенная для этого государства, не обеспечила достаточных гарантий для рынка капитала [Cheshire, 1992, p. 744]. Это оказало соответствующее влияние и на попытку привлечения правительством Великобритании частного сектора для строительства АЭС нового поколения [Banks, 2008]. Пример реализации этого решения – строительство АЭС «Хинкли-Поинт» – вызвал критику использованной модели государственного участия (включаящую контракт на разницу (CFD), государственную кредитную гарантию своевременной выплаты основного долга и процентов по необеспеченным облигациям на сумму до 17 млрд фунтов стерлингов, соглашение о выплате компенсации инвесторам в случае закрытия АЭС по политическим причинам) и показал низкую вероятность следования ей в будущем.

Поиск новых форм режима регулирования и управления в части соотношения сотрудничества государства и общества в рассматриваемой сфере осуществляется и в странах Европейского союза [Brendler, 2023].

И напротив, быстрые темпы развития атомной энергетики, в том числе в части нового строительства и внедрения инновационных ядерных технологий, и высокая конкурентоспо-

11 WATTS BAR-2 // IAEA. – 2023. – URL: <https://pris.iaea.org/PRIS/CountryStatistics/ReactorDetails.aspx?current=700> (дата обращения: 04.05.2023).

12 Biden urged to preserve US nuclear fleet. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Biden-urged-to-preserve-US-nuclear-fleet> (дата обращения: 04.05.2023).

способность присущи странам, модели государственного участия и поддержки которых контрастируют с отмеченными выше. Исследования специфики моделей развития атомной энергетики, получившие широкое распространение в зарубежной научной литературе [Tromans, 2019; Drupadu, 2019; Heffron, 2013a; Heffron, 2013b; Gattie, 2018; Gattie, 2020; Zimmermann, Keles, 2023], также содержат выводы о целесообразности сильной государственной поддержки атомной энергетики и включения коммерческих целей в цели национальной политики. Нельзя не согласиться с утверждением, что если становление атомной энергетики было возможным лишь посредством институциональных государственных процессов (в сотрудничестве с частным сектором или государственным ядерно-промышленным комплексом), то и ее дальнейшее развитие требует активного государственного участия [Rubio-Varas, De la Torre, Connors, 2022]. Без последнего невозможно и регулирование законодательства, финансирование фундаментальных исследований в области высоких технологий, субсидирование для конкурентоспособного ценообразования, обучение человеческого капитала, дипломатия для содействия передаче технологических знаний.

Вышесказанное нашло отражение в стремлении ряда государств внести коррективы в свои модели государственного участия в атомной энергетике и стремлении модернизировать атомную отрасль посредством поиска беспрецедентных мер ее государственной поддержки, а также модернизации правового регулирования атомной энергетики [Лизикова, 2021] с целью их правового обеспечения, в связи с чем в рамках данной статьи представля-

ется целесообразным рассмотреть меры государственной поддержки, внедряемые в настоящее время преимущественно в тех государствах, модели которых не прошли проверку временем.

Меры государственной поддержки атомной энергетики

Проведенный анализ законодательства отдельных зарубежных стран выявил следующие меры государственной поддержки атомной энергетики: введение налоговых кредитов и льгот, поиск и утверждение новых способов финансирования крупных инфраструктурных проектов, усиление роли органов государственной власти и управления, снижение нормативного бремени на отрасль, запуск программ поддержки развития атомной энергетики, законодательная поддержка атомной энергетики. В этом ряду отметим и международную инициативу в этой сфере, которая в конечном итоге также призвана содействовать развитию атомной энергетики.

Крупномасштабный рост атомной энергетики невозможен без повышения ее экономической конкурентоспособности [Simionescu, 2023]. Вопрос о последней является дискуссионным. По оценкам Всемирной ядерной ассоциации, атомная энергетика с учетом затрат на вывод из эксплуатации и захоронение отходов конкурентоспособна по стоимости с другими формами производства электроэнергии¹³. В то же время в научных работах по экономике отмечается, что атомная энергетика является экономически конкурентоспособной с возобновляемой энергетикой (ВИЭ), но только при условии, что стоимость электроэнергии, производимой

13 Economics of Nuclear Power // World Nuclear Association. – 2022. – URL: <https://world-nuclear.org/information-library/economic-aspects/economics-of-nuclear-power.aspx> (дата обращения: 04.05.2023).

за одну ночь, сопоставима с АЭС, недавно построенными в Китае и Корее, чего нельзя сказать в случае, если она сопоставима с новыми АЭС, построенными в Великобритании, США или во Франции [Nian, Mignacca, Locatelli, 2022]. В качестве же условий конкурентоспособности атомной энергетики с угольной приводятся введение налога на углерод «разумного размера», отмена «чрезмерно обременительных» нормативных требований, а также создание «экономически эффективного реактора» [Kemp, Doren Van, 2022].

Финансирование ядерных проектов в рамках существующих механизмов сталкивается со многими проблемами, в числе которых, наряду с вышеназванной, – вопросы длительности сроков строительства, общественного признания, репутационные риски, потенциальные споры и другие, что в значительной степени осложняет привлечение инвестиций. С целью преодоления этих проблем путем предоставления финансирования, поддержки крупномасштабных глобальных инвестиций как в традиционные коммерчески проверенные технологии генерации, так и в технологии будущего (усовершенствованные и малые модульные реакторы, другие появляющиеся ядерные технологии) планируется создание не позже 2023 г. концептуально новой многосторонней международной финансовой организации – Международного банка ядерной инфраструктуры (*The International Bank for Nuclear Infrastructure, IBNI*)¹⁴. Ожидается, что его деятельность будет сти-

мулировать принятие государствами политических решений по реформированию энергетических рынков для создания более справедливых условий для всех низкоуглеродных технологий, в том числе атомной энергетики¹⁵. Моделью для основания IBNI будет служить та же, по которой основаны Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, а также Всемирный банк, давший за всё время своего существования всего один кредит на проект в области атомной энергетики [Mascolo, 2020, p. 1460].

Введение налоговых кредитов и льгот

Еще одной мерой поддержки отрасли, направленной на устранение экономических препятствий и обеспечение доверия инвестициям в атомную энергетику, является включение правительства ряда зарубежных государств атомной энергетики в налоговый кредит на инвестиции и предоставление ей права на ряд других налоговых льгот. Так, например, в США согласно Закону о консолидированных ассигнованиях¹⁶ важным компонентом финансирования строительства АЭС и первого модульного реактора являются налоговые льготы и возможности для выделения кредитов на ядерные мощности до 6000 МВт, распространяющиеся на новые ядерные реакторы и мощности. А принятый в 2022 г. с целью поддержки существующей и новой атомной энергетики Закон о сокращении инфляции¹⁷,

14. The International Bank for Nuclear Infrastructure // IBNI. – 2023. – URL: <https://nuclearbank-io-sag.org> (дата обращения: 04.05.2023).

15. Financing issues for nuclear under the spotlight // World Nuclear News. – 2022. – September 9. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Financing-issues-for-nuclear-under-the-spotlight> (дата обращения: 04.05.2023).

16. Consolidated Appropriations Act, 2018 // Congress.Gov. – 2018. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/1625/text> (дата обращения: 04.05.2023).

17. Inflation Reduction Act of 2022 // U.S. Department of Energy. – 2022. – URL: [https://www.energy.gov/lpo/inflation-reduction-act-2022#:~:text=The%20Inflation%20Reduction%20Act%20\(IIRA,putting%20the%20United%20States%20on](https://www.energy.gov/lpo/inflation-reduction-act-2022#:~:text=The%20Inflation%20Reduction%20Act%20(IIRA,putting%20the%20United%20States%20on) (дата обращения: 04.05.2023).

который «знаменует собой крупнейшую инвестицию в борьбу с «экзистенциальным кризисом» изменения климата»¹⁸, содержит положения, направленные на нейтрализацию налоговых льгот на электроэнергию, позволяющую всем видам топлива с нулевым уровнем выбросов воспользоваться налоговыми льготами на инвестиции или производство, а также на предоставление налоговых льгот для стимулирования технологий термоядерного синтеза и передовых ядерных реакторов.

Принятие этого закона подтолкнуло правительство Канады к введению соответствующих мер, в результате чего в Федеральном бюджете Канады на 2023 г.¹⁹ был введен новый 15%-й возвращаемый инвестиционный налоговый кредит на чистую электроэнергию, который будет доступен как государственным, так и частным организациям, осуществляющим в числе прочих строительство новых проектов в области как крупномасштабной атомной энергетики, так и малых модульных реакторов, а также на реконструкцию уже существующих объектов. Более того, он дополняется налоговым кредитом на инвестиции в чистые технологии, который предоставляет кредиты в размере до 30% на технологии производства электроэнергии, не выдающие электроэнергию, включая SMR. Также атомная энергетика поддержана такими мерами в бюджете, как продление налоговых льгот для производителей технологий с нулевым уровнем выбросов, включая атомный энергетический сектор; выделение дополнительных

средств Канадскому банку инфраструктуры; дополнительные 1,3 млрд канадских долл. для повышения эффективности регулирующих органов, в том числе для Канадской комиссии по ядерной безопасности; предоставление 500 млн канадских долл. в течение десяти лет Фонду стратегических инноваций, который ранее поддерживал проекты малых модульных реакторов.

Введение специальных государственных кредитных гарантий для укрепления условий для инвестиций в атомную энергетику также является одной из мер поддержки в Швеции, закрепленных в подписанном в октябре 2022 г. соглашении *Tidö*²⁰.

Появление налоговых льгот и поощрение инвестиций частного сектора в ядерно-энергетическую программу Великобритании станет в ближайшей перспективе возможным благодаря классификации атомной энергетики как экологически устойчивой, наряду с ВИЭ, в рамках налоговой системы²¹.

Поиск и утверждение новых способов финансирования крупных инфраструктурных проектов

Важную роль в числе мер государственной поддержки атомной энергетики играет поиск и утверждение новых способов финансирования крупных инфраструктурных проектов. Например, в январе 2022 г. правительство Великобритании предоставило финансирование в размере 100 млн фунтов стерлингов для развития про-

18 US Senate passes 'single biggest climate investment' // World Nuclear News. – 2022. – August 8. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/US-Senate-passes-single-biggest-climate-investment> (дата обращения: 04.05.2023).

19 Budget 2023: A Made-in-Canada Plan: Strong Middle Class, Affordable Economy, Healthy Future // Government of Canada. – 2023. – URL: <https://www.budget.canada.ca/2023/home-accueil-en.html> (дата обращения: 04.05.2023).

20 Tidöavtalet: Överenskommelse för Sverige // Sveriges liberala parti. – 2022. – Швед. яз. – URL: <https://www.liberalerna.se/wp-content/uploads/tidoavtalet-overenskommelse-for-sverige-slutlig.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

21 Support for households and energy security at the heart of Budget // Government of UK. – 2023. – March 16. – URL: <https://www.gov.uk/government/news/support-for-households-and-energy-security-at-the-heart-of-budget> (дата обращения: 07.05.2023).

екта *Sizewell C*, предусматривающего строительство «реплики» АЭС *Hinkley Point C* с двумя ядерными реакторами *EPR*²². В этой части также следует отметить принятие Закона о ядерной энергии (финансирование)²³, разрешающего новый способ финансирования новых крупных инфраструктурных проектов – модель финансирования регулируемой базы активов (*RAB*), которая применима в том числе к инновационным ядерным технологиям и позволяет финансировать новые ядерных проекты через частных инвесторов (пенсионные фонды, страховщиков), снизить зависимость от зарубежных инвесторов, сократить стоимость финансирования, а также снизить затраты для потребителей. Так как положения данного закона не привязаны к инвестиционному решению по конкретному проекту, это позволяет сделать вывод о стремлении создать специальный режим для атомной энергетики, аналогичный существующим в других отраслях энергетики.

Усиление роли органов государственной власти и управления

Следует отметить, что меры государственной поддержки атомной энергетики должны сочетаться с усилением роли органов государственной власти и управления. Так, в Великобритании инициировано создание нового органа *Great British Nuclear (GBN)*²⁴, о чём было

впервые объявлено в Британской стратегии энергетической безопасности²⁵. В его полномочия будет входить ответственность за реализацию новых ядерных проектов с целью увеличения доли атомной энергии в электрическом балансе страны с нынешних 15% до 25% к 2050 г. В связи с этим на его повестке стоят следующие задачи: разработка четкой дорожной карты в 2023 г. для принятия окончательного инвестиционного решения по новым ядерным проектам; запуск первого поэтапного конкурса малых модульных реакторов; в перспективе – поддержка рассмотрения правительством крупных проектов гигаваттного масштаба. Кроме того, правительство Великобритании предоставляет до 830 тыс. фунтов стерлингов Управлению по ядерному регулированию и Агентству по окружающей среде для развития их потенциала и рассмотрения инновационных подходов к регулированию новых технологий в атомной энергетике.

Вопрос о реформировании органов ядерной безопасности остро стоит и во Франции, где неудачная реформа инфраструктуры атомного регулирования, пришедшаяся на первое десятилетие 2000-х годов, привела атомную энергетику к кризису [*Andrews-Speed*, 2022]. Попыткой его осуществления стало вынесение на рассмотрение правительственных поправок к закону «Новая ядерная энергетика»²⁶ в феврале 2023 г. Однако в первом чтении указанный законопроект был отклонен.

22 UK government takes 50% stake, confirms backing for Sizewell C // World Nuclear News. – 2022. – November 29. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/UK-government-takes-50-stake-gives-go-ahead-for-S> (дата обращения: 04.05.2023).

23 Nuclear Energy (Financing) Bill 2021-22 // House of Commons Library. – 2022. – January 7. – URL: <https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-9356/> (дата обращения: 04.05.2023).

24 Great British Nuclear // Government of UK. – 2023. – URL: <https://www.gov.uk/government/organisations/great-british-nuclear> (дата обращения: 07.05.2023).

25 British energy security strategy // Government of UK. – 2022. – April 7. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/british-energy-security-strategy> (дата обращения: 07.03.2023).

26 Fusion ASN-IRSN: La commission des affaires économiques du Sénat fera preuve d'une grande vigilance dans le cadre de la navette du projet de loi «Nouveau Nucléaire» // Sénat français. – 2023. – Mars 9. – Франц. яз. – URL: <https://www.senat.fr/presse/cp20230309a.html> (дата обращения: 10.03.2023).

Снижение нормативного бремени на отрасль

Также способствовать дальнейшему развитию атомной энергетики призваны меры, направленные на снижение нормативного бремени на отрасль. В условиях быстрого развития новых ядерных энерготехнологий настоящий момент характеризуется как «атмосфера перемен в регулировании и политике», иными словами, как возможность заблаговременного разрешения противоречий, которые могут возникнуть при включении инноваций в модернизированную схему регулирования [Lipinski, 2023].

Так, принятый в США в 2019 г. Закон об инновациях и модернизации ядерной энергетики²⁷ предусматривает изменение системы лицензирования для ядерных энергоблоков с передовыми реакторами, которая должна отвечать следующим требованиям: четкость процедуры лицензирования, установление контрольных показателей, доступность, надежность, своевременность и срочность. А принятый в текущем году с целью поддержки усилий по разработке и развертыванию новых ядерных технологий в стране и за рубежом Закон об ускорении развертывания универсальной передовой ядерной энергии для чистой энергии²⁸ устанавливает следующие меры: снижение нормативных расходов для компаний, стремящихся лицензировать передовые реакторные

технологии; разработка нового подхода к лицензированию ядерных объектов на заброшенных объектах; модернизация правил, ограничивающих международные инвестиции; продление на 20 лет Закона Прайса-Андерсона²⁹, который предусматривает возмещение расходов атомных электростанций США; обеспечение готовности регулирующих органов к квалификации и лицензированию передовых ядерных видов топлива и др.

В свою очередь, шведское Соглашение *Tidö*³⁰ в качестве рассматриваемых нами мер требует разработать правила, облегчающие строительство и использование малых модульных реакторов, сократить процесс выдачи разрешений на новое строительство и снизить плату за подачу заявки на новые ядерные реакторы.

Отступление от законодательных требований для облегчения строительства, разработки оборудования и установок, а также работ, связанных с созданием или эксплуатацией ядерного энергетического реактора; освоение проектов ядерных энергетических реакторов и оборудования, необходимого для их эксплуатации, от градостроительного разрешения, а также упрощение мер, касающихся эксплуатации существующих основных ядерных установок, – неполный перечень процедур, направленных на ускорение строительства новых ядерных установок, внесенных зимой 2023 г. на рассмотрение в Сенат Франции³¹.

27 Nuclear Energy Innovation and Modernization Act. Jan. 14, 2019 // USA Congress. – 2019. – URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ439/PLAW-115publ439.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

28 The Accelerating Deployment of Versatile, Advanced Nuclear for Clean Energy (ADVANCE) Act // Senate.Gov. – 2023. – URL: https://www.epw.senate.gov/public/_cache/files/a/8/a804f8d7-0142-47c3-87e1-413259c13967/D5974E051150760B7CFFB2D-2420F46E1.capito-advance-act-one-pager.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

29 Price-Anderson Act // U.S. Department of Energy. – URL: [https://www.energy.gov/gc/price-anderson-act#:~:text=The%20Price%2DAnderson%20Act%20\(PAA, respect%20to%20DOE%20contractual%20activities](https://www.energy.gov/gc/price-anderson-act#:~:text=The%20Price%2DAnderson%20Act%20(PAA, respect%20to%20DOE%20contractual%20activities) (дата обращения: 10.03.2023).

30 Tidöavtalet: Överenskommelse för Sverige // Sveriges liberala parti. – 2022. – Швед. яз. – URL: <https://www.liberalerna.se/wp-content/uploads/tidoavtalet-overenskommelse-for-sverige-slutlig.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

31 Projet de loi relatif à l'accélération des procédures liées à la construction de nouvelles installations nucléaires à proximité de sites nucléaires existants et au fonctionnement des installations existantes // Sénat français. – 2023. – Janvier 11. – Франц. яз. – URL: <http://www.senat.fr/rap/122-236/122-2361.html> (дата обращения: 07.03.2023).

Запуск программ поддержки развития атомной энергетики

Рассматривая такую меру, как запуск программ поддержки развития атомной энергетики, важно отметить, что не следует недооценивать программно-стратегические документы, обеспечивающие их реализацию, так как они являются важными не только для политических, но и правовых исследований в силу содержания в них основных целей, определений и инструментов, позволяющих проследить тенденции развития политики и государственного регулирования, а также выявить взаимосвязь между ними.

Приоритетные цели расширения атомной энергетики отражены в таких стратегических документах, как Многолетние энергетические программы на периоды 2019–2023 и 2024–2028 гг.³² и инвестиционный план развития «Франция 2030»³³ во Франции; стратегический документ «Стратегическое видение»³⁴, «План создания рабочих мест, инфраструктуры и экологически чистой энергии»³⁵ и программа «Основы инфраструктуры для ответственного использования технологии

малых модульных реакторов»³⁶ в США; Британская стратегия энергетической безопасности³⁷, «Белая книга» ядерной энергетики³⁸ и программный документ *Powering Up Britain*³⁹ в Великобритании и др. Последний предусматривает двенадцать новых мер, которые правительство примет для повышения энергетической безопасности, в том числе для реализации упомянутой ранее ядерной программы, отвечающей за реализацию новых ядерных проектов, подкрепленной необходимым финансированием. Другой пример – Программа термоядерной промышленности⁴⁰, являющаяся частью правительственного пакета поддержки исследований Великобритании, объявленного в 2022 г. для стимулирования долгосрочного экономического роста путем развития технологий и навыков, по которой было выделено 42,1 млн фунтов стерлингов для стимулирования инноваций и ускорения развития термоядерной промышленности.

Программа поддержки коммерческого развития малых модульных реакторов запущена в Канаде⁴¹. Ею предусмотрено выделение 29,6 млн канадских долл. (21,8 млн долл. США)

32 Programmation Pluriannuelle de l'Énergie // Ministère de la Transition écologique et de la Cohésion des territoires. Ministère de la Transition énergétique. – 2023. – Mai 15. – Франц. яз. – URL: <https://www.ecologie.gouv.fr/programmations-pluriannuelles-len-ergie-ppe> (дата обращения: 07.02.2023). Новую Многолетнюю энергетическую программу планируется представить в июне 2023 г.

33 France 2030. – 2023. – Франц. яз. – URL: <https://www.gouvernement.fr/france-2030> (дата обращения: 07.02.2023).

34 DOE-NE Strategic Vision // U.S. Department of Energy. – 2021. – URL: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/2021/01/f82/DOE-NE%20Strategic%20Vision%20Web%20-%2001.08.2021.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

35 US President includes nuclear in American Jobs Plan // World Nuclear News. – 2021. – April 1. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Nuclear-investments-included-in-Bidens-American-Jo> (дата обращения: 04.05.2023).

36 US State Department launches SMR support programme // World Nuclear News. – 2021. – April 29. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/US-State-Department-launches-SMR-support-programme> (дата обращения: 04.05.2023).

37 British energy security strategy // Government of UK. – 2022. – April 7. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/british-energy-security-strategy> (дата обращения: 07.03.2023).

38 A White Paper on Nuclear Power: meeting the energy challenge // Government of UK. – 2008. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/228944/7296.pdf (дата обращения: 02.05.2023).

39 Powering Up Britain // Government of UK. – 2023. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1147340/powering-up-britain-joint-overview.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

40 Contracts awarded to accelerate UK's fusion industry // World Nuclear News. – 2023. – February 28. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Contracts-awarded-to-accelerate-UK-s-fusion-indust> (дата обращения: 04.05.2023).

41 Enabling Small Modular Reactors Program // Government of Canada. – 2023. – URL: <https://natural-resources.canada.ca/our-natural-resources/energy-sources-distribution/nuclear-energy-uranium/enabling-small-modular-reactors-program/24959> (дата обращения: 04.05.2023).

в течение четырех лет для разработки цепочек поставок для производства малых модульных реакторов, поставок и безопасности топлива, а также для финансирования исследований по безопасным решениям по управлению отходами малых модульных реакторов.

Известно, что в США и Европе требует безотлагательного решения проблема старения атомного парка. Принимаются программы, направленные и на ее решение. Например, Программа гражданского ядерного кредитования Министерства энергетики США⁴² стоимостью 6 млрд долл. США, первоначально направленная на предотвращение преждевременного вывода из эксплуатации ядерных реакторов, впоследствии расширена за счет включения в нее владельцев или операторов ядерных реакторов, которые прекратили свою деятельность после 15 ноября 2021 г.

Законодательная поддержка атомной энергетики

Применительно к вопросу о законодательной поддержке атомной энергетики отметим, что в правовых актах зарубежных стран, многие из которых были приняты в последние годы, содержатся меры, направленные на устранение положений действующего законодательства, которые препятствуют или тормозят развитие атомной энергетики. Так, во Франции назрела потребность внесения изменений в Закон «Об энергетическом переходе» от 2015 г. и Энергетический кодекс в части отмены цели сокращения ядерных мощностей на 50% к 2035 г. и априорного предела

ограничения разрешений на объекты производства атомной электроэнергии на уровне в 63,2 ГВт, согласования Национальной энергетической стратегии и содержания Пятилетнего закона об энергетике, вступающего в силу в июле 2023 г., в отношении атомной энергии и низкоуглеродного водорода с возрождением атомной энергетики, а также интеграция политики, проводимой правительством в отношении последних, в будущую Многолетнюю энергетическую программу⁴³. В Швеции предлагается снять запрет в Экологическом кодексе на разрешение строительства новых реакторов в местах, где уже есть объекты атомной энергетики, а также на одновременное использование более десяти реакторов⁴⁴.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ правового обеспечения мер государственной поддержки атомной энергетики в зарубежных странах показал, что заявления о стремлении расширить и ускорить развитие атомной энергетики, содержащиеся в их программно-стратегических документах, не являются декларативными. Принятые в последние годы законодательные акты содержат согласованную систему всесторонних мер государственной поддержки отрасли, которая включает введение налоговых кредитов и льгот, утверждение новых способов финансирования крупных инфраструктурных проектов, усиление роли органов государственной власти и управления, снижение нормативного бреме-

42 US DOE widens eligibility for CNC fund // World Nuclear News. – 2023. – March 3. – URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/US-s-DoE-widens-eligibility-for-CNC-fund> (дата обращения: 04.05.2023).

43 Projet de loi relatif à l'accélération des procédures liées à la construction de nouvelles installations nucléaires à proximité de sites nucléaires existants et au fonctionnement des installations existantes // Sénat. – Rapport n° 236 (2022–2023). – Франц. яз. – URL: <http://www.senat.fr/rap/I22-236/I22-2361.html> (дата обращения: 07.03.2023).

44 Tidöavtalet: Överenskommelse för Sverige // Sveriges liberala parti. – 2022. – Швед. яз. – URL: <https://www.liberalerna.se/wp-content/uploads/tidoavtalet-overenskommelse-for-sverige-slutlig.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

ни на отрасль, запуск программ поддержки развития атомной энергетики, а также законодательную поддержку атомной энергетики. Внедрение этих мер, многие из которых являются новыми в практике рассмотренных государств, свидетельствует о критической оценке ими действовавших ранее моделей государственного участия и поддержки атомной энергетики, пересмотре и стремлении к их модернизации. Можно предположить, что реализация этих мер надлежащим образом будет способствовать увеличению доли атомной энергии в энергетическом балансе этих стран, что в конечном итоге окажет положительное влияние на решение стоящих перед ними экономических, энергетических и климатических проблем.

Список литературы

- Лизикова М.С. Модернизация правового регулирования атомной энергетики в США // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 148–166.
- Шульга И. Государственное (без)участие // Атомный эксперт. – 2019. – № 7. – URL: https://atomicexpert.com/state_participation (дата обращения: 04.05.2023).
- Andrews-Speed P. The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement // The Journal of World Energy Law & Business. – 2022. – Vol. 15, N 2. – P. 151–166.
- Bradford P. How to close the US nuclear industry: Do nothing // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2023. – Vol. 69, N 2. – P. 12–21.
- Brendler V. Who shapes the energy transition? National regulatory styles and societal involvement in renewable energy policy // Z Politikwiss. – 2023. – N 33. – P. 325–354.
- Chesshire J. Why nuclear power failed the market test in the UK // Energy Policy. – 1992. – Vol. 20, N 8. – P. 744–754.
- Drupadu I.M. Emerging Nuclear Vendors in The Newcomer Export Market: Strategic Considerations // Journal of World Energy Law & Business. – 2019. – Vol. 12, issue 1. – P. 4–20.
- Gattie D.K. A strategic policy framework for advancing U.S. civilian nuclear power as a national security imperative // The Electricity Journal. – 2018. – N 31. – P. 23–32.
- Gattie D.K. U.S. energy, climate and nuclear power policy in the 21st century: The primacy of national security // The Electricity Journal. – 2020. – Vol. 33. – Article no. 106690.
- Heffron R.J. Nuclear energy policy in the United States 1990–2010: A federal or state responsibility? // Energy Policy. – 2013a. – N 62. – P. 254–266.
- Heffron R.J. Nuclear new build in the USA 1990–2010: a three state analysis // Technology Forecasting and Social Change. – 2013b. – Vol. 80, N 5. – P. 876–892.
- Kemp D., Doren Van P. Would a Carbon Tax Rejuvenate Nuclear Energy? Nuclear power emits virtually no greenhouse gases or air pollution, but it has high capital costs and potential risk // Regulation. – 2022. – URL: <https://www.cato.org/regulation/fall-2022/would-carbon-tax-rejuvenate-nuclear-energy> (дата обращения: 04.05.2023).
- Lipinski P.M. Considering the Price-Anderson Act's Federal Public Liability Action Provisions in the Future of Nuclear Fusion Power. – Forthcoming, SSRN, 2023. – 56 p. – URL: <https://ssrn.com/abstract=4416650> (дата обращения: 04.07.2023).
- Mascolo R. Tennessee valley in Southern Italy: How the ENSI project was the first and only World Bank loan for nuclear power // Business History. – 2020. – Issue 8. – P. 1460–1493.
- Nian V., Mignacca B., Locatelli G. Policies toward net-zero: Benchmarking

the economic competitiveness of nuclear against wind and solar energy // *Applied Energy*. – 2022. – Vol. 320. – Article no. 119275.

Rubio-Varas M., De la Torre J., Connors D.P. The atomic business: structures and strategies // *Business history*. – 2022. – Vol. 64, N 8. – P. 1395–1412.

Simionescu M. The renewable and nuclear energy-economic growth nexus in the context of quality of governance // *Progress in Nuclear Energy*. – 2023. – Vol. 157. – Article no. 104590.

The impact of economic complexity, technology advancements, and nuclear

energy consumption on the ecological footprint of the USA: Towards circular economy initiatives / Hassan T., Wang P., Khan I., Zhu B. // *Gondwana Research*. – 2023. – Vol. 113. – P. 237–246.

Tromans S. State support for nuclear new build // *The Journal of World Energy Law & Business*. – 2019. – Vol. 12, issue 1. – P. 36–51.

Zimmermann F., Keles D. State or market: Investments in new nuclear power plants in France and their domestic and cross-border effects // *Energy Policy*. – 2023. – Vol. 173. – Article no. 113403.

DOI: 10.31249/kgf/2023.05.02

Measures of State Support of Nuclear Energy: The Experience of Foreign Countries

Marina S. LIZIKOVA

PhD (Law), Senior Research Fellow, Department of Civil and Business Law
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
Znamenka Street, 10, Moscow, Russian Federation, 119019

E-mail: lizikova_m@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5538-4385

CITATION: Lizikova M.S. (2023). Measures of State Support of Nuclear Energy: The Experience of Foreign Countries. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 3, pp. 25–39 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgf/2023.03.02

Received: 11.05.2023.

Revised: 01.09.2023.

ABSTRACT. *The article considers the factors of state participation and support of nuclear energy and approaches to the classification of its models and forms. It is noted that the models for the development of nuclear energy with an insufficient share of state participation and support in*

modern conditions have shown their inefficiency, which has led to the lag of the countries implementing them (first of all, the USA, Great Britain, France, Sweden, etc.) from the competing states. The analysis of the program-strategic documents and legislative acts of these states adopted in

recent years showed their desire to expand and accelerate the development of nuclear energy through a significant increase in state support for the industry. Among the measures of the latter, the author identified and characterized: the introduction of tax credits and benefits, the search for and approval of new ways to finance large infrastructure projects, strengthening the role of state authorities and administration, reducing the regulatory burden on the industry, launching programs to support the development of nuclear energy, legislative support. The conclusion is made about the reassessment, revision and desire for modernization by individual foreign states of the previously existing models of state participation and support for nuclear energy. It is emphasized that only the coordinated, systematic and comprehensive nature of the measures reflected in the regulatory legal acts that ensure their implementation can contribute to an increase in the share of nuclear energy in the energy balance of these states and have a positive impact on the solution of their economic, energy and climate problems.

KEYWORDS: nuclear energy, legal regulation, regulation in atomic energy use, nuclear energy, energy policy, energy law, investments, introduction, implementation of nuclear technologies, state support.

References

- Andrews-Speed P. (2022). The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement. *The Journal of World Energy Law & Business*. Vol. 15, no. 2, pp. 151–166.
- Bradford P. (2013). How to close the US nuclear industry: Do nothing. *Bulletin of the Atomic Scientists*. Vol. 69, no. 2, pp. 12–21.
- Brendler V. (2023). Who shapes the energy transition? National regulatory styles and societal involvement in renewable energy policy. *Z Politikwiss*. No. 33, pp. 325–354.
- Chesshire J. (1992). Why nuclear power failed the market test in the UK. *Energy Policy*. Vol. 20, no. 8, pp. 744–754.
- Drupadu I.M. (2019). Emerging Nuclear Vendors in The Newcomer Export Market: Strategic Considerations. *Journal of World Energy Law & Business*. Vol. 12, issue 1, pp. 4–20.
- Gattie D.K. (2018). A strategic policy framework for advancing U.S. civilian nuclear power as a national security imperative. *The Electricity Journal*. No. 31, pp. 23–32.
- Gattie D.K. (2020). U.S. energy, climate and nuclear power policy in the 21st century: The primacy of national security. *The Electricity Journal*. Vol. 33, article no. 106690.
- Heffron R.J. (2013a). Nuclear energy policy in the United States 1990–2010: A federal or state responsibility? *Energy Policy*. No. 62, pp. 254–266.
- Heffron R.J. (2013b). Nuclear new build in the USA 1990–2010: a three state analysis. *Technology Forecasting and Social Change*. Vol. 80, no. 5, pp. 876–892.
- Kemp D., Doren Van P. (2022). Would a Carbon Tax Rejuvenate Nuclear Energy? Nuclear power emits virtually no greenhouse gases or air pollution, but it has high capital costs and potential risk. *Regulation*. Available at: <https://www.cato.org/regulation/fall-2022/would-carbon-tax-rejuvenate-nuclear-energy>, accessed 04.05.2023.
- Lipinski P.M. (2023). *Considering the Price-Anderson Act's Federal Public Liability Action Provisions in the Future of Nuclear Fusion Power*. 56 pp. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4416650>, accessed 04.07.2023.
- Lizikova M.S. (2021). Modernization of the legal regulation of atomic energy in the United States. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. Vol. 16, no. 2, pp. 148–166 (in Russian).

Mascolo R. (2020). Tennessee valley in Southern Italy: How the ENSI project was the first and only World Bank loan for nuclear power. *Business History*. Issue 8, pp. 1460–1493.

Nian V., Mignacca B., Locatelli G. (2022). Policies toward net-zero: Benchmarking the economic competitiveness of nuclear against wind and solar energy. *Applied Energy*. Vol. 320, Article no. 119275.

Rubio-Varas M., De la Torre J., Connors D.P. (2022)/ The atomic business: structures and strategies. *Business History*. Vol. 64, no. 8, pp. 1395–1412.

Simionescu M. (2023). The renewable and nuclear energy-economic growth nexus in the context of quality of governance. *Progress in Nuclear Energy*. Vol. 157, article no. 104590.

Shul'ga I. (2019). State (without) participation. *Atomic Expert*. No. 7 (in Russian). Available at: https://atomicexpert.com/state_participation, accessed 04.05.2023.

The impact... (2023). Hassan T. et al. The impact of economic complexity, technology advancements, and nuclear energy consumption on the ecological footprint of the USA: Towards circular economy initiatives. *Gondwana Research*. Vol. 113, pp. 237–246.

Tromans S. (2019). State support for nuclear new build. *The Journal of World Energy Law & Business*. Vol. 12, issue 1, pp. 36–51.

Zimmermann F., Keles D. (2023). State or market: Investments in new nuclear power plants in France and their domestic and cross-border effects. *Energy Policy*. Vol. 173, article no. 113403.

Сфера науки и высшего образования

УДК 001.92

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.03

Роль ажиотажа в коммуникации науки и общества

Елена Георгиевна ГРЕБЕНЩИКОВА

доктор философских наук, заместитель директора по научной работе
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: aika45@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5007-7626

ЦИТИРОВАНИЕ: Гребенщикова Е.Г. Роль ажиотажа в коммуникации науки и общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 40–53.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.03

Статья поступила в редакцию 14.08.2023.
Исправленный текст представлен 27.11.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема ажиотажа в современной науке, раскрываются его источники и влияние на процессы производства знания. Подрывая доверие, ажиотаж может оказать негативное воздействие на социальное восприятие науки, на выбор приоритетов исследований, что ведет к неравномерному финансированию, на оценку неспециалистами рисков и пользы новых технологий. В то же время ажиотаж инициирует включение общества в обсуждение альтернативных видений развития инноваций, помогает мобилизовать научное сообщество и необходимые ресурсы для решения перспективных задач технауки. Особое внимание автором уделяется роли биомедицинской науки, с которой связывается множество ожиданий как в области лечения заболеваний, так и улучшения качества жизни и ее продолжительности. Авторский

подход к рассматриваемой проблеме, отталкиваясь от признания ажиотажа неотъемлемой частью современной науки, фокусируется на способах предупреждения его негативных эффектов. Подобные усилия могут быть направлены как на ученых, особенно молодых, СМИ и пиар-отделы научных учреждений, так и на работу с обществом. Последнее предполагает учет уже накопленного опыта вовлечения неспециалистов в научные дискуссии в рамках различных инициатив по популяризации науки, преодолению «дефицита знаний» неспециалистов и диалогу «наука и общество».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ажиотаж, генохайп, коммуникация между наукой и обществом, вовлечение общества в науку, медиализация науки, популяризация науки, доверие науке, этика науки.

Введение

Почти каждый день заголовки новостей сообщают об открытиях и сенсационных достижениях науки, которые вызывают в обществе как оптимистические оценки и ожидания, так и страхи. Нередко в таких сообщениях чрезмерно преувеличивается значение новых методов, технологий или идей, порождая ажиотаж. Главный критерий определения ажиотажа (или шумихи) – неправомерность выводов, которые он делает [Weingart, 2017, р. 112]. Исследования в области нейронаук, нанотехнологий, стволовых клеток, генетики и других направлений, прежде всего биомедицинской науки, часто сопровождаются завышенными ожиданиями и значительным вниманием общественности. Особый интерес к заявлениям и пресс-релизам, касающимся сферы здоровья, понятен: многие заболевания на данный момент неизлечимы и вместе с тем в обществе высок запрос на улучшение качества жизни и увеличение ее продолжительности. Тем не менее сенсационные заявления представителей социально-гуманитарных наук могут также порождать ажиотаж. Несмотря на опасения некоторых исследователей данной тематики, шумиха играет важную роль в коммуникации науки и общества, которую необходимо принимать во внимание.

Источники ажиотажа

В исследованиях науки и технологий принято выделять три основных источника шумихи: ученых, СМИ, а также пиар-отделы и пресс-службы научных организаций.

Заявляя об открытии, ученый получает признание среди коллег и приоритет, который конвертируется в звания, премии и увеличивает шансы на получение финансирования со сторо-

ны государственных научных фондов или частных компаний. По мнению ряда исследователей, интеграция рыночных механизмов в академические структуры, связавших показатели эффективности и денежные стимулы, является ключевым фактором возникновения ажиотажа [Weingart, 2017, р. 113–114]. Одним из негативных следствий этой ситуации оказывается чрезмерный акцент на преимуществах инновации или преуменьшении возможных негативных эффектов. И если давление коммерческих интересов будет нарастать дальше, тенденция слишком оптимистично сообщать о работе усилится. Следствием таких установок неизбежно оказывается намерение изображать исследования таким образом, чтобы казалось, что они могут привести к коммерческому продукту [Caulfield, 2010, р. 303–313].

Исследователи активно взаимодействуют со СМИ, при этом нередко ориентируясь на их установки и новостные ценности. Этот процесс теоретически описан как медиализация науки. Он получил значительный импульс вследствие широкого распространения социальных сетей, особенно научных, благодаря которым о работе ученого и его публикациях может узнать множество людей. В результате такие показатели внимания, как просмотры и прочтения, оказались, наряду с цитированием и экспертной оценкой, «валютой параллельной репутации» и одним из оснований для придания определенной степени легитимности шумихе в науке [Weingart, 2017, р. 114]. Таким образом, медийная активность формирует репутацию, которая не связана с принятыми в научном сообществе критериями оценки, и тем самым ставит под вопрос сложившиеся установки научного этоса. Р. Мертон, с чьим именем связано описание этоса науки, обращал внимание на дилемму,

с которой может столкнуться каждый ученый: скромно сообщить об истине или решительно заявлять о приоритете и важности своей работы. Эта амбивалентность проистекает из противоречивых институциональных норм: главными критериями вознаграждения в науке являются новизна и оригинальность. Стремление ученого к первенству в науке может стать причиной нарушения принятых этических стандартов и норм поведения исследователей.

Шумиха и неточности нередко возникают в результате конкуренции журналистов и СМИ, которые стремятся привлечь внимание читателей, вызывая эмоциональный отклик. Кроме того, на освещение новостей науки в СМИ также влияет установка журналистского сообщества обращаться к узкому кругу экспертов и политикам как к основным источникам информации. Например, политики в большей степени, чем другие эксперты, гиперболизируют генетику, формируя чрезмерно оптимистические представления о ней [Nerlich, Dingwall, Clarke, 2002, p. 465–469].

При этом роль журналистов нельзя рассматривать только с точки зрения трансляции информации – они формируют «коммуникативную экосистему науки и техники», инициируя публичные дискуссии между исследователями, политиками и гражданами. Научная коммуникация влияет не только на социальную акцептацию инноваций, но и на ценности, касающиеся фундаментальных представлений о природе и достоинстве человека, об уважении его культуры, расы, вероисповедания и т. п. Так, термин «квантовое превосходство» стал предметом дискуссий, в которых социальные контексты современной науки столкнулись с ее достижениями. В октябре 2019 г. компания Google заявила о превосходстве квантового компьютера,

который превзошел классический компьютер [Quantum..., 2019, p. 505–510]. Волна ажиотажа вокруг переломного момента квантовых вычислений инициировала бурную дискуссию вокруг слова «превосходство» и его связи с расизмом. В результате в *Nature* было опубликовано открытое письмо с призывом к квантовому сообществу использовать термин *преимущество* (*advantage*) [Palacios-Berraquero, Mueck, Persaud, 2019, p. 213–214]. Таким образом, шумиха вокруг технологической инновации инициировала дебаты о сложных и потенциально неоднозначных для общества вопросах.

Долгое время дискуссии вокруг шумихи в науке были сосредоточены на роли СМИ, а основная проблема виделась в «недопонимании» между журналистами и учеными. Когда фокус исследовательского интереса сместился на пиар-отделы и пресс-службы научных учреждений, издательств и финансирующих организаций, их роль стала более заметна и понятна. Цель подобных структур – привлечь внимание ученых и общественности к учреждению, журналу или финансируемому проекту, одновременно стимулируя и формируя освещение новостей [Caulfield, Condit, 2012, p. 212]. Как показывают исследования, пресс-релизы являются существенным источником шумихи, но их качество, достоверность и надежность вызывают много вопросов. Так, анализ пресс-релизов семи ведущих медицинских журналов показал, что только 22% из них содержали информацию о полученном финансировании, в 23% упоминались какие-либо ограничения исследования, а 55% преувеличивали значимость результатов. Изучение случайно отобранных 200 пресс-релизов 20 академических медицинских центров выявило тенденцию к преувеличению важности и преуменьшению (или игнорирова-

нию) ограничений исследований. Кроме того, они рекламировали предварительные или изначально не связанные со здоровьем человека результаты и не предоставляли основных деталей или предостережений, необходимых для оценки значения, актуальности или достоверности данных [Press releases..., 2009, p. 613–618].

«Ажиотаж, создаваемый такими пресс-релизами, не только характеризуется чрезмерным оптимизмом и неадекватным чувством ограничений, затрат или рисков, но и способствует ошибочному представлению о том, как работает геномная наука», – отмечают Т. Колфилд и С. Кондит. Поскольку большинство выпусков новостей предназначены для привлечения внимания к отдельным исследованиям или ученым, они рекламируют взгляд на науку как на набор «изолированных вспышек», а пресс-релиз, привлекающий внимание к конкретному результату научной работы, неизбежно приведет к несоразмерной «рекламе». Однако прогресс геномной науки основывается не на одном экспериментальном исследовании, а скорее на процессе, посредством которого многократно проверяют и определяют понимание сложных генетических закономерностей [Caulfield, Condit, 2012, p. 213].

Эффекты шумихи и ее роль в процессах коммуникации науки и общества

Шумиха, порождая оптимизм или опасения, оказывает влияние на социальное восприятие науки и технологий. Энтузиазм и оптимистичные краткосрочные прогнозы необходимы для того, чтобы мобилизовать общество ученых и потенциальных спонсоров – как государственных, так и частных. Это имеет особое значение в областях науки, подобных геноми-

ке, где достижение научных результатов и трансляционных целей зависит от постоянного и значительного финансирования.

Завышенные ожидания нередко связываются с революционными изменениями в науке или практике. Они характерны прежде всего для медицины, конвергенция которой с информационными технологиями, как ожидается, сможет радикально изменить медицину, решить проблемы доступа к дефицитным ресурсам здравоохранения, расширить возможности пациентов. Чрезмерные ожидания, как правило, описываются гиперболическим языком: такие термины, как *прорыв*, *изменивший правила игры*, *чудо-лекарство* и *революционный*, часто используются в сообщениях СМИ об исследованиях в разных областях науки даже при отсутствии клинических данных [Caulfield, 2018, p. 562]. П. Боддингтон считает, что ажиотаж – один из характерных признаков современной геномики, который проявляется в повсеместной тенденции раскручивать себя или быть раскрученным другими – политиками и средствами массовой информации» [Boddington, 2006, p. 93–94]. Генетические исследования изображаются преимущественно позитивно и нередко как часть ближайшей «революции». При этом вера в ее потенциал хорошо видна из анализа публикаций: с 1974 по 2014 г. ежегодное количество статей, проиндексированных в базе данных *PubMed*, увеличилось на 410% (с 234 613 до 1 196 110), но идентифицированных с темами генома – на 2127% (с 2 705 до 60 246). С 1994 по 2014 г. ежегодное количество статей, проиндексированных в *PubMed*, увеличилось на 175% (с 435 376 до 1 196 110), а количество статей, связанных с геной терапией или стволовыми клетками, – на 874% (с 2 635 до 25 662) и на 752% (с 3 452 до 29 196) соответ-

ственно. Вера ученых в потенциал научного направления, исследования и разработки, поддерживаемые финансированием, признанием и перспективами успешной карьеры, сопряжена с «генохайпом», вклад в который вносят и сами исследователи [Holtzman, 1999, p. 409].

С «генохайпом» отчасти связаны завышенные ожидания относительно персонализированной медицины (ПМ), которую часто представляют как инициативу улучшить здравоохранение, сделав его персонализированным, прогностическим, профилактическим и партиципативным. ПМ быстро стала аттрактором для разных стейкхолдеров: государств, частных компаний, систем здравоохранения, потребителей медицинских услуг и других, – заинтересованных в ускорении разработки методов терапии редких заболеваний, поиске новых применений лекарств, ранее считавшихся неэффективными, и т.д. На формирование представлений и надежд, связанных с многообещающими перспективами развития ПМ, оказали влияние реклама и ее изображение в положительном свете в новостях [Marcon, Bieber, Caulfield, 2018, p. 950–956].

Демонстрируя возможные сценарии будущего, шумиха может инициировать обмен мнениями между разными сторонами, вовлеченными в инновационные процессы. Роль и потенциал вовлечения общественности в дискуссии относительно проблем развития науки раскрываются, как правило, с нормативной и содержательной точек зрения. С позиции нормативного подхода участие публики в полемике важно *per se*, поскольку необходимо консультироваться с общественностью относительно затрагивающих ее решений. С содержательной точки зрения учет разных перспектив, взглядов и ценностей, ка-

сающихся соответствующей области науки и технологии, потенциально может вести к более приемлемым для общества результатам, которые могут отличаться от результатов, ожидаемых спонсорами или учеными. Проактивное «освоение будущего» поощряет размышления об альтернативных сценариях, открывая возможности обсуждения важных вопросов до возникновения технологической точки невозврата, когда решения, с которыми сталкивается человек, оказываются ограниченными ранее принятым выбором.

Особое внимание предварительному «оживанию» будущего уделено в концепции гуманитарной экспертизы (ГЭ), о чем в свое время писал Б.Г. Юдин: «Применение предваряющей гуманитарной экспертизы представляется вполне естественным, а во многих случаях – и просто необходимым, поскольку позволяет предвидеть и скорректировать как прямые, так и опосредованные, отдаленные неблагоприятные последствия» [Юдин, 2005, с. 135]. Сутью ГЭ «является защита человека в той мере и в тех ситуациях, когда он подвергается воздействию (или, иначе говоря, когда ему приходится взаимодействовать) многочисленных новых технологий, включая технологии социальные» [Юдин, 2008, с. 150]. При этом объектом экспертизы, по мнению ее разработчиков, могут быть как существующие, так и новые технологии.

Нередко шумиха базируется на представлениях, укорененных в сознании людей, и надеждах, которые находят горячий отклик у многих. Например, рынок «антистарения» (*anti-aging*) в значительной степени зависит от многообещающих заявлений и всеобщего оптимизма в отношении потенциала технологий для преобразования тел и самости [MacGregor, Petersen, Parker,

2018, р. 64–80]. «Антистарение» – относительно новый способ мышления и отношения к телу, отражающий веру в то, что старение – это не неизбежный, неумолимый процесс упадка, а, скорее, проблема, которую можно решить с помощью диеты и биодобавок, физических упражнений и новых технологий. В настоящее время «антивозрастными средствами» стали давно и хорошо известные витамины, нутрицевтики, гормоны и методы хирургии. Маркетинговые стратегии антистарения были бы невозможны без веры потребителей в то, что возрастные изменения можно отсрочить, скрыть или обратить вспять. Не случайно реклама говорит о продлении молодости или «второй молодости», опираясь на уже закрепленные в массовом сознании образы. При этом рынок антивозрастных средств слабо регулируется, так как продукты часто рекламируются напрямую потребителям через Интернет без консультации со специалистом, создавая впечатление объективных репортажей, а также с помощью популярных рекламных материалов СМИ (например, журналы о стиле жизни), в которых используются отзывы и рассказы о преображении знаменитостей. Этот рынок уязвим для собственного ажиотажа, поскольку легитимность «омолаживающих процедур» зависит от выполнения обещаний: неоправданные ожидания могут привести к разочарованию и снижению доверия клиентов. Однако доверие потребителей в большей степени подрывают периодически возникающие в СМИ факты физического и финансового ущерба. Использование непроверенных и недоказанных методов лечения без консультации со специалистами – одно из следствий чрезмерного оптимизма относительно антивозрастной терапии.

На волне ажиотажа и без научно обоснованных доказательств безопас-

ности развивался медицинский туризм, связанный с лечением стволовыми клетками. Из-за способности стволовых клеток регенерировать больные и поврежденные ткани лечение ими казалось многообещающим направлением медицины с большим трансляционным потенциалом. При этом для пациентов и их семей, «здесь и сейчас» нуждающихся в новых методах лечения, трансляционный потенциал без реальной краткосрочной перспективы перехода от исследований к лечению является слишком слабым утешением, особенно если они не могут участвовать в клинических исследованиях, даже если очень хотят. В результате стремление получить биомедицинскую инновацию, несмотря на имеющуюся информацию о рисках, серьезных осложнениях и случаях смерти, сформировало благоприятную почву для лечения стволовыми клетками, маркетинг которого поддерживался СМИ [Stem Cell..., 2017, р. 1–29].

Чрезмерный оптимизм также создает риски и опасности, когда доверие к науке и технологиям подрывается из-за злоупотреблений или мошенничества. Так, в августе 2014 г. объектом пристального внимания журналистов было сенсационное исследование, результаты которого были опубликованы заместителем директора Центра биологического развития Института физико-химических исследований (RIKEN, Япония, Кобе) Йошики Сасаи (*Yoshiki Sai*) и соавторами в журнале *Nature* [Retracted article..., 2014, р. 676–680]. Авторы статьи утверждали, что создали революционный метод получения плюрипотентных клеток. Харуко Обаката (*Haruko Obokata*), одна из авторов, назвала их STAP (*stimulus-triggered acquisition of pluripotency*). Независимые эксперты обнаружили в публикациях научного коллектива признаки подтасовки рисунков и ис-

пользования одного и того же изображения дважды. Поднявшаяся волна критики привела к пересмотру результатов исследований. *Nature* отзывал публикации, указав, что они содержат неточные данные и другие ошибки, которые ставят выводы исследователей под сомнение. На пресс-конференции Й. Сасаи согласился с тем, что изображения были неправильные, однако утверждал, что некоторые данные нельзя объяснить без допущения существования нового вида стволовых клеток. Однако чувства стыда и сожаления привели его к суициду, о чем он написал в предсмертной записке.

По мнению ряда исследователей, шумиха – неотъемлемый элемент технонауки, в которой она играет перформативную роль, привлекая ресурсы и союзников. В таком контексте шумиха рассматривается как основа и способ защиты интересов науки и техники, необходимые для поддержки при движении к желаемому будущему. Попытка рассматривать ее не как проблему, а как возможность базируется на спорной риторике, которая «выражает невыразимое» и привлекает ресурсы для движения к желаемому будущему [Roberson, 2020, p. 545]. Большая часть научной шумихи происходит без определенных намерений или даже сознательных усилий [Caulfield, 2018, p. 565]. Скорее, речь идет о стимулировании и мягком давлении, подталкивающих всех участников процесса производства знаний к преувеличению. Тем не менее в некоторых случаях информация сознательно преувеличивается или искажается, что ставит под вопрос возможности рефлексивности и самокритики в науке, которые, по сути, должны стимулировать социальную реакцию, необходимую для эффективного управления процессами производства знаний.

Что можно противопоставить шумихе?

Признание шумихи имманентной частью процесса производства знания не снимает вопросов относительно ее негативных последствий и усилий по их предотвращению. Последние могут быть направлены как на источники шумихи (ученых, СМИ и пиар-отделы научных учреждений), так и на работу с обществом.

Очевидно, что наиболее эффективной подобная работа будет, если начинать ее с профилактики нарушений исследовательской этики, а именно образовательных программ по добросовестности исследований для аспирантов, которые существуют во многих университетах мира. Одна из задач этих программ заключается в том, чтобы гарантировать, что молодые ученые осведомлены о кодексах и правилах (например, Сингапурское заявление о добросовестности исследований и др.), предупреждены о репутационных рисках и персональной ответственности.

Кроме того, такие индивидуальные особенности личности исследователя, как нарциссизм, цинизм, амбиции, стремление к успеху и завоеванию уважения, а также к получению определенного статуса, могут приводить к нарушению норм научной этики. Нередко подобные девиации возникают в ситуациях конкуренции за ограниченные гранты и должности, особенно это касается тех случаев, когда на распределение влияют количественные показатели: индексы цитирования и рейтинги журналов.

Так, склонность ученых описывать свои результаты как новаторские, конечно, не идентична шумихе в строгом смысле, но также является проблемой для научных журналов, что подтверждается растущим числом отозванных статей. Вторая проблема –

отказ от публикаций отрицательных результатов, что уже нашло отражение в руководствах и кодексах поведения для редакторов и издателей журналов (например, <http://publicationethics.org/resources/codeconduct>). Следует заметить, что СМИ редко освещают дальнейшие исследования, если положительные результаты уже были опровергнуты [Bubela, 2006, p. 446]. Однако наряду с открытиями в науке бывают неудачи и разочарования, которые неотъемлемы от процесса научного поиска и нередко служат почвой для формирования новых циклов ожиданий. В этом ракурсе перформативность шумихи как способа размышлений о динамике ожиданий раскрывается не только в реализации надежд и ожиданий в определенные продукты, технологические системы или научные проекты, но и в возникновении неуспешных проектов. Как утверждает Р. Татттон, разочарование – это естественная часть работы ожиданий в науке и технологиях. Пессимистические оговорки и опасения также важны, как и оптимистические: они позволяют предусмотреть причины неудач, с которыми может столкнуться научно-технологический проект, а потому могут послужить почвой для формирования новых циклов ожиданий и должны учитываться при сообщении о них экспертами и СМИ [Tutton, 2011, p. 411–429].

Несмотря на то, что СМИ обычно опираются на мнение специалистов, именно они задают рамки публичных дискуссий, привлекая тех или иных экспертов, описывая контекст и суть проблемы. Поэтому они должны тщательно подбирать фреймы и основывать свои сообщения на точных научных данных, подавая факты в аккуратной и доступной манере [Bhatta, Misra, 2016, p. 573–578]. Хорошая научная коммуникация должна не только передавать восхищение, вызванное последними

научно-техническими достижениями, но и вскрывать ошибки и просчеты, вызывая у аудитории здоровый скептицизм.

Кроме того, в качестве комментаторов достижений технаук часто выступают специалисты по этике, юристы и социологи. Их мнение особенно востребовано при обсуждении социально неоднозначных технологий, которые пока далеки от реальной практики и нередко законодательно ограничены (редактирование генома эмбрионов, клонирование). Часто они выражают личную позицию, основанную на определенных ценностях и мировоззрении, которая может способствовать шумихе. Вместе с тем они могут попадать в ту же ловушку, что и научное сообщество, если совпадают источники финансирования. Например, имея финансовые и академические интересы в преувеличении значимости этических и социальных рисков, связанных с внедрением технологий и продуктов прикладной геномики, представители социальных и гуманитарных наук могут, с одной стороны, дискредитировать ценность или вероятные социальные выгоды, вытекающие из геномных технологий, утверждая, что большинство научных заявлений имеют спекулятивный характер, а с другой – подчеркивать серьезность возможных негативных социальных и этических последствий исследований в этой области [Bubela, 2006, с. 446].

Роль пиар-отделов научных компаний важна с точки зрения их вклада в популяризацию науки – наиболее известного способа описания широкого круга практических методов, обеспечивающих доступ широкой аудитории к научной информации. В Китае «популяризация» долгое время остается самым предпочтительным термином для обозначения разнообразной деятельности в области «наука в обще-

стве». При этом опыт популяризации науки, полученный в середине XX в., когда антивоенные, антиядерные, экологические движения увидели в ней чрезмерный патернализм, был учтен и может быть использован при решении проблем, которые возникают в связи с ажиотажем.

На проблему общественного доверия науке ссылаются во многих случаях, когда говорят о негативных эффектах ажиотажа. Необходимость повышения общественного доверия науке отражена в многочисленных кодексах профессиональной этики, научных статьях, монографиях и учебниках. Доверие между людьми может быть конкретным или абстрактным: например, доверие конкретному ученому или ученым в целом. Оно предполагает некоторые основания и свидетельства надежности. Одним из важных факторов доверия в науке является репутация. Знакомясь с результатами научного исследования, реализованного в рамках гранта, ученые верят, что исследование было проведено, методы и результаты изложены точно и корректно, а данные не сфальсифицированы. Особое значение доверие имеет при оценке новых технологий, когда риски и преимущества недостаточно понятны и общественность, высказывая те или иные суждения о них, в значительной степени полагается на экспертное мнение ученых.

По мнению Д. Резника, аргумент о необходимости укрепления общественного доверия науке должен удовлетворять четырем требованиям. Во-первых, поскольку существует много разных групп населения с разными целями и ожиданиями, аргумент должен четко указывать на то, о ком идет речь (например, о широкой общественности или о конкретной группе или сообществе). Например, пациенты с тяжелыми неизлечимыми заболе-

ваниями заинтересованы в том, чтобы обеспечить быстрый доступ к экспериментальным лекарствам и способам лечения. Однако такие действия поставят под вопрос ожидания других групп общества, заинтересованных в соблюдении высоких стандартов безопасности в биомедицинских исследованиях. Во-вторых, поскольку даже одна и та же общественность может иметь много разных ожиданий от науки, в аргументе должно быть четко указано, чего она ожидает от ученых (например, честности в исследованиях, общественно полезных результатов, защиты людей и т. д.). В-третьих, поскольку цель правил или политики состоит в том, чтобы способствовать общественному доверию, аргумент должен четко объяснять, как эти правила или политика помогут ученым оправдать ожидания общественности. В идеале аргумент должен также включать некоторые доказательства того, что у общественности есть определенные ожидания и что правила или политика гарантируют удовлетворение этих ожиданий. В-четвертых, поскольку не все ожидания публики в отношении науки одинаково достойны, аргумент должен объяснять, почему в данном случае важно оправдать ожидания публики.

Участие общества в коммуникации с наукой предполагает определенный уровень научной грамотности, которая, по мнению многих экспертов, является одновременно и причиной, и решением проблем. Недостаток знаний неспециалистов, эксплицированный многими исследователями как «дефицитная модель», долгое время рассматривался в качестве существенного препятствия для эффективной коммуникации. В основе концепции «дефицита знаний» неспециалистов лежат два предположения: (1) дезинформированность общественности

и политиков в вопросах, связанных с развитием науки и техники; (2) подпитка этой дезинформации неадекватным освещением технонаучных тем в СМИ, гоняющихся за сенсациями. Еще одна проблема связывалась рядом исследователей с недостатком образования в области фундаментальной науки и слабым интересом образованных людей к научным исследованиям. Последним нередко объясняется, почему неспециалисты, в том числе политики, часто становятся жертвами необоснованных страхов и подозрительности по отношению ко многим секторам исследований и технологических инноваций (например, ядерной энергии, генетически модифицированным продуктам, стволовым клеткам) [Bucchi, Trench, 2016, p. 155]. Попытки преодолеть «дефицит знаний» были сопряжены с разными инициативами в последней трети XX в., направленными на привлечение внимания к достижениям науки и повышение информированности о ее возможностях. Однако не все усилия принесли ожидаемые результаты: большая осведомленность о возможных рисках применения новой технологии иногда укрепляет недоверие общества и необязательно ведет к позитивным изменениям в отношении граждан к науке. Тем не менее дефицитная модель по-прежнему оказывается основанием для принятия политических решений и широко используется в тех ситуациях, где существуют проблемы антинауки, лженауки и суеверий.

Ответом на ограничения «модели дефицита» знаний стали подходы («диалогическая модель», «контекстуальная модель», «мультивариантная модель»), рассматривающие коммуникацию как двунаправленный процесс, предлагающий не трансляцию знаний, а их обсуждение, в котором ученым и заинтересованным социальным акто-

рам отводится активная роль. За последние десятилетия совещательные инициативы, реализованные в виде консенсусных конференций, форумов и экспертных панелей с участием органов управления и общественности, стали основанием для принятия решений по широкому спектру социально значимых проблем, включая городское планирование, развитие здравоохранения и т. п.

Вместе с тем требуются дальнейшие исследования ажиотажа в науке, рассматривающие как роль ученых, СМИ и пиар-служб учреждений, так и общества, в частности, изучение факторов, которые наряду с конкуренцией порождают стремление ученых раздувать шумиху вокруг достижений и открытий. Кроме того, многие исследования редакционной практики ведущих журналов и широко известных в мире крупных издательств имеют ограничения, в силу которых не всегда возможно экстраполировать данные на российскую науку. Также исследование факторов, в том числе коммерческих интересов и конкурентного давления, влияющих на освещение научных новостей в СМИ и пиар-службами научных организаций и университетов, пролили бы свет на их роль в коммуникации науки и общества в нашей стране для понимания эффективности тех или иных инициатив и разработки политики в области технауки. Безусловно, необходим анализ того, что подразумевается под термином «общество» в тех или иных инициативах научной коммуникации и политики. Последний вопрос может представлять интерес в более широкой теоретической перспективе, связанной как с готовностью заинтересованных социальных акторов участвовать в обсуждении научной политики, так и с особенностями ажиотажа в тех или иных странах или регионах мира.

Заключение

Таким образом, ажиотаж имеет много источников и играет значительную роль в коммуникации между наукой и обществом. Он может оказать негативное влияние на социальное восприятие науки, подрывая доверие и поддержку, на выбор приоритетов исследований, что ведет к неравномерному финансированию, на оценку пациентами рисков и пользы новых технологий. В то же время ажиотаж инициирует включение общества в обсуждение альтернативных видений развития инноваций, поскольку является источником вовлечения всех заинтересованных сторон в их проактивную оценку. От умения конструктивно выстроить коммуникацию между всеми заинтересованными сторонами зависит социальная приемлемость и устойчивость технонаучного развития. Решение этой задачи связано с дальнейшими исследованиями, которые помогут глубже понять, как влияют на поведение ученых карьерное давление, схемы поощрения и показатели эффективности, редакционная/издательская и государственная политика, проанализировать, какое воздействие оказывают СМИ, пресс-службы и пиар-отделы научных организаций на социальные контексты развития науки и инноваций, а также выявить наиболее эффективные инициативы популяризации науки и повышения научной грамотности в обществе.

Список литературы

Юдин Б.Г. От этической экспертизы к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 2. – С. 126–135.

Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 146–155.

Bhatta A., Misra K.D. Biotechnology communication needs a rethink // Current science. – 2016. – Vol. 110, N 4. – P. 573–578.

Boddington P: Commentary 1. ‘Telling the truth about genomics’: hype and hope // Communications Medicine. – 2006. – Vol. 3, N 1. – P. 93–94.

Bubela T. Science communication in transition: genomics hype, public engagement, education and commercialization pressures // Clinical Genetics. – 2006. – Vol. 70, N 5. – P. 445–450.

Bucchi M., Trench B. Science communication and science in society: A conceptual review in ten keywords // Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies. – 2016. – Vol. 7, N 2. – P. 151–168.

Caulfield T. Spinning the genome: why science hype matters // Perspectives in Biology and Medicine. – 2018. – Vol. 61, N 4. – P. 560–571.

Caulfield T., Condit C. Science and the sources of hype // Public Health Genomics. – 2012. – Vol. 15, N 3–4. – P. 209–217.

Caulfield T. Stem cell research and economic promises // Journal of Law, Medicine & Ethics. – 2010. – Vol. 38, N 2. – P. 303–313.

Holtzman N.A. Are genetic tests adequately regulated? // Science. – 1999. – Vol. 286, N 5439. – P. 409.

MacGregor C., Petersen A., Parker C. Hype in the market for ‘anti-ageing’ in the news: From medical failure to success in self-transformation // BioSocieties. – 2018. – Vol. 13. – P. 64–80.

Marcon A.R., Bieber M., Caulfield T. Representing a “revolution”: how the popular press has portrayed personalized medicine // Genetics in Medicine. – 2018. – Vol. 20, N 9. – P. 950–956.

Nerlich B., Dingwall R., Clarke D.D. The book of life: How the completion of the Human Genome Project was revealed to the public // Health. – 2002. – Vol. 6, N 4. – P. 445–469.

Palacios-Berraquero C., Mueck L., Persaud D.M. Instead of ‘supremacy’ use

quantum advantage' // *Nature*. – 2019. – Vol. 576, N 7786. – P. 213–214.

Press releases by academic medical centers: not so academic? / Woloshin S. [et al.] // *Annals of Internal Medicine*. – 2009. – Vol. 150, N 9. – P. 613–618.

Quantum supremacy using a programmable superconducting processor / Arute F. [et al.] // *Nature*. – 2019. – Vol. 574, N. 7779. – P. 505–510.

Retracted article: Bidirectional developmental potential in reprogrammed cells with acquired pluripotency / Obokata H. [et al.] // *Nature*. – 2014. – Vol. 505, N 7485. – P. 676–680.

Roberson T.M. Can hype be a force for good?: Inviting unexpected engagement

with science and technology futures // *Public Understanding of Science*. – 2020. – Vol. 29, N 5. – P. 544–552.

Stem Cell Tourism in Context / Petersen A. et al. // *Stem Cell Tourism and the Political Economy of Hope*. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – P. 1–29.

Tutton R. Promising pessimism: Reading the futures to be avoided in biotech // *Social Studies of Science*. – 2011. – Vol. 41, N 3. – P. 411–429.

Weingart P. Is there a hype problem in science? If so, how is it addressed // *The Oxford Handbook of the Science of Science Communication*. – 2017. – P. 111–118.

Science and Higher Education

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.03

Hype in the Communication of Science and Society

Elena G. GREBENSHCHIKOVA

Dr. Sc. (Philosophy), Deputy Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: aika45@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-5007-7626

CITATION: Grebenshchikova E.G. (2023). Hype in the Communication of Science and Society. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 3, pp. 40–53 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.03.03

Received: 14.08.2023.

Revised: 27.11.2023.

ABSTRACT. *The article considers hype in modern science, reveals its sources and its impact on knowledge production. Undermining trust, hype can have a negative impact on the social perception of*

science, on the choice of research priorities, which leads to uneven funding, on the assessment of risks and benefits of new technologies by non-specialists. At the same time, hype initiates the society inclusion in

the discussion of the alternative visions of innovation development, helps to mobilize the scientific community and the necessary resources to solve promising issues of technoscience. Particular attention is paid to biomedical science, with which there are many expectations both in the field of disease treatment and improvement of the quality of life and its duration. The author's approach to this problem, based on the recognition of hype as an integral part of modern science, focuses on the ways to prevent its negative effects. Such efforts can be directed both at scientists, especially young ones, mass media and PR-departments of the academic institutions, and at work with the society. The latter implies taking into account the already accumulated experience of the non-specialists involved in scientific discussions within the framework of various initiatives to popularize science, to overcome the «knowledge deficit» of non-specialists and the «science and society» dialogue.

KEYWORDS: hype, genotype, communication between science and society, public engagement with science, medialization of science, popularization of science, trust in science, ethics of science.

References

- Bhatta A., Misra K.D. (2016). Biotechnology communication needs a rethink. *Current Science*. Vol. 110, no. 4, pp. 573–578.
- Boddington P. (2006). Commentary 1. 'Telling the truth about genomics': hype and hope. *Communications Medicine*. Vol. 3, no. 1, pp. 93–94.
- Bubela T. (2006). Science communication in transition: genomics hype, public engagement, education and commercialization pressures. *Clinical Genetics*. Vol. 70, no. 5, pp. 445–450.
- Bucchi M., Trench B. (2016). Science communication and science in society: A conceptual review in ten keywords. *Tecnoscienza: Italian Journal of Science & Technology Studies*. Vol. 7, no. 2, pp. 151–168.
- Caulfield T. (2010). Stem cell research and economic promises. *Journal of Law, Medicine & Ethics*. Vol. 38, no. 2, pp. 303–313.
- Caulfield T. (2018). Spinning the genome: why science hype matters. *Perspectives in Biology and Medicine*. Vol. 61, no. 4, pp. 560–571.
- Caulfield T., Condit C. (2012). Science and the sources of hype. *Public Health Genomics*. Vol. 15, no. 3–4, pp. 209–217.
- Holtzman N.A. (1999). Are genetic tests adequately regulated? *Science*. Vol. 286, no. 5439, p. 409.
- MacGregor C., Petersen A., Parker C. (2018). Hying the market for 'anti-ageing' in the news: From medical failure to success in self-transformation. *BioSocieties*. Vol. 13, pp. 64–80.
- Marcon A.R., Bieber M., Caulfield T. (2018). Representing a "revolution": how the popular press has portrayed personalized medicine. *Genetics in Medicine*. Vol. 20, no. 9, pp. 950–956.
- Nerlich B., Dingwall R., Clarke D.D. (2002). The book of life: How the completion of the Human Genome Project was revealed to the public. *Health*. Vol. 6, no. 4, pp. 445–469.
- Palacios-Berraquero C., Mueck L., Persaud D.M. (2019). Instead of 'supremacy' use 'quantum advantage'. *Nature*. Vol. 576, no. 7786, pp. 213–214.
- Press releases... (2009). Woloshin S. et al. Press releases by academic medical centers: not so academic? *Annals of Internal Medicine*. Vol. 150, no. 9, pp. 613–618.
- Quantum... (2019). Arute F. et al. Quantum supremacy using a programmable superconducting processor. *Nature*. Vol. 574, no. 7779, pp. 505–510.
- Retracted article... (2014). Obokata H. et al. Retracted article: Bidirectional de-

developmental potential in reprogrammed cells with acquired pluripotency. *Nature*. Vol. 505, no. 7485, pp. 676–680.

Roberson T.M. (2020). Can hype be a force for good?: Inviting unexpected engagement with science and technology futures. *Public Understanding of Science*. Vol. 29, no. 5, pp. 544–552.

Stem Cell... (2017). Petersen A. et al. Stem Cell Tourism in Context. In: *Stem Cell Tourism and the Political Economy of Hope*. London: Palgrave Macmillan, pp. 1–29.

Tutton R. (2011). Promising pessimism: Reading the futures to be avoided in

biotech. *Social Studies of Science*. Vol. 41, no. 3, pp. 411–429.

Weingart P. (2017). Is there a hype problem in science? If so, how is it addressed. *The Oxford Handbook of the Science of Science Communication*. Pp. 111–118.

Yudin B.G. (2005). From ethical expertise to humanitarian expertise. *Knowledge. Understanding. Skill*. No. 2, pp. 126–135 (in Russian).

Yudin B.G. (2008) Technoscience, man, society: the relevance of humanitarian expertise. *Century of Globalization*. No. 2, pp. 146–155 (in Russian).

УДК 338.2(438)

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.04

Польская наука и высшее образование в постсоциалистический период: выработка программы реформ и достигнутые результаты

Станислав Аркадьевич КУВАЛДИН

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)

ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: stanislaskuvaldin@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9042-0516

ЦИТИРОВАНИЕ: Кувалдин С.А. Польская наука и высшее образование в постсоциалистический период: выработка программы реформ и достигнутые результаты // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 54–71.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.04

Статья поступила в редакцию 21.07.2023.

Исправленный текст представлен 18.09.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются процессы, происходившие в сфере польской науки и высшего образования в постсоциалистический период. Оцениваются подходы государства к научной и образовательной политике, а также способы приспособления научных учреждений и вузов к новым экономическим и социальным реалиям. В эволюции польской науки и высшего образования можно выделить несколько этапов. Первый из них, наступивший вскоре после крушения социалистического строя, характеризовался предоставлением широкой автономии научным учреждениям и вузам и отсутствием государственной научной и образовательной политики. Результатом стало резкое расширение сферы высшего образования за счет платного

сегмента и снижение исследовательской деятельности, при этом исследовательские институты по-прежнему полагались прежде всего на государственное финансирование. Автономия исследовательских учреждений привела к консервации традиционных норм и привычных сфер деятельности внутри академического сообщества и не способствовала развитию польской науки и ее интеграции в международное академическое пространство (хотя отдельные исследовательские организации сохраняли высокий научный уровень). С 2010-х годов государство начинает проявлять интерес к развитию научной и образовательной сферы и предпринимает серию реформ, направленную на ограничение академической автономии и создание системы

оценки эффективности исследований. Реформы критически воспринимаются частью научного сообщества Польши. К настоящему времени можно говорить о том, что в Польше появились флагманские исследовательские вузы и сообщество исследователей, ориентированных на международную академическую среду. Однако это происходит за счет частичной маргинализации большей части академического сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Польша, наука, высшее образование, постсоциалистический переход, Польская академия наук, реформы.*

Введение

Постсоциалистическая трансформация политической, экономической и социальной системы, начавшаяся в Польше после прихода к власти первого послевоенного некоммунистического правительства в 1989 г., в значительной мере затронула и польскую науку. Постсоциалистическая трансформация науки и высшего образования в Польше на протяжении нескольких десятилетий были предметом острой профессиональной и отчасти политической полемики в стране. Результаты реформ, проводимых в данных областях, а также самостоятельное развитие академических структур в новых экономических условиях неоднократно оценивались экспертами и учеными, занимавшими различные позиции в отношении описываемых процессов. Годы, прошедшие с момента начала радикальных преобразований в Польше, заметно изменивших политическую и экономическую систему страны, дали достаточно много материала для оценки эффективности приспособления сферы науки и высшего образования Польши к происходившим трансформациям.

Учитывая, что характер социально-экономических перемен, начавшихся в 1990-х в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ), оказался достаточно похожим во многих странах региона, а система организации науки и высшего образования, выстроенная в социалистическую эпоху в странах ЦВЕ, также имела многие параллели, изучение опыта Польши по реформированию научной и образовательной сферы, а также оценка успехов и неудач на данном направлении могут быть полезны для понимания процессов, происходивших в данной сфере во всех социалистических странах.

Анализу процессов, происходивших в польской академической системе, посвящено немало работ польских исследователей, как и вопросам влияния экономических перемен на исследовательские центры и вузы с учетом дискуссионности данной темы. Среди относительно ранних работ, оценивавших состояние польской науки в середине 1990-х годов, можно отметить публикации польского историка науки и эксперта в области инновационной политики Яна Козловского, уделявшего достаточно много внимания сравнению нового положения, в котором оказалась польская наука, с реалиями социалистического периода, а также оценкам сильных и слабых сторон организации науки в социалистический период.

Среди современных научных публикаций, посвященных оценке состояния польской науки и высшего образования на основе большого сравнительного анализа процессов, происходящих в польских вузах и исследовательских центрах, и тенденций, наблюдаемых в мировой научно-образовательной сфере, стоит выделить работы директора Института перспективных исследований Познанского университета Марека Квека.

Проводимые польскими властями реформы академической сферы широко обсуждались и оценивались польскими учеными. Среди работ, посвященных такой оценке, а также критике отдельных направлений осуществленных изменений, можно выделить работы исследователя Гданьской высшей школы Атенеум Лукаша Станкевича. Обращают на себя внимание также работы, посвященные критике реформ, проводимых в академической сфере начиная с 2010 г. Здесь можно, в частности, выделить публикации заместителя председателя Комитета педагогических наук Польской академии наук (ПАН) Барбары Кромозицкой. Учитывая интерес к зарубежному опыту научных и образовательных реформ в нашей стране, польский опыт периодически также привлекал отечественных исследователей. В частности, следует отметить публикации Анатолия Кибыша.

В нашу задачу входит описание и оценка процессов, происходивших в сфере науки и высшего образования Польши после 1989 г., и анализ ключевых факторов, влиявших на выбираемые стратегии развития, а также оценка достигнутых результатов.

Польская наука и высшее образование накануне постсоциалистического периода

К началу политической и экономической трансформации в 1989 г. польская научная отрасль была организована по принципу, во многом напоминавшему схему управления научной сферой, применяемой в Советском Союзе, а также в ряде других социалистических стран. Большую роль в качестве организации, определяющей направления научных исследований и представляющей научное сообщество, играла учрежденная в 1951 г. Польская акаде-

мия наук, под эгидой которой функционировали отдельные исследовательские институты. Исследовательская работа велась в вузах. Кроме того, в Польской Народной Республике (ПНР) действовали различные научно-исследовательские институты, как правило, подчинявшиеся отраслевым министерствам [Kozłowski, 1997, s. 35].

Финансирование организаций, занимающихся научными исследованиями, происходило из бюджета без применения механизмов оценки эффективности и востребованности работ. Авторитарная система, опиравшаяся на официальную идеологию марксизма-ленинизма, которая установилась в Польше после Второй мировой войны, оказывала характерное воздействие на развитие польской науки и особенности положения ученого в польском обществе. Восприятие вузов и научных учреждений в качестве важного инструмента преодоления цивилизационной и технологической отсталости и культ научного прогресса, характерный для коммунистической идеологии, приводили к тому, что финансирование научных учреждений в социалистических странах (в том числе в Польше) оказывалось заметно выше, чем в капиталистических странах с сопоставимым уровнем социально-экономических показателей. При этом относительно высокое финансирование не приводило к заметному влиянию на инновационность польской экономики [Kozłowski, 1997, s. 34].

При этом в научной деятельности делался особый упор на фундаментальные исследования, что было связано не только с общими установками, но и с индивидуальной стратегией ряда исследователей, объясняемой в некоторых случаях, по мнению исследователя Яна Козловского, отсутствием доступа к передовой аппаратуре (если говорить о точных науках), недостаточной

востребованностью получаемых прикладных результатов в национальной экономике, а также нежеланием соприкоснуться с теми сферами научного исследования, которые регулировались нормами господствующей марксистско-ленинской идеологии (в случае гуманитарных наук) [Kozłowski, 1997, s. 34].

Тем не менее научная интеллигенция в социалистической Польше занимала достаточно привилегированное положение и сохраняла традиционную в странах ЦВЕ функцию хранителя «культурного капитала» общества. Эта функция негласно признавалась коммунистическими властями Польши и не оспаривалась в польском обществе, что давало исследовательским организациям (прежде всего вузам, академическим институтам и самой Польской академии наук) возможность защищать свою внутреннюю автономию и сохранять высокий социальный статус своих сотрудников [Stankiewicz, 2016. s. 44].

Представители университетской и академической интеллигенции сыграли важную роль в оппозиционном движении в Польской Народной Республике, оказывали помощь в формировании независимого профсоюза «Солидарность» и формулировании политики профсоюза по отношению к власти в 1980–1981 гг. и принимали участие в диалоге между властями и оппозицией в ПНР во второй половине 1980-х годов, который в конечном итоге привел к смене государственного строя и переходу к построению в Польше либерального государства с рыночной экономикой.

Начатые радикальные структурные реформы польской экономики при этом стали существенным вызовом как для научных и исследовательских организаций, так и для социального положения научных сотрудников в польском обществе, обрушив преж-

нюю систему отношений ученых с обществом и государством.

Говоря о причинах такого обрушения, необходимо учитывать не только специфические внутренние последствия демонтажа социалистической экономики и авторитарного режима с принятыми в нем взаимоотношениями между государством и наукой, но и более общие тенденции изменений принципов управления и финансирования сферы научных исследований в развитых рыночных странах, оформившиеся в последней трети XX в. Эти тенденции в самом общем виде сводились к постепенному замещению практики безусловного финансирования исследовательских организаций более сложной системой конкурентного выделения грантов на конкретные работы со строгой системой отчетности, а также к усилению ориентации университетской деятельности на актуальные запросы рынка по мере увеличения расходов на высшее образование. Данный процесс исследователь науки и инноваций Г. Этцковитц предлагает называть «второй академической революцией» (первой в данном случае считается создание университета по так называемой Гумбольдтовой модели – то есть пользующейся автономией учебной и исследовательской единицы) [Etzkowitz, 2003, p. 110].

Одновременно развитие среднего класса в послевоенной Западной Европе и Америке также постепенно меняло функцию высшего образования, превращавшегося из безусловного блага (как оно трактовалось как минимум с эпохи Просвещения) в инструмент индивидуального успеха [Stankiewicz, 2016, s. 45].

Фактически, вступая на путь экономических трансформаций, Польше пришлось столкнуться с новыми реалиями функционирования науки и учреждений высшего образования

в условиях либеральной экономики, которые накладывались на традиционные элитаристские представления польского научного сообщества (отчасти усилившиеся из-за активной роли, сыгранной академической интеллигенцией в процессе политических перемен 1980-х годов) при сокращении государственного финансирования в связи с общим экономическим спадом и падением бюджетных доходов первых лет радикальных экономических реформ. Это привело к ряду неоднозначных последствий, наложивших отпечаток на развитие науки в Польше в первые годы постсоциалистической трансформации.

Первые годы экономических реформ. Последствия

Радикальные либеральные экономические реформы, получившие в Польше название «шоковой терапии», затронули многие сферы экономической и социальной жизни, однако в случае сферы науки и высшего образования такое воздействие было достаточно ограниченным. Отчасти это объяснялось самой идеологией либеральных реформ, преследовавших цели скорейшего введения принципов свободного рынка и сокращения социальных издержек. В условиях, когда приоритетами реформаторов оказывалась финансовая стабилизация, создание рыночной инфраструктуры и развитие частного экономического сектора, исследовательские центры и образовательные учреждения не были в фокусе государственной политики. На положение сектора, безусловно, оказывало влияние резкое сокращение неприоритетных государственных расходов, что привело к заметному сокращению финансирования научных исследований. При этом власти не препятствовали

корпоративной автономии научных и образовательных структур, а также мало ограничивали их в поисках источников внебюджетного финансирования. Одним из первых шагов в реформировании структуры управления наукой стало создание новой структуры, отвечавшей за распределение бюджетных средств, предназначенных на финансирование исследовательской деятельности. С 12 января 1991 г. за государственное финансирование науки стал отвечать Комитет научных исследований (КНИ). Комитет распределял деньги на конкурсной основе, при этом его управляющая структура формировалась из представителей научного сообщества. Таким образом, КНИ выступал одновременно и в качестве правительственного учреждения, и как организация, представляющая ученых. Общая идея КНИ, по мнению польских исследователей, примерно соответствовала концепциям возможного органа по управлению научным сообществом, которые обсуждались польскими учеными во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы, а также напоминала решения по управлению финансированием научных исследований, применявшиеся в странах Запада в 1950–1960-е годы [Kozłowski, 1997, s. 38]. Новая организация должна была обеспечить независимость польской науки от идеологических и партийных влияний. При этом при распределении средств на научные исследования начал применяться принцип конкуренции различных научных учреждений, а также финансирования исследовательских проектов на основе грантов, широко используемый к тому времени в системах управления научной сферой в западных странах. Все исследовательские организации в Польше после создания КНИ были разделены на несколько категорий в зависимости от уровня квалификации,

которая должна была подтверждаться независимой оценкой.

Присвоенная квалификация определяла объем бюджетного финансирования. Подобный порядок в первые годы реформ отдал преимущество исследовательским институтам Польской академии наук, которые к 1991 г. обладали высоким авторитетом в научной среде. 75% институтов ПАН получили высшую категорию «А». Впрочем, именно изначально высокая оценка привела к достаточно быстрому фактическому падению финансирования академических институтов, поскольку при происходящем снижении объемов финансирования науки у таких институтов уже не было возможности бороться за повышение категории финансирования (чего довольно успешно добивались многие вузы). В итоге к 1994 г. институты ПАН получали лишь 60% финансирования в твердых ценах 1991 г., при этом вузам удалось сохранить 90% финансирования на научные исследования из государственного бюджета (впрочем, это было следствием влияния не только борьбы за повышение категории финансирования, но и общего увеличения количества вузов) [Jablecka, Gulczyńska, Świerzbowska-Kowalik, 1997, s. 68–69].

Новые экономические реалии достаточно сильно ударили по многочисленным отраслевым НИИ, которые в социалистический период подчинялись соответствующим министерствам и должны были заниматься прикладными разработками для использования в народном хозяйстве. Резкие экономические преобразования и открытие Польши для мировых рынков привели к наплыву в страну различных товаров и оборудования мировых производителей, которые снизили потребности польских заказчиков во многих разработках, осуществлявшихся в подобных НИИ [Kozłowski, 2007, s. 132].

При этом автономия, предоставленная всем научным учреждениям вместе с созданием Комитета научных исследований, фактически привела к тому, что многие исследовательские организации предпочли законсервировать свою структуру и проводимую исследовательскую политику, во-многом сформировавшуюся при прежнем экономическом строе [Kozłowski, 2007, s. 135]. Это позволило сохранить сами исследовательские организации и определенные корпоративные традиции, однако не способствовало поиску новых источников развития в меняющихся условиях. Важно отметить, что вузы в первые годы постсоциалистических трансформаций достаточно активно начали удовлетворять спрос общества на получение дипломов о высшем образовании. Это в определенной степени привело к переосмыслению миссии вузов и изменению ценностей университетского сообщества. При снижении финансирования вузов в годы экономических преобразований в Польше начало массово увеличиваться предложение платных образовательных услуг – как в ранее существовавших, так и в массово появляющихся новых, в том числе частных, вузах. В частности, с 1990 по 2007 год число учебных мест в государственных польских вузах увеличилось с 400 тыс. до 1,3 млн. Из них 500 тыс. вузов были платными [Kwiek, 2010, s. 300–301].

При этом с 1992 по 1994 год количество вузов, претендовавших на получение средств КНИ на научную деятельность, увеличилось с 539 до 802 [Jablecka, Gulczyńska, Świerzbowska-Kowalik, 1997, s. 69]. Столь быстрое расширение и увеличение числа вузов изменило их традиционную социальную функцию. Подобные учебные заведения перестали, по мысли Л. Станкевича, выполнять роль «хранителей врат»,

обеспечивающих доступ в особое элитное сообщество, распоряжающееся культурным капиталом [Stankiewicz, 2016, s. 6]. В этом смысле вузы начали удовлетворять потребности нарождающегося среднего класса Польши, интересующегося образованием не как средством доступа в некое эксклюзивное сообщество, а, скорее, как инструментом личного успеха.

Определенным образом на изменение социального статуса сотрудников вузов влияли также выбранные стратегии повышения собственных доходов. В условиях снижения финансирования и уменьшения зарплат достаточно много преподавателей и других работников вузов стали заинтересованы в дополнительных источниках заработка, как правило, в коммерческой сфере. Это явление в 1990-е годы стало в Польше массовым [Kwiek, 2017, s. 18–19]. Подобные практики (распространенные в эти годы в вузах и научных институтах многих постсоциалистических стран) не имели аналогий в истории польских вузов в предыдущие годы и мало напоминали нормы, принятые в западных академических сообществах. Вынужденные меры, предпринятые для привлечения средств в вузы и для повышения доходов преподавателей, частично «размывали» идентичность университетского сообщества. Польские вузы снижали свою научно-исследовательскую активность, поскольку основной упор в осуществляемой деятельности ставился на расширение преподавания. При этом в самой академической среде в эти годы было достаточно распространено утверждение, что польские вузы имеют собственные уникальные традиции организации и их невозможно сравнивать с университетами других стран мира [Kwiek, 2017, s. 18–19]. Институты, входящие в структуру ПАН, также частично подключались к расширяющемуся рынку преподава-

ния через участие в консультировании студентов и докторантов, предоставление лабораторных баз для учебной практики и другие формы кооперации [Jablecka, Gulczyńska, Świerzbowska-Kowalik, 1997, s. 70]. Однако в целом в 1990-е годы институты ПАН ориентировались прежде всего на финансирование из бюджета. По данным 1994 г., академические институты смогли привлечь из внебюджетных источников около 22% средств, при этом практически все доходы подобного рода не были связаны с выполнением исследовательских работ [Jablecka, Gulczyńska, Świerzbowska-Kowalik, 1997, s. 69]. В научных организациях отмечалось постепенное старение кадрового состава. Кроме того, из-за невысоких зарплат и широкой автономии, предоставленной учебным и научным организациям, отбор и продвижение наиболее эффективных и талантливых исследователей в значительной мере оказались приостановлены [Kwiek, 2017, s. 18].

В целом можно сказать, что в течение первых двух десятилетий постсоциалистической истории Польши развитие науки и сферы высшего образования в стране не было предметом четко сформулированной государственной политики. Научным организациям и вузам предоставили широкую автономию и возможность привлекать средства за счет платного обучения и создания новых частных образовательных учреждений при слабом регулировании данной деятельности со стороны государства. Одновременно государство снижало расходы на научные исследования. Так, к 2008 г. они составили лишь 0,35% ВВП Польши. В 1991 г. уровень расходов составлял 0,8% ВВП [Wolszczak-Derlacz, Parteka, 2010, p. 22].

Состоявшееся в 2004 г. вступление Польши в Европейский союз (ЕС) и получение доступа к средствам Союза,

в том числе на научные исследования, не привели к заметному улучшению положения. Согласно данным статистики Европейской комиссии, к 2009 г. Польша находилась на последнем месте среди стран ЕС по количеству ученых, участвующих в исследовательских программах, финансируемых Европейским союзом в пересчете на общее количество научных работников в стране [Gąsowski, 2009, s. 155]. Лишь 1,42% научных исследований, вошедших в реализуемую с 2007 по 2013 год 7-ю Рамочную программу научных исследований ЕС, осуществлялись под руководством польских исследовательских центров [Gąsowski, 2009, s. 157]. Из статистики 6-й Рамочной программы (2002–2006, именно на время ее действия пришлось вступление Польши в ЕС), приводимой в работе А. Гансовского, следует, что ограниченное участие польских научных центров в научных исследованиях ЕС вряд ли объясняется неподготовленностью к процедурам для участия в конкурсах, так как процент отклоненных заявок не был непропорционально высоким по сравнению с другими странами – членами ЕС. С скромный результат объясняется прежде всего низким количеством подобных заявок, то есть малой заинтересованностью на тот момент польских исследовательских центров в участии в данных конкурсах [Gąsowski, 2009, s. 154].

Разработка программы реформ науки и высшего образования

Отсутствие удовлетворяющих результатов в развитии научно-исследовательской деятельности в Польше в конечном итоге заставило власти страны сформулировать свои требования к реформе сферы науки и высшего образования. Критические оценки процессов, происходящих в данной сфере, впрочем, распространялись в польском

обществе и до появления четких планов реформ. Так, Л. Станкевич приводит в пример информацию, полученную в результате анализа публикаций ведущего на тот момент в Польше ежедневного издания *Gazeta Wyborcza*, и отмечает, в частности, что между 2000 и 2003 гг. в газете наблюдался рост материалов об отсутствии какого-либо контроля за качеством образования, предоставляемого частными вузами, а также говорит о проблеме занятости преподавателей на различных работах, не связанных с основной деятельностью. Это, в частности, повлияло на появление в 2002 г. Государственной аккредитационной комиссии – экспертного органа с полномочиями оценки качества предоставляемых вузами образовательных услуг [Stankiewicz, 2016, s. 50]. В 2005 г. был принят первый в постсоциалистической Польше Закон о высшем образовании (до этого данная сфера регулировалась частично измененными законами периода Польской Народной Республики), который несколько ограничил возможности преподавателей по совмещению своей постоянной работы с иными занятиями, ввел обязанность частных вузов заключать договоры с обучающимися студентами, а также создал механизм снятия ректоров решением министра в случае выявления серьезных правонарушений [Dziedziczak-Foltyn, 2009, s. 57].

Период структурных реформ в польской науке и сфере высшего образования наступил после 2010 г. и тесно связан с именем министра высшего образования и науки Республики Польша Барбарой Кудрицкой, занимавшей эту должность в 2007–2013 гг. и представлявшей партию «Гражданская Платформа». К этому времени слабые позиции польских вузов и исследовательских центров в различных международных рейтингах стали оче-

видны и начали вызывать общественное и политическое беспокойство. В частности, в 2009 г. в Академическом рейтинге университетов мира (в «Шанхайском рейтинге») были представлены только два польских вуза – Ягеллонский университет (Краков) и Варшавский университет, занимавшие там соответственно 347-е и 346-е места из первых 500. Один из важных рейтингов научного цитирования *Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities* («Тайваньский рейтинг»), оценивающий позиции университетов по количеству статей и цитирований его сотрудников в базе *ESI*, также включил за 2009 г. в свой рейтинг 500 лучших мировых вузов только Варшавский и Ягеллонский университеты из Польши, оказавшиеся на 364-м и 353-м местах. Стоит отметить, что в отдельном рейтинге лучших 300 университетов в области естественных наук Варшавский университет в 2009 г. занял более представительное 184-е место (Ягеллонский университет оказался на 287-м месте) [Diagnoza..., s. 116].

М. Квек упоминает, что важным отправным пунктом для дискуссии о кризисном состоянии высшего образования в Польше стал доклад ОЭСР о высшем образовании в Польше, вышедший в 2007 г., к которому апеллировали сторонники реформ [Kwiek, 2017, s. 16]. В этом документе констатировались отсутствие значимых результатов проводимых вузами научных исследований, законсервированная и непрозрачная система внутривузовского управления и отсутствие у властей значимых инструментов для воздействия на складывающуюся ситуацию в связи

с крайне широкими границами вузовской автономии¹.

При всей возможной критике «рейтинговых» подходов к оценке состояния науки и высшего образования в той или другой стране можно видеть, что у польского общества накопились претензии к качеству отечественной науки и вузов, чем может быть объяснена упоминаемая Л. Станкевичем острая реакция на доклады международных экспертов и показатели рейтингов, свидетельствующих о неблагоприятном состоянии высшего образования в Польше.

Другим возможным фактором, который приходилось учитывать, в том числе польским властям, была общая политика Европейского союза. В 2000 г. на специальном заседании Европейского совета, посвященном новой стратегии межгосударственного объединения с учетом ожидающегося расширения, была утверждена стратегическая цель по превращению Европейского союза в наиболее передовую экономику, основанную на знаниях². Реализация Лиссабонской стратегии предполагала принятие каждой страной – членом ЕС необходимых мер по повышению инновационности экономики, что, в свою очередь, предполагало увеличение затрат на финансирование научных исследований и меры по укреплению связи между бизнесом и научными центрами. Эти рекомендации распространялись и на страны, которым в 2000 г. еще лишь предстояло вступление в ЕС, а значит, и на Польшу. После вступления в Европейский союз власти страны должны были так или иначе демонстрировать свое участие в построении экономи-

1 OECD Reviews of Tertiary Education: Poland 2007 // OECD. – 2007. – P. 117–118. – URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/oecd-reviews-of-tertiary-education-poland-2007_9789264039131-en#page1 (дата обращения: 04.07.2023).

2 Lisbon European Council 23 and 24 march 2000. Presidency Conclusions // European Parliament. – 2000. – URL: https://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm#:~:text=PRESIDENCY%20CONCLUSIONS&text=The%20European%20Council%20held%20a,of%20a%20knowledge%2Dbased%20economy (дата обращения: 02.07.2023).

ки, основанной на знаниях. В 2005 г. в Польше была принята предусмотренная требованиями ЕС Национальная программа реформ с целью реализации Лиссабонской стратегии. В 2008 г. этот документ был обновлен на период до 2011 г. Среди прочего в программу входила реформа научного сектора, в частности реформа Польской академии наук и создание новых структур, координирующих научную политику³. Ускорение реформ государственного научно-исследовательского сектора было выделено среди отдельных рекомендаций к данному плану со стороны Совета Европейского союза⁴. Также в национальном плане были обозначены намерения подготовить реформы высшего образования, затрагивающие как систему финансирования вузов, так и определяющие новые принципы научной и преподавательской карьеры⁵.

Реализация реформ. Реакция академического сообщества

Реформы, подготовленные и реализуемые Министерством высшего образования и науки, возглавляемым Б. Кудрицкой, начали осуществляться с 2010 г. и включали в себя набор разнообразных мер. В частности, одним из шагов данных реформ стало создание Национального центра науки – особой организации по распределению грантов на фундаментальные исследования. Необходимо отметить, что 20% средств Центра должны предостав-

ляться на гранты молодым исследователям в возрасте до 35 лет. Созданный чуть ранее Национальный центр исследований и разработок также становится крупным распределителем грантов, предназначенных прежде всего на стратегические исследования (в том числе связанные с национальной обороной) и на поощрение использования научных разработок предприятиями. Согласно заявленным планам, до 50% средств, отпускаемых бюджетом на науку, должны были распределяться через эти грантовые структуры. В Польше появился Комитет оценки научных организаций (*Komitet Ewaluacji Jednostek Naukowych*), члены которого избирались из экспертов, предложенных исследовательскими институтами. В компетенцию Комитета входила оценка эффективности научных организаций (в случае Польши к ним относились институты ПАН, отраслевые НИИ и отдельные исследовательские подразделения вузов), которым присваивались категории от «А» до «С», определяющие уровень финансирования (при этом организации, получившие категорию «С», могли быть ликвидированы). Частью реформ стало принятие нового закона о Польской академии наук, упрощающего возможность реорганизации институтов ПАН⁶.

Серия реформ была проведена Барбарой Курдицкой и в области высшего образования. В частности, были введены правила обязательной конкурсной процедуры занятия должностей

3 Krajowy Program Reform na lata 2008–2011 na rzecz realizacji Strategii Lizbońskiej. – 2008. – С. 24–25. – Пол. яз. – URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=6261&langId=pl> (дата обращения: 02.07.2023).

4 Zalecenie Rady 2007/209/WE z dnia 27 marca 2007 roku w sprawie planowanej na 2007 rok aktualizacji ogólnych wytycznych dotyczących polityki gospodarczej państw członkowskich i Wspólnoty oraz w sprawie realizacji polityki zatrudnienia przez państwa członkowskie // EUR-lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=CELEX%3A32007H0209> (дата обращения: 02.07.2023).

5 Program Reform na lata 2008–2011 na rzecz realizacji Strategii Lizbońskiej. – 2008. – С. 12. – Пол. яз. – URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=6261&langId=pl> (дата обращения: 02.07.2023).

6 Reforma nauki: Sejm przyjął pakiet ustaw // Money.pl. – 2010. – 30 kwietnia. – Пол. яз. – URL: https://www.money.pl/archiwum/wiadomosci_agencyjne/pap/artukul/reforma_nauki;sejm;przyjal;pakiet;ustaw,11,0,615691.html (дата обращения: 02.07.2023).

в вузах, значительно упрощены правила получения высшей в польской академической системе научной степени *доктор хабилитованы* (примерно соответствующей российской степени доктора наук), повышена доля финансирования, предоставляемого вузам за научные достижения⁷.

Реформы, представлявшие собой набор мер по стимулированию конкуренции в исследовательской и образовательной среде с поощрением наиболее перспективных сотрудников и организаций, были восприняты академическим сообществом достаточно неоднозначно. Причиной критики при этом было в том числе само желание государства создать новые правила игры, то есть ограничить автономию учебных и исследовательских организаций. Свою роль играло и то, что сама Б. Кудрицкая не принадлежала к научному сообществу и была прежде всего политиком. Для Польши на тот момент управление научной и образовательной политикой чиновником, мало связанным с академической сферой, было непривычным явлением [Антонович, 2010, с. 37]. Особенно критично восприняли реформу исследовательские центры гуманитарных направлений, посчитавшие, что реформа, повышающая конкуренцию в научной сфере и ставящая своей целью повышение востребованности научных знаний экономикой, будет проводиться за их счет [Dyskusja..., 2019, s. 112–113, 128]. С точки зрения исследователей гуманитарного направления, применяемые Комиссией по оценке научных организаций методы измерения эффективности, основанные на стандартных показателях, где важную роль играли научные публика-

ции во влиятельных англоязычных научных журналах и индекс цитирования, не учитывали специфику гуманитарных наук, где гораздо более важным достижением традиционно считался выпуск монографий, а публикации на родном языке в силу специфики изучаемых областей (таких, например, как польское искусство, культура или история) также имели более серьезный вес⁸. На польском академическом жаргоне система оценки эффективности научных организаций получила пренебрежительное наименование *пунктоза*.

Скорее неудачной была признана и новая система присуждения высшей научной степени *доктор хабилитованы*, которую после внесенных изменений стало возможно присуждать не на основании оценки отдельной диссертации, а по совокупности научных заслуг. Нововведение, задуманное как способ ликвидации влияния высшего академического сообщества на научную карьеру исследователей, фактически привело к попаданию в круг обладателей высших научных степеней случайных и, возможно, не вполне заслуживающих этого лиц [Kwiek, 2017, p. 24].

Новые программы реформирования

Косвенным показателем, что цели, поставленные реформами Б. Кудрицкой, не были в полной мере достигнуты, можно считать возобновление процесса реформирования системы высшего образования и науки в Польше вскоре после прихода к власти в стране в 2015 г. право-консервативной партии «Право и справедливость».

7 Reforma uczelni i kariery akademickiej weszła w życie // Ministerstwo Nauki i Szkolnictwa Wyzszego. – Пол. яз. – URL: <http://web.archive.org/web/20140809163713/http://www.nauka.gov.pl/reforma-szkolnictwa-wyzszego/reforma-uczelni-i-kariery-akademickiej-weszla-w-zycie.html> (дата обращения: 02.07.2023).

8 Jak to z KEJN-em było, czyli poewaluacyjna nostalgia // Forum akademickie.pl. – 2019. – Пол. яз. – URL: <https://prenumeruj.forumakademickie.pl/fa/2019/07-08/jak-to-z-kejn-em-bylo/#> (дата обращения: 02.07.2023).

Фактически с 2016 г. на различных диалоговых форумах представителями власти и академического сообщества обсуждались варианты изменения законодательства, регулирующего сферу науки и высшего образования, преследующие те же цели повышения конкурентоспособности польской науки и высшего образования, создания системы отбора наиболее эффективных исследователей и научных организаций [Кибьш, 2020, с. 81–82].

На сходство целей, поставленных новым правительством, где ответственным за проводимые реформы стал с 2015 г. стал министр науки и высшего образования и вице-премьер Ярослав Говин, с постулатами, провозглашенными перед этим Б. Кудрицкой, обращали внимание польские СМИ⁹.

План реформ, представленный в 2017 г. и начавший реализовываться в июле 2018 г., получил амбициозное наименование *Конституция для науки*. Не менее широко распространилось публицистическое название комплекса предусмотренных законодательных изменений – *Закон 2.0*.

Следует отметить, что главное направление критики реформ также было связано с недовольством исследователей гуманитарного направления сохраняющимся принципом учета преимущественно международных публикаций при оценке эффективности исследователя или научной организации; таким же поводом для критики стало усиление полномочий ректора, что также воспринималось критиками как ограничение традиционной коллегиальности и привнесение в академическую среду практик бизнес-управления [Kromolicka, 2017].

Нововведения предусматривали также разделение польских вузов на несколько категорий, высшей из которых становился так называемый Исследовательский вуз (*Uczelnia badawcza*), который, как предполагается, должен иметь международные академические амбиции. Присвоение этого звания происходит на основании оценки группы польских и зарубежных экспертов, предлагаемых научными обществами и грантовыми организациями, основывается на учете оценок реализуемых научных программ и предполагает повышенное финансирование таких вузов. Прочие учебные заведения также разделяются – по оценке научных и преподавательских достижений на академические и профессиональные вузы (первые получают право присваивать научные степени и вести исследовательские программы) [Кибьш, 2020, с. 83–84]. В настоящее время в список исследовательских вузов в Польше входят 10 учебных заведений, включая Варшавский и Ягеллонский университеты, Познанский университет, Варшавский политехнический институт и ряд других. С точки зрения критиков программы реформ выделение нескольких привилегированных исследовательских вузов означает маргинализацию большей части сферы высшего образования в Польше [Kromolicka, 2017, р. 87]. При этом Л. Станкевич усматривал в желании определить список элитарных университетов соединение ожиданий государства, заинтересованного в демонстрации научных успехов, а также части академического сообщества и высшего среднего класса, заинтересованных в возвращении особого престижа высшему образованию, по

9 Minister Gowin: Reforma nauki i szkolnictwa wyższego zabił środowisko i PiS // Gazeta wyborcza. – 2015. – 17 listopada. – Пол. яз. – URL: <https://wyborcza.pl/7,75398,19198390,minister-gowin-reforma-nauki-i-szkolnictwa-wyzszego-zaboli.html> (дата обращения: 02.07.2023).

крайней мере, в избранных вузах и особом «весе» дипломов данных университетов – то есть в возвращении небольшому сообществу вузов тех позиций и привилегий, которыми обладали вузы в целом до массовизации образования в 1990-е годы [Stankiewicz, 2016, p. 57].

В планы реформ научной сферы входят также изменения в Польской академии наук. Впрочем, обсуждение реформы ПАН продолжается уже достаточно долго и воспринимается в академической среде достаточно сдержанно. В 2023 г. новый председатель ПАН Марек Конажевский заявил о разработке нового закона о ПАН и учредил внутри академии особую группу по его подготовке¹⁰. Впрочем, в данном случае речь идет о текущих изменениях, главным из которых можно считать предусмотренное изменение в сфере надзора над институтами ПАН, которые могут упростить преобразование, слияние или ликвидацию не вполне эффективных организаций. В целом Польская академия наук остается наиболее эффективной научной структурой в Польше. В частности, в 2021 г. из 68 ее институтов 57 имеют категорию оценки эффективности «А» и «А+», а сотрудники Академии лидируют по количеству цитирований в журналах *Nature* и *Science* среди всех исследовательских организаций Польши¹¹. Поэтому с точки зрения критериев, выдвигаемых к научным организациям реформаторами, позиции ПАН достаточно сильны.

Можно отметить, что в рамках провозглашенных усилий по укреплению связи исследовательского сектора с экономикой польские власти предприняли в последние годы ряд институциональ-

ных мер. Одной из них стало объединение в апреле 2019 г. 22 отраслевых НИИ в Исследовательскую сеть Лукаевич, целью которой является координация исследовательской деятельности для участия в крупных проектах и коммерциализации результатов проделанных работ. Создание данной сети было отдельно отмечено в страновом докладе Европейской комиссии как фактор, повышающий инновационность польской экономики в 2020 г. [Кувалдин, 2020, с. 275].

Оценка результатов

Оценивать результативность проводимых в Польше реформ сферы науки и высшего образования достаточно сложно. Во всяком случае некоторые из важных текущих показателей не позволяют говорить об однозначном успехе. В частности, индекс *European Innovation Scoreboard*, призванный оценивать инновационность экономик стран ЕС, в 2022 г. присвоил Польше 25-е место среди 28 стран ЕС, оценив уровень инновационности польской экономики в 60,5% от средних показателей экономики объединения [Hollanders, Es-Sadki, Khalilova, 2022, p. 68]. При этом, однако, при оценке трендов развития инновационности составители рейтинга отмечают заметный прогресс Польши по таким показателям, как количество цитируемых научных работ, участие польских ученых в международных проектах и количество иностранных аспирантов (докторантов).

При этом необходимо отметить, что, согласно относительно недавним данным, Польша занимала нижние позиции по количеству исследовате-

10 Zespół w PAN pracuje nad reformą w akademii // Prawo.pl. – 2023. – 28 stycznia. – Пол. яз. – URL: <https://www.prawo.pl/student/reforma-pan-zespol-pracuje-nad-projektem,519534.html> (дата обращения: 02.07.2023).

11 Co PAN(-u) dolega? // Gazeta Prawna. – 2021. – 18 kwietnia. – Пол. яз. – URL: <https://www.gazetaprawna.pl/magazyn-na-week-end/artykuly/8143828,polska-akademia-nauk-rzad-co-dalej.html> (дата обращения: 02.07.2023).

лей, участвующих в международной научной кооперации среди всех стран ЕС. В частности, в 2018 г. количество публикаций польских ученых, написанных в соавторстве с иностранными авторами, было самым низким среди всех стран ЕС [Kwiek, 2019, р. 49]. М. Квек констатирует, что выбранная реформаторами науки модель отбора небольшой группы наиболее сильных вузов, поощряемых в расширении международного сотрудничества, привела к внутренней стратификации польского исследовательского сообщества и к появлению в нем относительно небольшой группы исследователей, выстраивающих международную академическую карьеру и продуктивно участвующих в расширении кооперации с иностранными учеными, и частично маргинализованной страты ученых, ориентирующихся на внутреннее академическое сообщество. При этом между данными группами увеличивается разница в заработках, а разделительные линии проходят не только между отдельными вузами, но часто и между разными подразделениями исследовательских центров [Kwiek, 2019, р. 49].

В 2021 г. расходы на исследования и разработки в Польше составили 1,42% от ВВП и выросли по сравнению с 2020 г. более чем на 16%¹². Уровень этих расходов остается заметно ниже, чем в среднем в ЕС (где в 2021 г. он составил 2,27% от ВВП)¹³. Тем не менее этот показатель

значительно выше, чем минимумы предыдущих десятилетий, и демонстрирует тенденцию к росту.

С 2015 г. в Польше стабильно и выше, чем в среднем по ЕС, растут расходы предприятий на исследования и разработки, что косвенно говорит о том, что усилия по повышению инновационности польской экономики приносят свои результаты¹⁴.

Тем не менее на общеевропейском фоне состояние польской системы высшего образования и научных институтов продолжает считаться проблемным. В частности, в страновом обзоре по Польше, подготовленном в Европейской комиссии в рамках комментариев к Национальному плану реформ (важному инструменту по координации общеевропейской системы управления экономики, ежегодно подготавливаемому властями каждой страны – члена ЕС и представляемому на рассмотрение Европейской комиссии), отмечается, что с 2010 г. в Польше резко упало количество выпускников в возрасте от 25 до 34 лет по научным и инженерным специальностям на 1000 человек населения (с 15,9 в 2010 г. до 12 в 2021 г.). При этом рост расходов на исследования и разработки, наблюдаемый за последние десятилетия, осуществляется прежде всего за счет предприятий, бюджетные же расходы на научные исследования остаются стабильно невысокими – на уровне чуть выше 0,5% ВВП с 2010 г.¹⁵

12 Działalność badawcza i rozwojowa w Polsce w 2021 r. // GUS. – 2022. – S. 1. – Пол. яз. – URL: <https://stat.gov.pl/obszary-tematyczne/nauka-i-technika-spoleczenstwo-informacyjne/nauka-i-technika/dzialalnosc-badawcza-i-rozwojowa-w-polsce-w-2021-roku,-8,11.html> (дата обращения: 03.07.2023).

13 EUROSTAT opublikował dane dotyczące nakładów na badania i rozwój // Serwis Rzeczypospolitej Polski. – 2022. – 8 grudnia. – Пол. яз. – URL: <https://www.gov.pl/web/hpk-polska-wschodnia/eurostat-opublikowal-dane-dotyczace-nakladow-na-badania-i-rozwoj#:~:text=EUROSTAT%2C%20czyli%20urz%C4%85d%20statystyczny%20Unii,%20wynios%C5%82y%20328%20mld%20Euro> (дата обращения: 04.07.2023).

14 Niezauważona rewolucja. Polskie firmy postawiły na badania i rozwój // Forsa.pl. – 2021. – 9 stycznia. – Пол. яз. – URL: <https://forsa.pl/biznes/artykuly/8063364, niezauwazona-rewolucja-polskie-firmy-postawily-na-badania-i-rozwoj.html> (дата обращения: 04.07.2023).

15 Commission Staff Working Document 2023 Country Report – Poland // European Commission. – 2023. – P. 50–51. – URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/system/files/2023-05/PL_SWD_2023_621_1_en.pdf (дата обращения: 04.07.2023).

Заключение

Польская наука и высшее образование за годы постсоциалистического преобразования экономики проделали заметную эволюцию и демонстрировали приспособляемость к меняющимся экономическим и социальным условиям. За более чем три десятилетия после ликвидации социалистического строя данным сферам приходилось решать разные задачи. В частности, в первые два десятилетия наука и высшее образование фактически искали пути выживания в условиях резкого ограничения финансирования, которое, впрочем, сопровождалось значительной дерегуляцией образовательной и научной сферы со стороны государственной власти и представлением широкой автономии вузам и научным организациям. Ответом академической среды стало резкое расширение платного и частного образования – как правило, довольно скромного уровня, отвечающего тем не менее запросу общества на получение дипломов о высшем образовании. Автономия научных и образовательных учреждений при этом привела к консервации старых методов управления и исследовательской политики, далеко не всегда отвечавшей текущим потребностям экономики и общества. С 2010-х годов власти Польши предпринимали несколько попыток реформировать научный и образовательный сектор, что было отчасти связано с требованиями соответствия общей политике развития ЕС, а также осознанием обозначенного отставания польской науки и высшего образования (долго остававшегося вне фокуса внимания польского общества и политического класса). Методы реформ принципиально не менялись – вне зависимости от смены правящих партий и реализуемого политического курса – и в целом предполагали внедрение ме-

тодов соревновательности, усиление грантовой составляющей финансирования и поощрение международного сотрудничества исследователей. Осуществление данных мер предполагало частичное ограничение прежней автономии управляющих структур исследовательских организаций и вузов, а также создание внешней системы оценки их эффективности. Мероприятия вызвали критическую оценку части академического сообщества, прежде всего исследователей-гуманитариев, посчитавших, что новая система оценки мало учитывает специфику их деятельности. Одним из итогов реформ стало относительное усиление международных позиций польских исследователей. Тем не менее это произошло за счет резкой стратификации внутри академического сообщества с выделением отдельной группы исследователей в нескольких привилегированных учреждениях (исследовательских вузах). При этом Польша по-прежнему остается низкоинновационной экономикой на фоне остальных стран ЕС с относительно низким уровнем финансирования научных исследований.

Список литературы

- Антонович Д. Невозможное возможно: Модернизация Польской академии наук // Форсайт. – 2010. – № 3. – С. 32–38.
- Кибыш А.И. Реформа высшего образования в Польше: взгляд в будущее // Наука и школа. – 2020. – № 6. – С. 80–89. – DOI: 10.31862/1819-463X-2020-6-80-89.
- Кувалдин С.А. Польша // Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности / под общ. ред. Е.С. Хесина. – Москва : ИМЭМО РАН, 2020. – С. 268–276.
- Diagnoza stanu szkolnictwa wyższego w Polsce. – [S. l.] : Ernst & Young, 2009. –

128 s. – Пол. яз. – URL: https://cpp.amu.edu.pl/pdf/diagnoza_stanu_SW.pdf (дата обращения: 04.07.2023).

Dyskusja redakcyjna: Reformy w szkolnictwie wyższym / Zybala A. [et. al.] // Studia z Polityki Publicznej. – 2019. – N 1. – S. 109–144. – Пол. яз.

Dziedziczak-Foltyn A. O reformowaniu szkolnictwa wyższego w Polsce w latach 1989–2009 i towarzyszącej temu debacie publicznej // Przegląd Socjologiczny. – 2009. – Vol. 58. – S. 51–76. – Пол. яз.

Etzkowitz H. Research groups as ‘quasi-firms’: the invention of the entrepreneurial university // Research Policy. – 2003. – N 1. – P. 109–121.

Gąsowski A. Nauka polska na tle Unii Europejskiej pięć lat po akcesji // Roczniki Nauk Politycznych. – 2009. – N 11–12. – S. 135–167. – Пол. яз.

Hollanders H., Es-Sadki N., Khalilova A. European Innovation Scoreboard 2022 / European Commission, Directorate-General for Research and Innovation. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2022. – 102 p.

Jablecka J., Gulczyńska H., Świerzbowska-Kowalik E., Strategie pozyskiwania i utrzymania zasobów a przetrwanie oraz rozwój organizacji naukowych: przykład trzech placówek Polskiej Akademii Nauk // Nauka i Szkolnictwo Wyższe. – 1997. – N 2. – S. 65–88. – Пол. яз.

Kozłowski J. Polityka naukowa w Polsce – dziedzictwo, stan obecny, perspektywy // Nauka i Szkolnictwo Wyższe. – 1997. – N 1. – S. 14–47. – Пол. яз.

Kozłowski J. Jednostki badawczo-rozwojowe w Polsce – między zależnością od ścieżek rozwojowych a tworzeniem nowych // Nauka i Szkolnictwo Wyższe. – 2007. – N 1. – S. 113–140. – Пол. яз.

Kromolicka B. „Konstytucja dla Nauki – Ustawa 2.0” szansą czy zagrożeniem dla rozwoju nauki i szkolnictwa wyższego? // Pedagogika Szkoły Wyższej. – 2017. – N 2. – S. 77–90. – Пол. яз. – DOI: 10.18276/psw.2017.2-07.

Kwiek M. Transformacje uniwersytetu: zmiany instytucjonalne i ewolucje polityki edukacyjnej w Europie. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2010. – 446 s. – Пол. яз.

Kwiek M. Wprowadzenie: Reforma szkolnictwa wyższego w Polsce i jej wyzwania. Jak stopniowa dehermetyzacja systemu prowadzi do jego stratyfikacji // Nauka i Szkolnictwo Wyższe. – 2017. – N 2. – S. 9–38. – Пол. яз.

Kwiek M. Internacjonałści i miejscowi – międzynarodowa współpraca badawcza w Polsce na mikropoziomie indywidualnych naukowców // Nauka i Szkolnictwo Wyższe. – 2019. – N 1–2. – S. 47–105. – Пол. яз.

Stankiewicz Ł. Polska debata publiczna i odczarowanie akademii – o zmianach w społecznej percepcji uniwersytetu w ostatnich trzech dekadach (część II) // Parezja. – 2016. – N 2. – S. 43–60. – Пол. яз.

Wolszczak-Derlacz J., Parteka A. Scientific productivity of public higher education institutions in Poland. A comparative bibliometric analysis. – Warsaw : Ernst & Young Poland, 2010. – 128 p.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.04

Polish Science and Higher Education in the Post-Socialist Period: The Development of the Reform Program and the Results

Stanislav A. KUVALDIN

PhD (History), Researcher, Center for European Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: stanislaskuvaldin@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9042-0516

CITATION: Kuvaldin S.A. (2023). Polish Science and Higher Education in the Post-Socialist Period: The Development of the Reform Program and the Results. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 54–71 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.05.04

Received: 21.07.2023.

Revised: 18.09.2023.

ABSTRACT. *The article overlooks the processes which developed in the Polish academic and research sphere in the post-socialist period. The government's approach toward scientific and higher education politics is being considered as well as the research organizations' and universities' accommodation to new economic and social realities. There are several stages of evolution of the Polish academic and science sphere at that period. The first one belongs to the period that followed the collapse of socialism and was characterized by vast autonomy of academic and research organizations without clear government's scientific and educational policies. It resulted in huge educational expansion mainly by paid segment and decreasing of the research activity. At the same time research organizations were financed primarily by public means. The autonomy of academic organizations*

resulted in conserving traditional norms and spheres of activity in academic environment which didn't create any stimulus for developing and integration in the international academic space. The Polish government became interested in developing research and higher education sphere approximately after the 2010s and undertakes a series of reforms that partly reduced the academic autonomy and created an evaluation system for the research effectiveness. Such reforms were criticized by some groups of the Polish academic community. At the moment we can say that some flagship research organizations have already emerged in Poland but a significant part of the academic community is partly marginalized.

KEY WORDS: Poland, science, higher education, post-socialist transition, Polish Academy of Sciences, reforms.

References

- Antonowicz D. (2010). Impossible is possible. Modernising Polish Academy of Sciences. *Foresigt*. No. 3, pp. 32–38 (in Russian).
- Diagnoza... (2009). *Diagnosis of the state of higher education in Poland*. S. 1.: Ernst & Young, 128 pp. (in Polish). Available at: https://cpp.amu.edu.pl/pdf/diagnoza_stanu_SW.pdf, accessed 04.07.2023.
- Dyskusja... (2019). Zybała A. et al. Editorial discussion: reforms in higher education. *Studia z Polityki Publicznej*. No. 1, pp. 109–144 (in Polish).
- Dziedziczak-Foltyn A. (2009). On the reform of higher education in Poland in the years 1989–2009 and the accompanying public debate. *Przegląd Socjologiczny*. Vol. 58, pp. 51–76 (in Polish).
- Etzkowitz H. (2003). Research groups as ‘quasi-firms’: the invention of the entrepreneurial university. *Research Policy*. No. 1, pp. 109–121.
- Gąsowski A. (2009). Polish science against the background of the European Union five years after accession. *Roczniki Nauk Politycznych*. No. 11–12, pp. 135–167 (in Polish).
- Hollanders H., Es-Sadki N., Khalilova A. (2022). *European Innovation Scoreboard 2022*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 102 pp.
- Jablecka J., Gulczyńska H., Świerzbowska-Kowalik E. (1997). Strategies for obtaining and maintaining resources and the survival and development of scientific organizations: an example of three institutions of the Polish Academy of Sciences. *Nauka I Szkolnictwo Wyższe*. No. 2, pp. 65–88 (in Polish).
- Kibysh A.I. (2020). Higher Education Reform In Poland: A Look into The Future. *Science and School*. No. 6, pp. 80–89 (in Russian). DOI: 10.31862/1819-463X-2020-6-80-89.
- Kozłowski J. (1997). Scientific policy in Poland-heritage, current state, prospects. *Nauka I Szkolnictwo Wyższe*. No. 1, pp. 14–47 (in Polish).
- Kozłowski J. (2007). Research and development units in Poland-between dependence on development paths and the creation of new ones. *Nauka I Szkolnictwo Wyższe*. No. 1, pp. 113–140 (in Polish).
- Kromolicka B. (2017). «Constitution for Science-Act 2.0» an opportunity or a threat to the development of Science and higher education? *Pedagogika Szkoły Wyższej*. No. 2, pp. 77–90 (in Polish). DOI: 10.18276/psw.2017.2-07.
- Kuvaldin S.A. (2020). Poland. In: Khesin E.S. (ed.). *European Union in Global Economy: An Issue of Competitiveness*. Moscow: IMEMO RAN, pp. 268–276 (in Russian).
- Kwiek M. (2010). *University transformations: institutional changes and the evolution of education policy in Europe*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 446 pp. (in Polish).
- Kwiek M. (2017). Introduction: higher education reform in Poland and its challenges. How gradual dehermetization of the system leads to its stratification. *Nauka I Szkolnictwo Wyższe*. No. 2, pp. 9–38 (in Polish).
- Kwiek M. (2019). Internationalists and locals – international research cooperation in Poland at the micro level of individual scientists. *Nauka I szkolnictwo wyższe*. No. 1–2, pp. 47–105 (in Polish).
- Stankiewicz Ł. (2016). Polish public debate and the disenchantment of the Academy – on changes in the social perception of the University in the last three decades (Part II). *Parezja*. No. 2, pp. 43–60 (in Polish).
- Wolszczak-Derlacz J., Parteka A. (2010). *Scientific productivity of public higher education institutions in Poland. A comparative bibliometric analysis*. Warsaw: Ernst & Young Poland, 128 pp.

УДК 009

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего

Юрий Иванович НАДТОЧЕЙ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ynadtochey@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8725-6495

ЦИТИРОВАНИЕ: Надточей Ю.И. Русистика в США: опыт прошлого и проблемы настоящего // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 72–93.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Статья поступила в редакцию 23.09.2023.

Исправленный текст представлен 27.11.2023.

АННОТАЦИЯ. Конституирование русистики как дисциплины и ее развитие продолжают уже более ста лет. Американская общественно-политическая и страноведческая мысль продолжает исследовать различные аспекты российской действительности. В статье описываются история возникновения русистики в США, ее методологические особенности, дается авторская периодизация с выделением этапов развития дисциплины за последний век. Отмечается, что она представляет собой междисциплинарную сферу научной деятельности, которая объединяет в себе знания из разных областей общественных и гуманитарных наук. Рассматривается проблема выделения предметного поля дисциплины, формирования исследовательских подходов к изучению России в конкретных исторических условиях второй половины XX в.; уделяется внимание проблеме развития научных и экспертных кадров – специалистов-русистов и советологов. В статье постулируется тезис о при-

кладном политико-идеологическом и политико-технологическом значении советологии. Отмечается, что она стала важным идейным фактором, влияющим на формирование общественного мнения и на процесс принятия политических решений элитами США в годы холодной войны. Определяются вызовы и перспективы развития политологических направлений русистики в настоящее время. Основной фокус сделан на современном состоянии «россиеведческих исследований», их концептуально-теоретическом, эмпирическом и идеологическом наполнении в условиях изменения направления общественного дискурса о России внутри США и резкого ухудшения российско-американских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русистика и россиеведение, советология, постсоветские и посткоммунистические исследования, российско-американские отношения, холодная война, транзитология, сравнительные исследования, регионоведение, научные обмены.

Введение

В течение многих десятилетий XX столетия американское научное сообщество проявляло высокую степень заинтересованности во всестороннем изучении России как государства. Какую бы пространственную форму оно ни принимало (Российская империя, Советский Союз, Российская Федерация) и какой бы политический режим в нем ни преобладал, этот интерес не только не угасал, но и усиливался. Подобное положение вещей объяснялось самым особым статусом России на международной арене, ее геополитической значимостью, величиной и, как следствие, возможностями влиять на внешний мир и на сами Соединённые Штаты – главного оппонента Москвы на протяжении большей части минувшего века.

Современные исследования России (русистика или руссиеведение) воплощают в себе разнообразие исследовательских методологий и теоретических подходов, каждый из которых способствует комплексному пониманию сложностей России как объекта изучения. Специалисты-русисты работают в почти безграничном исследовательском пространстве, анализируя широкий спектр тем, включая внешнюю политику России, внутренние социально-политические процессы, экономические тенденции, культурно-исторические феномены. Междисциплинарная природа этой области знаний является ее сильной стороной, так как позволяет исследовать научный объект (в данном случае страну) с разных позиций, что несомненно приводит исследователей к разным интерпретациям как исторических, так и современных российских реалий. Концептуальные взгляды американских русистов хорошо отрефлексированы российскими и постсоветскими авторами в издан-

ных за последние два десятилетия научных публикациях [Большакова, 2013; Soviet Studies..., 2016; Кодин, 2003; Лантева, 2004; Меньковский, 2000; Шабасова, 2008], учебных пособиях и лекционных курсах [Безбородов, 2015; Некрасов, 2000; Петров, 2008]. В то же время наблюдается некоторый дефицит работ, посвященных самым последним тенденциям развития руссиеведческих исследований в США, прослеживается недостаток внимания к их современному состоянию, новой волне «идеологизации» русистики в общественно-политическом дискурсе. Эта лакуна объясняется тем, что рассматриваемая дисциплина, как представляется, всё еще продолжает выполнять двоякую функцию: с одной стороны, она была и остается специализированной академической сферой, с другой – это важный идейный фактор, влияющий на формирование общественного мнения в США и на процесс принятия важных решений американскими элитами. Знание о России – это и эмпирическое знание, и политический дискурс одновременно. Устанавливая диалектическую взаимосвязь между ними, настоящая статья освещает основные вехи становления русистики, определяет ее место и роль в американском обществоведении в исторической ретроспективе и в современных условиях, особенно с учетом нарастающих российско-американских противоречий.

Проблемы периодизации

Траектория развития американской русистики никогда не была прямой. Скорее, она напоминала извилистую дорогу, где каждый поворот был по-своему уникальным, с присущими только ему особенностями и отличиями. В целях лучшего понимания процесса становления дисциплины представляется целесообразным разбить

этот витиеватый путь на условные отрезки (периоды), каждый из которых отражает специфику конкретного момента, в котором она развивалась. Хотя в вопросе о начальных истоках и периодизации русистики единства среди исследователей не наблюдается [Еришов, 2006; Некрасов, 2000], с некоторой долей допущений и условностей полагаем, что таких отрезков можно выделить по меньшей мере четыре: **начальный, активизационный, основной и современный**.

Первый длился примерно с начала 1920-х по конец 1930-х годов. Он по праву может считаться эмбриональным временем и временем младенчества русистики как нового ответвления в американском страноведении, отчасти отпочковавшегося от европейистики, а частично – от исследований стран и народов Азии, причем с последней Россия связывалась даже в большей мере¹. В то же время, когда за окончанием Первой мировой войны последовали революционные потрясения, слоившие привычный ход развития царской России, ее истории и государственности, интерес к русистической проблематике со стороны научной общественности США заметно возрос. Возникновение на осколках Российской империи первой в мире социалистической республики, ее планомерное усиление в связи с появлением на карте мира крупнейшего государства – СССР – не могло остаться незамеченным в американских академических кругах 1920-х годов [Трибунский, 2021]. Тем не менее это касалось лишь небольшой их части, так как изучение России ассоциировалось с некоторой маргинальностью и даже экзотичностью. Русистика

всё еще оставалась уделом любителей из университетской среды (по большей части историков и филологов), в дела которых до поры до времени не вмешивалась политика, а сами они могли не опасаться каких-либо ограничений для творческого поиска. Неслучайно, что один из ведущих популяризаторов русистики и славистики, профессор А. Кулидж из Гарвардского университета, выступал против создания профессиональных сообществ, способных содействовать институализации и, как следствие, «нормативизации» этих дисциплин [Зенкевич, 2016]. Предполагалось, что изучение России не должно обретать формы проектной деятельности «на заказ» и под финансирование, оставаясь увлечением для энтузиастов на частные средства.

Десятилетие 1930-х годов изменило общий тренд в развитии советско-американских контактов. Установление между Москвой и Вашингтоном дипломатических отношений и нарастающие объемы внешнеторговых связей между ними повысили интерес к Советскому Союзу как со стороны американского государства, так и со стороны бизнеса. Активизировались и академики, учредив в 1938 г. в недрах Американского совета изучаемых обществ (ACLS) Славянский комитет, ставший фактически первой профессиональной организацией славистов и русистов. С началом Второй мировой войны, формированием антигитлеровской коалиции и запуском программы ленд-лиза этот запрос приобрел еще более выраженные черты, ознаменовав собой второй и, пожалуй, наиболее короткий этап развития русистики. Он характеризовался ее прикладной направленностью и из-

1 Это обстоятельство нашло свой отклик еще в работах Дж. Кеннана, совершившего длительную экспедицию по Сибири в 1865–1867 гг. Она дала первые достаточно разрозненные и академически неосмысленные материалы (в основном мемуарно-публицистического характера) о жизни в Российской империи, где подчеркивались ее отличия от западной цивилизации.

бирательностью, а также появлением соответствующего «госзаказа сверху». Подготовка политических и военных аналитиков, специалистов со знанием русского языка стала государственным приоритетом, а некоторые американские учебные заведения начали спешно внедрять в свои программы соответствующую языковую и страноведческую подготовку кадров для армии, флота, разведки, госаппаратов различных ведомств и служб [Harris, 1997].

После капитуляции Германии и Японии в 1945 г. исследования России вступили в третий – самый продолжительный и самый продуктивный – этап своего развития. Послевоенная русистика пережила настоящую трансформацию, превратившись из прикладной сферы деятельности, призванной закрыть сиюминутные потребности государства в чрезвычайных военных условиях, в развитую область научного и экспертного знания с широкой системой исследовательских центров, научных журналов и профессиональных сообществ. Формировался широкий запрос на изучение комплекса проблем функционирования советской системы в преломлении к американским национальным и корпоративным интересам. Послевоенная американская русистика в какой-то мере оказалась в уникальном положении, сравнимом разве что с экспериментом в идеальных лабораторных условиях. 1950-е и 1960-е годы стали временем ее расцвета, чему способствовала не только начавшаяся холодная война Запада с СССР и советским блоком, но и бурное развитие социальных наук, внесших свою лепту в многогранную область русистики, а затем и новой дисциплины – советологии. Помимо этого, и само американское общество и в особенности академическое сообщество становились всё более открытыми внешнему миру, устанавливая всё больше научных кон-

тактов с зарубежными странами, включая даже «враждебный» СССР.

Кризисные 1970-е годы в США с их финансовыми проблемами, войной во Вьетнаме, а затем и начавшейся политикой «разрядки» между Востоком и Западом хотя и несколько охладили общий интерес к русистическим исследованиям, но не поколебали их научную основу, обретшую к тому времени необходимую прочность и гибкость. К началу 1980-х годов, ставших последним для СССР десятилетием, запрос на исследования советского государства и общества проявился с новой силой. При этом вначале такой интерес был обусловлен новым витком холодной войны и обострением советско-американской конфронтации, однако с началом перестройки его содержание плавно сместилось в плоскость изучения новых тенденций в советской идеологии, всё меньше напоминавшей ортодоксальный марксизм-ленинизм – идеологический фундамент СССР.

Распад мировой социалистической системы, а затем и самого Советского Союза положили начало четвертому – современному – периоду существования русистики, наименее определенному с точки зрения ее дальнейших перспектив. С пьедестала «главной угрозы» национальной безопасности России потеснили другие противники США – как мнимые, так и вполне реальные. Москва же официально помещалась в категорию (пусть и с определенными оговорками) региональных стран – партнеров США, хотя и весьма «трудных». Как следствие, проблемы финансирования, падение интереса к результатам работы специалистов по России со стороны истеблишмента и широкой публики начиная с 1990-х годов стали неизменными спутниками русистики (по крайней мере, ее политической компоненты). В таких непростых условиях русистике пришлось вновь доказывать

свою живучесть в качестве научно-теоретической и практической сферы исследований с широчайшей предметной областью.

Предметное поле без границ

Для американских специалистов по России подобные поиски не были чем-то новым. В конце концов, вопрос об академическом статусе русистики как дисциплины, определении ее предмета и метода оставался нерешенным, пожалуй, с момента зарождения этой области знания. Как и в случае с любыми другими страноведческими и регионоведческими дисциплинами, ее предметное пространство не обладало постоянными границами и протяженностью. Это обстоятельство давало возможности для включения в ее исследовательское поле всё новых проблем и формировало потенциал для анализа новых феноменов, которые могли исследоваться только представителями разных социальных и гуманитарных наук. Подобная междисциплинарность, а вернее, даже многодисциплинарность, испытывала на прочность научные позиции русистики и самих русистов, сталкивавшихся с различными препятствиями в своих исследованиях, начиная от критики со стороны позитивистских подходов в обществоведении и заканчивая влиянием политико-идеологических факторов. Наглядным тому подтверждением стала советология, выделившаяся из русистических исследований в послевоенные годы и ставшая главной «политологической компонентой» русистики на несколько десятилетий.

Времена советско-американской конфронтации, особенно на ранних ее этапах (с конца 1940-х по начало 1960-х годов), совпали с витком модернистской революции в политологии и международных отношениях, поста-

вивших под сомнение строгую научность страноведения и регионоведения. Последние, являясь по своей сути дисциплинами больше гуманитарными, делали акцент на частных особенностях изучаемого объекта (страны, общества) с присущими ему уникальными социокультурными характеристиками, что встречало непонимание со стороны обществоведов (экономистов, социологов, политологов, юристов), настаивавших на универсальности социальных закономерностей и объяснявших действия социальных субъектов с позиций рационального выбора. В этом плане выделение самостоятельной области советологии имело смысл только в том случае, если она рассматривалась бы как сравнительная дисциплина, а за точку отсчета для сравнений принимался бы некий эталон «нормального» (то есть рационального) государства и общества, с которым бы сравнивался СССР [Shlapentokh, 1995]. Очевидно, что принятие в качестве такого образца США или других англо-саксонских капиталистических стран выводило советскую модель развития за рамки такой «нормальности», поскольку принципы, на которых она основывалась, были совершенно иными.

Другим препятствием для сравнительных исследований выступала традиционная проблема общественных дисциплин, где субъект и объект состоят в сложной диалектической связи, оказывают воздействие на друг на друга и постоянно изменяются. Говоря научным языком, онтология и эпистемология пытались «шагать в ногу», что и отражалось на результатах исследовательской работы. Подвижность объекта исследования советской системы как таковой, ее склонность к трансформации способствовали тому, что круг явлений и процессов советской действительности, изучаемых американскими учеными, также менялся и содержательно,

и пространственно. Происходило это под влиянием множества факторов и перипетий международной и внутриполитической ситуаций как в СССР, так и в США. Все эти обстоятельства меняли ценностные ориентиры самих американских русистов и советологов, смещали не только содержание их научных интересов, но и акценты на тех или иных гранях изучаемого предмета. И если в 1950-е и 1960-е годы в фокусе внимания американских политологов, социологов или историков находился «советский тоталитаризм», а советская система рассматривалась как явное отклонение от политической «нормы» (западной демократии), то к 1970-м экспертно-научное сообщество США стало менее категоричным: активизировались группы ученых-ревизионистов, поставивших под сомнение антикоммунистический догматизм ранней холодной войны и признавших возможность трансформации советского социализма из аномалии в нормальную политическую систему [Hough, Fainsod, 1979; Fitzpatrick, 2008; Cohen, 1985]. Последователи теории конвергенции допускали подобную трансформацию советской системы, выдвигая аргументы в пользу «сближения» капитализма и социализма как двух альтернативных путей, ведущих к модернизации [Zweynert, 2019].

Более того, советология делала всё более уверенные шаги в сторону сравнительного анализа не только «социализма с капитализмом», но и социализма с социализмом», так как круг стран, именующих себя социалистическими, в послевоенные годы неуклонно расширялся [Kautsky, 1998]. Как следствие, для большего аналитического покрытия мириады социалистических государств, безотносительно их географии и национального состава, рамки советологии также пришлось расширить до сравнительных коммунистиче-

ских исследований (*communist studies*), предметное поле которых оказалось еще более размытым [Tucker, 1967; Unger, 1998]. Причем происходило это не только вследствие «экспорта советской модели» за рубеж, но и по причине сознательного выбора социалистического (или близкого к нему) пути целой группой развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки после их деколонизации или освобождения от иных форм политической зависимости. Последние быть предметом славистики или русистики попросту не могли, а советология концентрировалась на изучении особенностей функционирования системы власти в самом СССР, зачастую обходя стороной другие страны реального (или не очень) социализма. К тому же и сама советология, концентрирующаяся преимущественно на изучении советского государства и общества как целостного объекта, часто игнорировала его региональные особенности, в том числе национальный фактор политической жизни в отдельных республиках СССР [Motyl, 1994].

Финальная точка в споре о предмете советологии не была поставлена даже после распада Союза и мировой системы социализма. Хотя исчезновение самого объекта исследования автоматически должно было привести к ликвидации и предмета, на практике этого не произошло [Beyond..., 1995]. Дезинтеграция Советского Союза действительно стала ощутимым ударом по развитой академической инфраструктуре российских исследований, но их научный корпус в целом сохранился. Онтологический кризис советологии расколол сообщество бывших советологов на две основные условные группы – скептиков и продолжателей. Первая группа предпочла отказаться от специфических советологических исследований и вернуться к своим

базовым дисциплинам (экономике, социологии, политологии и юриспруденции). Сюда же вошли многочисленные русисты-гуманитарии (историки, философы, филологи, культурологи), долгое время вынужденные мириться с избыточной политизацией всего, что было связано с Россией и ее социокультурными реалиями. Междисциплинарный диалог между этой группой ученых и обществоведами (особенно между историками и политологами) существенно сократился [Hanson, 2003].

Аргументация сторонников дальнейшего изучения того, что ранее представляло собой Советский Союз, не была лишена оснований: в конечном счете республики бывшего СССР стали на путь капитализма и демократии и теперь могли изучаться в рамках общих социальных наук или более узких дисциплин вроде транзитологии [Markwick, 1996]. Другая часть исследователей продолжила работу в прежнем исследовательском поле, переименованном в постсоветские или посткоммунистические исследования. Мотивация этой группы бывших советологов также объяснялась довольно просто: СССР исчез только как политическая реальность, но не как физическая величина. На обширном пространстве бывшей сверхдержавы, отныне состоящем из отдельных государств, возникло множество новых проблем – от локальных конфликтов до гипотетических угроз распространения ядерного оружия, которые явно шли вразрез с долгосрочными интересами США и их союзников в Европе и Азии. Более того, экономическая глобализация, которая, по идее, должна была «стереть» не только национальные границы, но и отличия между различными социумами, не привела ни к чему подобному в бывших советских республиках. Как ни парадоксально, но в едином политическом теле СССР они были более

однородны, нежели после его распада. Дезинтеграция этого тела на отдельные члены привела народы СССР к большей социально-политической разнородности, внутренней и внешней поляризации. Бывшие республики становились всё меньше похожи не только друг на друга, но и на западный мир, ценности которого, как ранее считалось, они воспримут едва ли не безоговорочно. На практике же они ориентировались не столько на западный либерализм, сколько на различные формы местного национализма, маскируемого под демократические системы западного образца [Postcommunism..., 2002]. Это обстоятельство требовало от ученых и экспертов новых работ как прикладной, так и более фундаментальной направленности, даже несмотря на снижение интереса к России и странам СНГ во властных кабинетах Вашингтона. Сравнительные теории посткоммунизма (*comparative post-communist studies*) с их упором на проблемы нациестроительства, конструирования государственности могли здесь стать более продуктивными и многообещающими, нежели различные западные теории демократизации и политического транзита [Sakwa, 1999].

От русистов к советологам и обратно

Вторым по значимости после вопроса о предметном поле русистики и о том, «что она изучает», всегда стоял вопрос о том, «кто изучает», то есть о самих исследователях. Памятуя простую истину, что «без ученых нет и науки», пионеры русистики еще на заре ее формирования готовили соответствующую кадровую почву на будущее. Их успехи в этом деле не отличались постоянством, варьируясь от скромных достижений (в довоенные годы) до серьезных результатов (в послево-

енный период), что обуславливалось не только политической конъюнктурой, но и карьерными возможностями, которые открывались перед молодыми исследователями.

Как уже отмечалось, в межвоенное десятилетие (1919–1939 гг.) наблюдался определенный интерес к России в университетской среде, но он оставался преимущественно некой разнovidностью научного подвижничества. Возможно, именно по этой причине русистика не получила столь широкого распространения в университетских учебных планах. Студенты, изучавшие историю и международные отношения, выбирали в качестве специализации более близкие по духу страны Западной Европы и соответствующие (менее сложные) европейские языки. Начинаящие специалисты действовали весьма прагматично: их образование позволяло рассчитывать не только на научную карьеру, но и на дипломатическую. Возможности службы в американских посольствах в Париже, Берлине или Риме могли показаться молодым людям более привлекательными, нежели работа на аналогичных должностях в Москве или Ленинграде. В результате к началу холодной войны госдепартамент, военный департамент и другие ведомства США столкнулись с явной нехваткой специалистов по России. В 1948 г. новообразованное ЦРУ смогло нанять в качестве штатных аналитиков только 38 таких экспертов, причем только 12 из них владели русским языком, лишь у одного из них была ученая степень, а большинство из них никогда не были в России или СССР [Engerman, 2009]. Вторая мировая война отчасти могла решить эту проблему за счет притока эмигрировавших из Европы ученых (в том числе русскоговорящих), однако их доля в общем пуле исследователей и профессоров США была невелика. В довоенные годы в университетах

страны работали 17 видных историков – выходцев из России, подготовивших важные научные работы по ее истории [Raeff, 1990, p. 156–186], и тем не менее в целом кадровые резервы русистики оставались ограниченными. В числе «экспертов», консультирующих американские власти в вопросах о состоянии дел в СССР, попадались и библиотекари и даже гражданские инженеры, а для формирования прочной базы профессионалов требовались годы и значительные усилия [Engerman, 2009].

Учреждение специализированных научных организаций по России в ведущих университетах США, прежде всего Русского исследовательского центра (Гарвард) и Русского института (Колумбийский университет), должно было, с одной стороны, сформировать мощные исследовательские коллективы русистов-академистов, а с другой – укрепить связку между научным миром и миром большой политики. Такая задача ставила ученых в двусмысленное положение: от них требовалась и понятная политикам и чиновникам прикладная экспертиза, и фундаментальная глубина исследований, без которой таковая не могла возникнуть в принципе. К тому же университетским ученым по-прежнему приходилось думать о преемственности поколений, внедряя курсы по изучению России в учебные планы и заинтересовывая студентов и аспирантов. И если сначала эти усилия не давали сколь-нибудь ощутимого результата, то вскоре ситуация изменилась кардинальным образом. К 1957 г. – году запуска первого советского спутника – интерес к СССР и его достижениям в американском обществе существенно возрос. Как следствие, в студенческой среде всё большую популярность завоевывали русский язык, литература и культура, о чем также свидетельствовали впечатляющие цифры по числу полученных бакалаврских

степеней в области русистики. В 1957 г. их насчитывалось 107, а в 1964-м уже 446. Количество защищенных докторских диссертаций по различным аспектам русистики удваивалось дважды – в период с 1953 по 1965 г., а затем с 1965 по 1972 г. [Engerman, 2009]. Круг специализировавшихся на России исследовательских центров, где эти защиты происходили, также неуклонно расширялся. Началось формирование целых научных направлений и школ, со временем накопивших солидный кадровый потенциал и опиравшихся на щедрое многоканальное финансирование со стороны государства, бизнеса, пожертвований частных фондов. Русистика покинула пределы элитных университетов «Лиги плюща», прочно закрепилась и во многих региональных вузах Америки – университетах Мичигана, Индианы и Висконсина [American Teaching..., 1959].

Важнейшим индикатором выхода русистики/советологии из категории малоперспективных сфер деятельности и ее перехода в элитную область науки и экспертизы стало вовлечение в эту сферу наиболее амбициозных студентов и аспирантов. Советологическая стезя всё чаще становилась хорошим карьерным трамплином для метивших во власть молодых ученых и экспертов. Многие будущие американские политики и дипломаты – от З. Бжезинского и М. Олбрайт до К. Райс и М. Макфолла – начинали свою карьеру именно как специалисты-советологи. Те же, кто предпочитал оставаться в академических стенах, также могли рассчитывать на достойное будущее. Исследования в области советологии, как уже отмечалось выше, стали щедро финансироваться, так как эта область страноведения преследовала далеко идущие цели и своей живучестью была обязана не только своему многообещающему научному потенциалу, но и вполне при-

кладному функционалу. Даже оставаясь «чистыми учеными», специалисты по СССР могли работать «над смыслами», генерировать «правильные» нарративы и задавать дискурсы в среде американского политикума и широкой публики, формировать необходимые образы самовосприятия американского государства и общества. Советологи, таким образом, оказывались в более привилегированном положении, нежели другие ученые-страноведы и регионоведы.

Завершение холодной войны оказало на кадровый потенциал русистики двоякий эффект. С одной стороны, сообщество теперь уже бывших советологов столкнулось со вполне обоснованными опасениями за свое профессиональное будущее. Молодые регионоведы стали снова выбирать более перспективные, с их точки зрения, направления профессиональной деятельности – ближневосточные или азиатские исследования [Bonnell, Breslauer, 1998]. Заметно сократился спрос на изучение русского языка в американских университетах, о чем свидетельствовала статистика 1990-х годов. Если в 1968 г. его изучали 41 280 студентов, то в 1998 г. только 24 729 [Зенкевич, 2017].

В то же самое время неблагоприятная ситуация создавала стимулы для форсированной адаптации русистики к изменившимся геополитическим и экономическим реалиям. Она вступила в гонку за право быть востребованной дисциплиной в условиях более жесткой конкуренции на рынке академической науки, прикладной аналитики и образования. Снижение спроса на интеллектуальный продукт, производимый американскими русистами, не лишил их оптимизма, тем более что, несмотря на проблему ресурсного обеспечения, в целом материально-технические и организационные возможности, политическая

обстановка объективно благоприятствовали дальнейшему исследованию России. От распада СССР русистика в определенной степени даже выиграла: научный обмен между российскими и американскими академическими кругами только интенсифицировался, доступность работы с источниками (включая архивы) улучшилась, препятствий на пути исследователей со стороны властей и спецслужб, сопоставимых с теми, что имелись в советское время, стало значительно меньше. Короткая оттепель в отношениях Москвы и Вашингтона, сопровождавшая их на протяжении большей части 1990-х годов, способствовала беспрецедентной активизации самых разных научно-культурных обменных программ между вузами России и США. Высшие учебные заведения Америки не только «открыли двери» для российских студентов и преподавателей социальных наук, получивших ранее немислимые возможности учиться или работать в США, но и начали внедрять новые образовательные программы в области русистики с учетом новых политических и экономических реалий. Кроме того, наметился сдвиг и в содержании русистики, которая делала всё более уверенные шаги в сторону реального сектора экономики. Государство перестало быть главным работодателем для специалистов по России, а сама русистика плавно переместилась из сферы обслуживания

интересов органов власти в области, связанные с коммерцией или некоммерческим сектором. За 30 лет количество предлагаемых программ бакалавриата и магистратуры по направлению *Russian Studies* только увеличилось и, согласно данным на 2020 г., насчитывает 69². Общая же численность занятых в этой области специалистов составляет 172 тыс. чел.³ Большинство из них составляют работники сферы образования и науки, включая начальные и средние школы (11,8%), а также колледжи и университеты (10,9%). Остальные работают в других сферах экономики (преимущественно в частном секторе)⁴. Примечательно, что на государственной службе (включая гражданскую и военную) сегодня трудятся значительно меньше русистов, что резко контрастирует с временами холодной войны. Так, например, в вооруженных силах США таких специалистов насчитывается только около 1%, а в органах, отвечающих за сферу национальной безопасности и международных отношений, – чуть более 1,5%⁵.

Глобализация открыла перед американцами новые возможности для зарубежных поездок, в том числе в страны постсоветского пространства, откуда, в свою очередь, на Северо-Американский континент хлынул поток новых эмигрантов из бывшего СССР. Представители двух ранее мало знавших друг друга обществ встретились лицом

2 List of all Russian Studies colleges in the U.S. – URL: <https://www.universities.com/programs/russianstudies-degrees#list-schools> (дата обращения: 10.08.2023).

3 Data USA. Russian Studies. – URL: https://datausa.io/profile/cip/russian-studies#tmap_ind_num_emp (дата обращения: 10.08.2023).

4 Ibid.

5 Ibid. Такие данные отражают лишь общую картину сферы трудоустройства выпускников, в то время как более специализированная выборка по отдельным университетам может быть иной. В частности, согласно докладу о состоянии магистерских программ по русистике в США, подготовленному исследователями Э. Качинсом и Дж. Митчеллом для Корпорации Карнеги, приводятся другие данные по семи университетам – ведущим центрам преподавания русистики. Согласно им, в частном секторе заняты около 23% выпускников, в то время как в государственном – около 39%. См.: *Kuchins A. and Mitchell J. The State of M.A. Russia/Eurasia Programs in the United States. Report Prepared for the Carnegie Corporation // CERES. – 2020. – URL: <https://ceres.georgetown.edu/2020/06/09/the-carnegiereport-a-study-on-ma-russia-eurasia-programs-in-the-usa/> (дата обращения: 12.08.2023).*

к лицу, породив запрос уже на более широкие, а не узкоспециализированные, как прежде, страноведческие знания. Теперь перед американскими учеными, экспертами, политиками и бизнесменами открылась уникальная перспектива не только заглянуть внутрь ранее недоступных внешнему наблюдателю явлений и процессов жизни России, но и возможность воздействовать на них через различные формы экспертного или коммерческого консалтинга. Открытие новых совместных и чисто американских компаний в России, а равно и продолжение в ней рыночных реформ создали соответствующий кадровый запрос на зарубежных специалистов самого разного профиля. Некоторые из американских экспертов по экономике и политике России начали консультировать ее государственный сектор, другие же заняли места в советах директоров частных российских компаний⁶. Имена таких известных исследователей, как Дж. Сакс, А. Аслунд, К. Гэдди, Дж. Грей, стали прочно ассоциироваться с российским государством и бизнесом. И хотя некоторые советники были вовлечены в политические скандалы и коррупционные схемы⁷, а правительство далеко не всегда готово было следовать «рецептам» американских экспертов, в целом их опыт и знания всё же были отнюдь не бесполезны для становления молодого капитализма, политической системы и гражданского общества демократической России [Greene, 2006]. Американский опыт позволил внести в российскую реальность новые эко-

номические и менеджерские практики, принципы управления бизнесом и программы по реализации социально-значимых проектов (благотворительности и филантропии).

Русистика с Россией и без нее

Вступив в третье десятилетие XXI в., американская русистика достигла очередной исторической развилки. Приоритеты в исследовании конкретных стран и регионов вновь изменились, как и стоящие перед аналитиками задачи. Международное регионоведение как сфера научной деятельности вошло в полосу неопределенности. Специалисты фиксируют кризис регионоведческих исследований уже не первое десятилетие, отмечая ограниченность его методологических и праксеологических функций в условиях глобализации и унификации современного мира [Franzinetti, 2015]. При этом важно, что идейная ориентация страноведческой аналитики в США теперь определяется больше внутривнутриполитическими, а не внешнеполитическими факторами, и русистика здесь не является исключением. Сегодня она является ответом на внешний вызов, как прежде, сколько пространство для дискуссии по внутренним проблемам общественно-политической жизни самих США. Как и многие годы назад, она также подвержена влиянию политической конъюнктуры, возможно, даже в большей мере, чем во времена холодной войны с их четко заданной системой

6 Например, известный специалист по России, экс-сотрудница госдепартамента США, а затем и президент частной консалтинговой компании *TTG Global LLC* Т. Гатти исполняла обязанности члена совета директоров российской нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» с 2016 по 2023 год.

7 Наиболее известным случаем здесь является уголовное преследование властями США двух советников Госкомимущества России – А. Шлейфера и Дж. Хэя, обвиненных в коррупции в ходе российской приватизации. Суд постановил, что заниматься бизнесом в России Шлейфер и Хэй не имели права. В 2005 г. суд приговорил Шлейфера к уплате штрафа в размере 28,5 млн долл., из которых 2 млн долл. выплатил сам обвиняемый, а остальные 26,5 млн – Гарвардский университет, профессором которого являлся Шлейфер.

телеологических и аксиологических координат. Тем не менее существенное отличие нынешнего состояния русистики от прошлого всё же можно определить: перечень ее задач и методологические подходы отражают состояние дел в американских социальных науках, а таковые еще как минимум с 1980-х годов находятся в своеобразном интеллектуальном плену «культурного поворота» и постмодернистской революции, пришедшей на смену революции позитивистской. Рационалистические теории постепенно вытесняются критическими [Agger, 1991; *Polemics*, 1994]. Общественная мысль, а за ней и мысль научная как бы деконструируют сами базовые социальные, политические и культурные институты Америки, стирают границы представлений об установленных нормах. Удачно применяется метод бинарных оппозиций, с помощью которого меняются местами привычные понятия и разрушаются иерархии устоявшихся ценностей и ориентиров: вместо промышленного развития – экологическая повестка, вместо плавильного тигля единой американской нации – этническое и гендерное разнообразие, вместо свободы – социальная ответственность и различные формы патернализма. Сама общественная жизнь США, по мнению некоторых критично настроенных экспертов, постепенно «деамериканизируется», а ее идеологическое наполнение теряет былую буржуазно-капиталистическую окраску [Травкина, Васильев, 2021].

Несомненно, что на таком фоне компас русистических исследований, долгое время указывавший американскому обществу направление движения, теперь оказывается сбитым, ведь и само это общество пока не демонстрирует стремления к четко намеченным целям будущего, как это было прежде. Пространство для широкой

дискуссии и даже ожесточенных споров вокруг образа желаемого завтра рикошетом отражается на русистике, которой так и не позволили стать «просто» академической дисциплиной. Она всё еще не потеряла свои политические оттенки, хотя и приобрела иную, нежели во времена СССР, направленность и заданность: Россия теперь чаще рассматривается как «затухающий центр силы», не способный оспорить глобальное лидерство США, но вполне готовый создать Вашингтону немало проблем на региональном уровне [Saradzhyan, Abdullaev, 2018; Kuchins, 2018]. Можно констатировать, что сегодня этот центр силы американская экспертиза относит к более общему списку международных проблем США, всё еще важных, но уже не попадающих в категорию стран исключительной значимости. В сложных внутренних противоречиях между различными группами американского политикума и социума в целом российский фактор всё чаще выступает скорее фоном, нежели самостоятельным и злободневным предметом дискуссии, в отличие, например, от Китая [China Studies... 2021]. Достаточно красноречиво об этом свидетельствует сокращение числа статей по российской проблематике в ведущих американских научных журналах, насчитывающих, по оценкам исследователя Л.Ла Нова, менее 1% от общего числа публикаций по страноведению, в то время как доля статей, посвященных КНР, составляет (для сравнения) 2,6% [La Nova, 2023].

Учитывая данное обстоятельство, можно отметить, что русистика уже не в состоянии эффективно «работать» на укрепление национальной консолидации, объединять верхи и низы вокруг звездно-полосатого знамени настолько же эффективно, насколько это делала советология в годы холодной войны. И если в далекие 1950-е годы эпохи Д. Эйзенхауэра или менее отдаленные

времена «консервативной революции» Р. Рейгана неизменной особенностью самовосприятия США оставалась твердая вера в собственную модель развития как реальную христианскую альтернативу «безбожному коммунизму» и его ценностям, готовность противодействовать им, то в наши дни подобная постановка задачи выглядела бы несколько необычно. Стандартный набор аргументов, который традиционно использовался американскими консерваторами в качестве острия критики пороков советского общества (коллективная ответственность, двойная мораль, цензура), сегодня отчасти может быть применим уже к американским реалиям. Такие общественные явления, как «позитивная дискриминация», «культура отмены», с трудом укладываются в нормативные рамки англо-саксонской протестантской этики, скорее, напоминая о далеко не самых свободных временах «развитого социализма», столь хорошо знакомых старшему поколению россиян.

В политологии, социологии и теории международных отношений, где ранее преобладал позитивизм, теперь господствуют гендерные, расовые или феминистические теории. Они оказывают влияние и на содержание русистики, постепенно уводя ее фокус с традиционных и привычных тем: войны и мира, стратегической стабильности и контроля над вооружениями – на новые, порой довольно маргинальные для прежней советологической, да и в целом страноведческой мысли, исследовательские поля: российскую имперскость и колониализм, роль раз-

личных меньшинств в российской политике и т. д. [Etkind, 2011; Rivkin-Fish, Hartblay, 2014; Essig, 1999; Zeigler, 2014]. Подобных исследований в США появляется всё больше, они включаются в дежурное меню различных конференций и иных научных мероприятий по проблемам современной России⁸. Всё чаще звучат призывы «деколонизировать» российские исследования [Kuzio, 2023], а в центр критики помещен уже не советский коммунизм, а «российский империализм» [Shaipov, Shaipova, 2023]⁹. Очевидно, что искать точки соприкосновения в российско-американском экспертном диалоге в таких реалиях становится всё сложнее. Специалисты по обе стороны океана нередко придерживаются не только разных методологических подходов, но и различных исследовательских парадигм, обитая как бы в «параллельных научных мирах». Наблюдается парадоксальная смена ролей: в то время как российские обществоведы многие годы пытались всячески отказаться от ортодоксальных идеологических догм марксизма-ленинизма, ориентируясь на передовой (западный), преимущественно позитивистский методологический и теоретический инструментарий, их американские коллеги делали ровно противоположное – погружались в критические теории, часто левой направленности. С началом российско-украинского конфликта отдельные американские специалисты всё чаще призывают «освободить» русистику от оков научного позитивизма и эмпиризма, выйти за рамки так называемой революции достоверности, вер-

8 Примечательно, что деколонизация русистики была заявлена в качестве собирательной темы на 55-м ежегодном конвенте Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES), назначенном на декабрь 2023 г. в Филадельфии (Пенсильвания). См.: 2023 ASEEES Convention Theme. – URL: <https://www.aseees.org/convention/2023-aseees-convention-theme> (дата обращения: 17.08.2023).

9 Shaipov A, Shaipova Y. It's High Time to Decolonize Western Russia Studies // Foreign Policy. – 2023. – February 11. – URL: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonize-imperialismwestern-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europe-university/> (дата обращения: 17.08.2023).

нувшись к проверенным и оправданным, с их точки зрения, междисциплинарным исследовательским подходам, известным еще со времен советологии [Lankina, 2023; Libman, 2023].

Очевидно, что следование по такому пути несет в себе риски размывания принципа ценностной нейтральности и возвращения в русистику идеологического компонента, который сократит возможности для научной дискуссии между различными исследовательскими группами по разные стороны Атлантики. Чем больше идеологизируется русистика, тем меньшую интеллектуальную открытость она демонстрирует и тем менее заметным становится интерес американского и российского исследовательских сообществ по отношению друг к другу. Подобный порядок вещей является очевидной новацией, учитывая, что даже во времена холодной войны гуманитарный диалог выносился за скобки политической конъюнктуры, будучи сфокусированным на долгосрочных целях работы американских исследователей с советской интеллигенцией. И если в период с середины 1950-х по середину 1980-х годов США посетили более 50 тыс. советских ученых, а планомерная интенсификация академических обменов, по мнению И. Ричмонда, способствовала запросу на перемены в СССР и началу перестройки [Richmond, 2005], то в наши дни американское научное сообщество, видимо, не испытывает особых иллюзий насчет продвижения в современной России «идей свободы через науку».

Университеты и исследовательские центры США теперь всё больше

предпочитают качество количеству, делая ставку на работу с отдельными российскими экспертами, а не организациями, которые всё чаще ассоциируются у них с государственным надзором и контролем. Правильность или ошибочность такого подхода сможет определить только время, но поводов для оптимизма становится всё меньше. Аргументация сторонников восстановления разрушенных связей пока что тонет в общем хоре голосов скептиков и даже откровенных «ястребов», хотя доводы последних всё же не лишены смысла: в конечном итоге необходимо признать, что потенциал влияния «мягкой силы» американского обществоведения на российские общественно-гуманитарные круги оказался весьма ограниченным, если не ничтожным. За 30 лет существования постсоветской России американские русисты систематически посещали ее, принимали участие в бесчисленном количестве конференций и круглых столов, работали над множеством научных проектов вместе с российскими коллегами. При всём этом они не смогли капитализировать эту деятельность, что можно было сделать, внеся в перечень своих заслуг победу над «умами и сердца» узкой академической прослойки российских исследователей или более широкой общественности, остающейся в глухой обороне антиамериканизма [Волков, 2016]¹⁰. Впрочем, и в США, где соцопросы уже который год фиксируют рост антироссийских настроений, выраженная воля к диалогу также не просматривается¹¹. Как следствие, научное сообщество ни одной из двух стран не спешит углублять сотрудниче-

10 Согласно данным Левада-Центра, количество опрошенных респондентов, отрицательно относящихся к США, выросло с 42% в ноябре 2021 г. до 75% в мае 2022 г. См.: Волков Д.А. Российский антиамериканизм в зеркале опросов общественного мнения. Социодиггер. – 05.12.2022, Т. 3, вып. 12 (23). – URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskii-antiamerikanizm-v-zerkaleoprosov-obshchestvennogo-mnenija> (дата обращения: 20.08.2023).

11 Saad L. Majority of Americans Now Consider Russia a Critical Threat // Gallup. – 2019. – February 17. – URL: <https://news.gallup.com/poll/247100/majorityamericans-consider-russia-critical-threat.aspx> (дата обращения: 24.08.2023).

ство. Происходит, скорее, противоположное – сотрудничество только сворачивается. Последовавшая после 24 февраля 2022 г. череда разрывов связей между научными и образовательными организациями России и США происходила по инициативе руководителей ряда ведущих американских университетов¹², а не вследствие предписаний со стороны официальных властей (чего нельзя сказать о России)¹³.

Сворачивание объемов, количества и качества российско-американских научных контактов неизбежно окажет воздействие на дальнейший ход развития американской русистики. В отсутствие развитых внешних связей и возможностей для проведения полевых исследований она рискует стать более «домашней», а следовательно, менее эмпирической дисциплиной. Со временем также неизбежно обострятся вопросы о ее предмете, методе, организационных формах научной работы, ресурсного обеспечения, кадровой базы. По всей вероятности, ответы на эти вопросы будут во многом зависеть не только от того, по какой траектории будет двигаться Россия, но и от положения дел внутри самих США, их внутренней и внешней политики, состояния общества, экономики, науки и культуры.

Заключение

Дисциплина *Russian Studies* проделала долгий путь от некоей формы академического подвижничества до высокоорганизованной и широчайшей

по своему охвату научно-экспертной деятельности, хорошо институализированной, с надежным кругом доноров и потребителей «конечного продукта» в виде фундаментальных исследований и прикладной аналитики. Современная русистика аккумулирует в себе разнообразие исследовательских методологий и теоретических подходов, каждый из которых способствует всестороннему пониманию сложностей России как государства, общества и культуры. Исследовательский багаж знаний о ней, накопленный американскими русистами за многие годы, поистине огромен, но даже они не могут считаться исчерпывающими ввиду специфики самого объекта исследования.

Любая страна – это сложная социальная система, изучать которую можно только в динамике. К тому же обществоведению свойственны ценностные искажения, а порой и преднамеренная предвзятость исследователей, выполняющих тот или иной заказ. В конечном счете, как показывает пример советологии, исследование тех или иных феноменов общественно-политической жизни государства может опираться на солидный научный фундамент, но при этом преследовать вполне практические результаты – поиск у потенциального противника слабых мест с последующим на них воздействием. Сегодня, как и 100 лет назад, на русистику оказывают влияние множество факторов – от общего положения дел в российско-американских отношениях до сугубо внутренних социально-политических изменений в самом американ-

12 U. S. colleges are cutting their partnerships and financial ties with Russia // NPR. – 2023. – March 10. – URL: <https://www.npr.org/2022/03/10/1085792668/colleges-russia-ukraine> (дата обращения: 02.09.2023); Burakovskiy A. The War in Ukraine Ruins Russia's Academic Ties with the West // The Conversation. – 2022. – April 1. – URL: <https://theconversation.com/the-war-in-ukraine-ruins-russias-academic-ties-with-the-west-180006> (дата обращения: 12.08.2023).

13 Федеральным законом от 5 апреля 2021 г. № 85-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» была запрещена образовательная деятельность, не одобренная уполномоченными органами, включая сотрудничество с зарубежными вузами. Закон требует согласовывать с Минобрнауки России любой договор с иностранными преподавателями, договоры на проведение международных конференций и др.

ском обществе. Политизация этой области страноведческих знаний всё еще более чем выражена, чтобы считать ее сугубо академической деятельностью, а следовательно, проблемы, составляющие круг ее исследовательского поиска, являются вполне актуальными, злободневными и требующими дальнейшего анализа.

Список литературы

Безбородов А.Б. Современная Россия и национальная безопасность США: (по официальным и экспертным документам США) // Зарубежное россиеведение / под ред. А.Б. Безбородова. – Москва : Проспект, 2015. – С. 397–411.

Большакова О.В. Поверх барьеров: Американская русистика после холодной войны: монография / отв. ред. З.Ю. Метлицкая. – Москва : ИНИОН РАН, 2013. – 238 с.

Волков Д. В. Динамика антиамериканских настроений в постсоветской России и основные характеристики антиамериканизма на сегодняшний день // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2016. – № 3–4. – С. 141–159.

Ершов К.Ю. Американское россиеведение: истоки, этапы развития и современное состояние // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Серия: Интеллектуальная история. – 2006. – Том 4, № 2. – С. 267–283.

Зенкевич И.В. А.К. Кулидж – популяризатор русистики в США // Язык и текст. – 2016. – Том 3. – № 3. – С. 78–85.

Зенкевич И.В. Состояние русистики в США в XXI веке: место русского языка в системе американского образования // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – Т. 184, № 7. – С. 117–123.

Кодин Е.В. Гарвардский проект. – Москва : РОССПЭН, 2003. – 207 с.

Лаптева Е.В. Американское россиеведение: стереотипы и мифы. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та ; Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2004. – 143 с.

Меньковский В.И. Англо-американская советология: история, современность, академические ресурсы. – Минск : Экоперспектива, 2000. – 160 с.

Некрасов А.А. Становление и этапы развития западной советологии. – Ярославль : Яросл. гос. ун-т, 2000. – 68 с.

Петров Е.В. История американского россиеведения : Курс лекций : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. спец. – Санкт-Петербург : Российская таможенная академия, Санкт-Петербургский филиал им. В.Б. Бобкова, 1998. – 214 с.

Травкина Н.М., Васильев В.С. Деамериканизация США: истоки и последствия // Перспективы. Электронный журнал. – 2021. – № 2–3. – С. 34–49. – URL: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/17f/2_3_2021_0_34_49.pdf (дата обращения: 05.08.2023).

Шабасова М.А. Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России (1991–2000 гг.) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования : сборник научных статей / отв. ред. М.В. Друзин. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт истории РАН; Киев : Институт истории Украины НАН Украины; Минск : Белорусский гос. ун-т, 2008. – 682 с.

Agger B. Critical Theory, Poststructuralism, Postmodernism: Their Sociological Relevance. // *Annual Review of Sociology*. – 1991. – Vol. 17, N 3. – P. 105–131.

American Teaching About Russia / ed. by C.E. Black, J.M. Thomson, E. Cyril. – Bloomington : Indiana University Press, 1959. – 189 p.

Beyond Soviet Studies / ed. by D. Orlovsky. – Washington DC : Woodrow Wilson Center Press, 1995. – 349 p.

Bonnell V., Breslauer G. Soviet and Post-Soviet Area Studies. – Berkley : University of California, 1998. – 30 p. – URL: https://iseees.berkeley.edu/sites/default/files/1998_03-bonn.pdf (дата обращения: 08.08.2023).

China Studies in North America. A Report on Survey Research by the Luce // ACLS Advisory Group. – 2021. – URL: <https://www.acls.org/wpcontent/uploads/2021/12/China-Studies-in-North-American-Report.pdf> (дата обращения: 18.08.2023).

Cohen S. Scholarly Missions: Sovietology as a Vocation // Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. – New York : Oxford University Press. – P. 3–37.

Engerman D.C. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. – New York : Oxford University Press, 2009. – 459 p.

Essig L. Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. – London : Duke University Press, 1999. – 244 p.

Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. – Cambridge : Polity, 2011. – 264 p.

Fitzpatrick S. Revisionism in Retrospect: A Personal View // Slavic Review. – 2008. – Vol. 67, N. 3. – P. 682–704.

Greene N. Advice's Effect: The Role of Western Advisors on Russian Privatization Policy / Honors Theses. – 2006. – N 2335. – URL: https://egrove.olemiss.edu/hon_thesis/2335 (дата обращения: 15.08.2023).

Hanson S. Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization // Demokratizatsiya. – 2003. – Vol. 11, N. 1. – P. 142–149.

Harris C D. Russian, Slavic, and Soviet Studies in the United States: Some Memories and Notes // Russian History. – 1997. – Vol. 24, N. 4. – P. 441–456.

Hough J., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1979. – 679 p.

Kautsky J.H. Communism and the Comparative Study of Development. //

Slavic Review. – 1998. – Vol. 26, N. 1. – P. 13–17.

Kuchins A. Russian Power under Putin: Up and Down and Flatline // Russia Matters. – 2018. – August 22. – URL: <https://www.russiamatters.org/analysis/russianpower-under-putin-and-down-and-flatline> (дата обращения: 16.08.2023).

Kuchins A., Mitchell J. The State of M.A. Russia / Eurasia Programs in the United States. Report Prepared for the Carnegie Corporation. – CERES, 2020. – URL: <https://ceres.georgetown.edu/2020/06/09/the-carnegie-report-a-study-on-marussia-eurasia-programs-in-the-usa/> (дата обращения: 12.08.2023).

Kuzio T. Crisis in Russian Studies? Nationalism (Imperialism), Racism and War. // E-International Relations. – 2020. – November 17. – URL: <https://www.eir.info/publication/crisis-in-russian-studies-nationalism-imperialism-racism-andwar/> (дата обращения: 07.09.2023).

Lankina T. Branching out or inwards? The logic of fractals in Russian studies // Post-Soviet Affairs Review – 2023. – Vol. 39, Issue 1–2. – P. 70–85.

La Lova L. Methods in Russian studies: overview of top political science, economics, and area studies journals // Post-Soviet Affairs Review. – 2023. – Vol. 39, Issue 1–2. – P. 27–37.

Libman A. Credibility revolution and the future of Russian studies // Post-Soviet Affairs Review. – 2023. – Vol. 39, Issue 1–2. – P. 60–69.

Markwick R.D. A Discipline in Transition?: From Sovietology to 'Transitology' // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 1996. – Vol. 12, N. 3. – P. 255–276.

Motyl A.J. Sovietology in One Country or Comparative Nationality Studies? // Slavic Review. – 1989. – Vol. 48, N. 1. – P. 83–88.

Polemics J. The Postmodernist Critique of Science: Is It Useful? // Journal of the

Elisha Mitchell Scientific Society. – 1994. – Vol. 110, N. 3/4. – P. 113–120.

Postcommunism and the Theory of Democracy / Anderson R.D., Jr., Fish M.S., Hanson S.E., Roeder Ph.G. – Princeton : Princeton University Press, 2002. – 224 p.

Raeff M. Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. – New York : Oxford, Oxford University Press, 1990. – 239 p.

Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: How the West Won // The Polish Review. – 2005. – Vol. 50, N 3. – P. 355–360.

Rivkin-Fish M., Hartblay C. When Global LGBTQ Advocacy Became Entangled with New Cold War Sentiment: A Call for Examining Russian Queer Experience // Brown Journal of World Affairs. – 2014. – Vol. 21, N 1. – P. 95–111.

Sakwa R. Postcommunist studies: once again through the looking glass (darkly)? // Review of International Studies. – 1999. – Vol. 25, N 4. – P. 709–719.

Saradzhyan, S., Abdullaev N. Measuring National Power: Is Vladimir Putin's Russia in Decline? // Russia Matters. – 2018. – May 4. – URL: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37363205/Measuring%20National%20Power.pdf?sequence=1&isAllowed=y>; (дата обращения: 12.08.2023).

Shaipov A, Shaipova Y. It's High Time to Decolonize Western Russia Studies // Foreign Policy. – 2023. – February 11. – URL: [https://for-](https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russias-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empireeurasia-eastern-europe-university/)

[eignpolicy.com/2023/02/11/russias-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empireeurasia-eastern-europe-university/](https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russias-studies-war-ukraine-decolonize-imperialism-western-academics-soviet-empireeurasia-eastern-europe-university/) (дата обращения: 14.08.2023).

Shlapentokh V. American Sovietology from 1917–1991: An Attempt at Diagnosis // Russian History. – 1995. – Vol. 22, N 4. – P. 406–432.

Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects / ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. – Lanham, Maryland : Lexington Books, 2016. – 306 p.

Subtelny O. American Sovietology's great blunder: The marginalization of the nationality issue // Nationalities Papers. – 1994. – Vol. 22, N 1. – P. 141–155.

Tucker R.C. On the Comparative Study of Communism // World Politics. – 1967. – Vol. 19, N. 2. – P. 242–257.

Unger A.L. On the Meaning of “Sovietology” // Communist and Post-Communist Studies. – 1998. – Vol. 31, N 1. – P. 17–27.

Zeigler C. How We Blew It in Sochi: The LGBT Community Took a Shot at Anti-Gay Laws in Russia and Missed the Olympic-Sized Target // QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking. – 2014. – Vol. 1, N 3. – P. 30–38.

Zweynert J. Shestidesyatniki Economics, the Idea of Convergence, and Perestroika // History of Political Economy. – 2019. – Vol. 51, issue S1. – P. 277–299.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Russian Studies in the US: Past Experience and Today's Problems

Yuriy I. NADTOCHEY

PhD (History), Senior Researcher of Europe and America Department
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ynadtochey@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8725-6495

CITATION: Nadtochey Yu.I. (2023). Russian Studies in the US: Past Experience and Today's Problems. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 72–93 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.05

Received: 23.09.2023.

Revised: 27.11.2023.

ABSTRACT. *Russian Studies as an established discipline has been continuously evolving for over a century, with American socio-political and area studies thought delving into various facets of the Russian reality. This article delves into the origins of Russian Studies in the United States, its unique methodological characteristics, and offers a periodization framework authored by the writer, highlighting the developmental phases of the discipline over the past century. It is worth noting that Russian Studies is an interdisciplinary field of academic endeavor, bringing together insights from diverse areas within the social and humanities sciences. The article also addresses the challenge of delineating the subject matter of this discipline and the development of research approaches for studying Russia, particularly within the historical context of the latter half of the 20th century. There is a specific focus on nurturing the growth of academic researchers and experts that specialize in Russian Studies and Sovietology. In this regard, the article posits the idea that Soviet Studies carries practical political-ideological and political-technological*

significance. It has emerged as a pivotal ideological force shaping public opinion and influencing the decision-making processes of American elites during the Cold War era. The article concludes by examining the contemporary challenges and prospects facing Russian Studies. It primarily concentrates on the present state of «Russian Studies», encompassing its theoretical underpinnings, empirical research, and ideological dimensions. This assessment occurs in the context of evolving public discourse about Russia within the United States and the considerable deterioration of U. S.-Russia relations.

KEYWORDS: *Russian studies, Sovietology, post-Soviet and postcommunist studies, US-Russia relations, Cold War, transitology, comparative studies, area studies, academic exchanges.*

References

Agger B. (1991). Critical Theory, Post-structuralism, Postmodernism: Their Sociological Relevance. *Annual Review of Sociology*. Vol. 17, no. 3, pp. 105–31.

American Teaching... (1959). Black C.E., Thomson J.M. (eds.). *American Teaching About Russia*. Indiana University Press, Bloomington, 189 pp.

Beyond... (1995). Orlovsky D. (ed.). *Beyond Soviet Studies*. Washington DC: Woodrow Wilson. Center Press, 349 pp.

Bezborodov A.B. (2015). Modern Russia and the national security of the United States of America (based on official U.S. expert materials). In: Bezborodov A.B. (ed.). *Foreign Russian Studies: Textbook*. Moscow: Prospekt, pp. 397–411 (in Russian).

Bolshakova O.V. (2013). *Beyond Barriers: American Russian Studies After the Cold War*. Monograph / Ed. by Z.Yu. Metlitskaya. – Moscow: INION RAN, 238 pp. (in Russian).

Bonnell V., Breslauer G. (1998). *Soviet and Post-Soviet Area Studies*. Berkeley: University of California, 30 pp. Available at: https://iseees.berkeley.edu/sites/default/files/1998_03-bonn.pdf, accessed 08.08.2023.

China Studies in North America (2021). A report on survey research by the Luce / ACLS Advisory Group. Available at: <https://www.acls.org/wp-content/uploads/2021/12/China-Studies-in-North-American-Report.pdf>, accessed 16.06.2023.

Cohen S. (1986). Scholarly Missions: Sovietology as a Vocation. In: *Rethinking the Soviet Experience: Politics and History Since 1917*. New York: Oxford University Press, 240 pp.

Engerman D.C. (2009). *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. New York: Oxford University Press, 459 pp.

Ershov K.Yu. (2006). Russian Studies in the USA: Origins, Evolution and Contemporary State. *Imagines Mundi: Almanac of Modern and Contemporary History of XVI–XX century. Intellectual History*. Vol. 4, no. 2, pp. 267–283 (in Russian).

Essig L. (1999). *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. London: Duke University Press, 244 pp.

Etkind A. (2011). *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity, 264 pp.

Fitzpatrick S. (2008). Revisionism in Retrospect: A Personal View. *Slavic Review*. Vol. 67, no. 3, pp. 682–704.

Greene N. (2006). *Advice's Effect: The Role of Western Advisors on Russian Privatization Policy*. Honors Theses. 2335. Available at: https://egrove.olemiss.edu/hon_thesis/2335, accessed 16.06.2023.

Hanson S. (2003). Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization. *Demokratizatsiya*. Vol. 11, no. 3, pp. 142–149.

Harris C.D. (1997). Russian, Slavic, and Soviet Studies in the United States: Some Memories and Notes. *Russian History*. Vol. 24, no. 4, pp. 441–56.

Hough J., Fainsod M. (1979). *How the Soviet Union Is Governed*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 679 pp.

Kautsky J.H. (1998). Communism and the Comparative Study of Development. *Slavic Review*. Vol. 26, no. 1, pp. 13–17.

Kodin E.V. (2003). *Harvard Project*. Moscow: ROSSPAN Publ., 208 pp. (in Russian).

Kuchins A. (2018). Russian Power Under Putin: Up and Down and Flatline. *Russia Matters*. August 22. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/russian-power-under-putin-and-down-and-flatline>, accessed 16.08.2023.

Kuchins A., Mitchell J. (2020). *The State of M.A. Russia/Eurasia Programs in the United States*. Report Prepared for the Carnegie Corporation. CERES. Available at: <https://ceres.georgetown.edu/2020/06/09/the-carnegie-report-a-study-on-ma-russia-eurasia-programs-in-the-usa/>, accessed 12.08.2023.

Kuzio T. (2020). Crisis in Russian Studies? Nationalism (Imperialism), Racism and War. *E-International Relations*. No-

vember 17. Available at: <https://www.eir.info/publication/crisis-in-russian-studies-nationalism-imperialism-racism-and-war/>, accessed 07.09.2023.

Lankina T. (2023). Branching out or inwards? The logic of fractals in Russian studies. *Post-Soviet Affairs Review*. Vol. 39, issue 1–2, pp. 70–85.

La Lova L. (2023). Methods in Russian studies: overview of top political science, economics, and area studies journals. *Post-Soviet Affairs Review*. Vol. 39, issue 1–2, pp. 27–37.

Lapteva E.V. (2004). *American Russian Studies: Stereotypes and Myths*. Yekaterinburg: Ural Univ. press; Perm: Perm State Pedagogical Univ., 143 pp. (in Russian).

Libman A. (2023). Credibility revolution and the future of Russian studies. *Post-Soviet Affairs Review*. Vol. 39, issue 1–2, pp. 60–69.

Markwick R.D. (1996). A Discipline in Transition?: From Sovietology to 'Transitology'. *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 12, no. 3, pp. 255–276.

Menkovsky V.I. (2000). *Anglo-American Sovietology: History, Modernity, Academic Resources*. Minsk: Ecoperspective, 160 pp. (in Russian).

Motyl A.J. (1989). Sovietology in One Country or Comparative Nationality Studies? *Slavic Review*. Vol. 48, no. 1, pp. 83–88.

Nekrasov A.A. (2000). *Origins and Evolution of Western Sovietology*. Yaroslavl: Yarosl. state univ. press, 68 pp. (in Russian).

Petrov E.V. (1998). *History of American Russian Studies: Lecture Course*. St. Petersburg: Russian Customs Academy, 214 pp. (in Russian).

Polemics J. (1994). The Postmodernist Critique of Science: Is It Useful? *Journal of the Elisha Mitchell Scientific Society*. Vol. 110, no. 3/4, pp. 113–120.

Postcommunism... (2022). Anderson R.D., Hanson S.E., Roeder Ph.G. (eds.). *Postcommunism and the Theory of Democracy*. Princeton: Princeton University Press, 224 pp.

Raeff M. (1990). *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York – Oxford: Oxford University Press, 239 pp.

Richmond Y. (2005). Cultural Exchange and the Cold War: How the West Won. *The Polish Review*. Vol. 50, no. 3, pp. 355–360.

Rivkin-Fish M., Hartblay C. (2014). When Global LGBTQ Advocacy Became Entangled with New Cold War Sentiment: A Call for Examining Russian Queer Experience. *Brown Journal of World Affairs*. Vol. 21, no. 1, pp. 95–111.

Sakwa R. (1999). Postcommunist Studies: Once Again Through the Looking Glass (Darkly)? *Review of International Studies*. Vol. 25, no. 4, pp. 709–719.

Saradzhyan S., Abdullaev N. (2018). Measuring National Power: Is Vladimir Putin's Russia in Decline? *Russia Matters*. May 4. Available at: <https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/37363205/Measuring%20National%20Power.pdf?sequence=1&isAllowed=y>; accessed 12.08.2023.

Shabasova M.A. (2008). The Main Paradigms of Anglo-American Historiography of Modern Russian History (1991–2000). In: Druzin M.V. (ed.). *Problems of Russian History: Sources, Historiography, Research*. Collection of Scientific Articles. St. Petersburg, Kiev, Minsk: St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; Institute of History of Ukraine NAS of Ukraine; Belarusian state university, 682 pp. (in Russian).

Shaipov A., Shaipova Y. (2023). It's High Time to Decolonize Western Russia Studies. *Foreign Policy*. February 11. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/02/11/russia-studies-war-ukraine-decolonizeimperialism-western-academics-soviet-empire-eurasia-eastern-europeuniversity/>, accessed 14.08.2023.

Shlapentokh V. (1995). American Sovietology from 1917–1991: An Attempt at

Diagnosis. *Russian History*. Vol. 22, no. 4, pp. 406–432.

Soviet Studies... (2016). Kurilla I.I., Zhuravleva V.I. (eds.) *Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 306 pp.

Subtelny O. (1994). American Sovietology's Great Blunder: The marginalization of the nationality issue. *Nationalities Papers*. Vol. 22, no. 1, pp. 141–155.

Travkina N.M., Vasil'ev. V.S. (2021). De-Americanization of the USA: Causes and Consequences. *Perspektivy. Electronic Journal*. No. 2/3. pp. 34–49. Available at: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/17f/2_3_2021_0_34_49.pdf, accessed 05.08.2023 (in Russian).

Tucker R.C. (1967). On the Comparative Study of Communism. *World Politics*. Vol. 19, no. 2, pp. 242–57.

Unger A.L. (1998). On the Meaning of "Sovietology". *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 31, no. 1, pp. 17–27.

Volkov D.V. (2016). The Dynamic of anti-American Sentiment in Post-Soviet Russia and the Main Characteristics of Current anti-Americanism. *The Russian Public Opinion Herald*. No. 3–4, pp. 141–159 (in Russian).

Zeigler C. (2014). How We Blew It in Sochi: The LGBT Community Took a Shot at Anti-Gay Laws in Russia and Missed the Olympic-Sized Target. *QED: A Journal in GLBTQ Worldmaking*. Vol. 1, no. 3, pp. 30–38.

Zenkevich I.V. (2016). Archibald Cary Coolidge: A Promoter of Russian Studies in the United States. *Yazyk i Text*. Vol. 3, no. 3, pp. 78–85 (in Russian).

Zenkevich I.V. (2017). Russian Studies in the USA in the XXI Century: The Russian Language in American Education. *Vestnik TGPU*. Vol. 184, no. 7, pp. 117–123 (in Russian).

Zweynert J. (2019). Shestidesyatniki Economics, the Idea of Convergence, and Perestroika. *History of Political Economy*. Vol. 51, issue S1, pp. 277–299.

Особенности современного экономического развития

УДК 339.924

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Технологическое сотрудничество и равноправие как развитие концепции технологического суверенитета

Андрей Владимирович ПОЛОСИН

доктор политических наук, проректор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 119571

E-mail: polosin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-8803-6259

Дмитрий Юрьевич БАЙДАРОВ

кандидат юридических наук, директор Департамента поддержки новых бизнесов

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»

ул. Большая Ордынка, д. 24, г. Москва, Российская Федерация, 119017

E-mail: d_baydarov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7089-7015

Евгений Михайлович АБАКУМОВ

доктор технических наук, директор по информационным технологиям

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»

ул. Большая Ордынка, д. 24, г. Москва, Российская Федерация, 119071

E-mail: ema81@mail.ru

ORCID: отсутствует

Дмитрий Юрьевич ФАЙКОВ

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Государственный университет управления

Рязанский проспект, д. 99, г. Москва, Российская Федерация, 109542;

ведущий специалист

Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский

научно-исследовательский институт экспериментальной физики

проспект Мира, д. 37, г. Саров, Нижегородская область,

Российская Федерация, 607188

E-mail: cat1611@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3532-1352

ЦИТИРОВАНИЕ: Полосин А.В., Байдаров Д.Ю., Абакумов Е.М., Файков Д.Ю.

Технологическое сотрудничество и равноправие как развитие концепции технологического суверенитета // Контурь глобальных трансформаций:

политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 94–112.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Статья поступила в редакцию 29.10.2023.

Исправленный текст представлен 22.11.2023.

АННОТАЦИЯ. Современные технологии, особенно цифровые, внесли серьезные изменения в сложившийся миропорядок. Использование технологий как инструмента экономического и политического влияния крупнейшими транснациональными корпорациями и государствами их происхождения повлияло на рост популярности концепции технологического суверенитета. Однако при всей заманчивости этой концепции она ограничивается ресурсами государства. В связи с этим логичен вопрос: а что дальше? Авторская позиция основана на том, что технологический суверенитет государств будет постепенно трансформироваться в концепцию технологического сотрудничества, основанного на принципах технологического равноправия государств, рассматриваемого как равенство с точки зрения владения технологиями. Для подтверждения гипотезы предложена теоретическая модель совместного обладания государствами правами на объекты интеллектуальной собственности. Анализ модели с точки зрения российского права нормативов Евросоюза (ЕС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) показывает ее принципиальную реализуемость. Модель, как инструмент концепции равноправия и сотрудничества, не выявляет серьезных противоречий с существующими институтами, однако введение государств в состав основных обладателей прав на технологии меняет ее качество. Она становится не только механизмом защиты прав собственности, но и политико-экономическим механизмом, механизмом межгосударственных отношений. Модель совместного обладания государствами правами на объекты интеллектуальной собственности демонстрирует

возможности формирования коллективного технологического суверенитета дружественными государствами, снижение технологической зависимости от крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) и государств их происхождения и может быть рассмотрена как принцип международного технологического сотрудничества для новой экономической модели России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллективный технологический суверенитет, цифровой суверенитет, новая модель российской экономики, совместное правообладание, интеллектуальная собственность.

Введение

Идея технологического суверенитета сегодня прочно вошла в российскую практику, получив правовое подтверждение¹. Возвращение интереса во многих странах к самому понятию суверенитет (и его производным – экономическому, технологическому, цифровому суверенитету) как к базовому понятию государственности связано с глубокими сдвигами в сложившемся миропорядке, которые обусловлены не только политическими действиями, но и изменениями в технологиях, переходом общества в новый технологический уклад [Бодрунов, 2022]. Парадокс заключается в том, что попытки достижения государствами технологического суверенитета всё явственнее показывают, что абсолютный технологический суверенитет, понимаемый как независимость от других государств в технологической сфере, на длительный период времени невозможен. Никакому государству не хватит для этого ресурсов [Лексин, 2021, с. 157–158] – техниче-

1 Концепция технологического развития на период до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р.

ский прогресс постоянно увеличивает количество требуемых обществу технологий и глубину необходимых для их производства знаний.

По сути, технологический суверенитет – это некая форма ограничений. Для России, большой и обладающей качественными ресурсами страны, технологический суверенитет дает положительный эффект на определенном этапе (и это подтверждалось уже не раз в истории): возрождение промышленности, в том числе высокотехнологичной², выход из сырьевой зависимости, обеспечение безопасности, – но в долгосрочном периоде становится ее врагом, поскольку замедление или отсутствие развития (к чему, безусловно, приводят ограничения, всегда имеющие предпосылки перейти в изоляцию или самоизоляцию) есть «величайшая незащищенность»³.

Поэтому уже сегодня необходимо смотреть дальше – на этап после достижения техсуверенитета (или, скорее, частичного техсуверенитета, обеспечивающего безопасность в критических сферах).

В этом контексте авторы выдвигают гипотезу, что технологический суверенитет должен постепенно трансформироваться в концепцию технологического сотрудничества, основанного на принципах технологического равноправия государств. Одним из механизмов равноправного сотрудничества может стать совместное владение технологиями и использование их разными государствами. В узком значении этот механизм может рассматриваться как особый правовой режим использования и защиты интеллектуальной

собственности, применяемый разными государствами, в широком – как способ выйти за ограничения, накладываемые концепцией технологического суверенитета отдельного государства. В перспективе можно говорить не просто о совместном технологическом развитии и равноправии, но и о концепции коллективного технологического суверенитета. Авторы ставят целью предложить теоретическую модель совместного обладания несколькими государствами правами на технологии как инструмент концепции равноправия и сотрудничества, подтверждающий ее реализуемость.

Общая оценка состояния исследований

Постановка основного вопроса – а что дальше? – является продолжением исследований в области формирования новой экономической модели российской экономики [Байдаров, Полосин, Файков, 2023]. Такая модель не может быть оторвана от протекающих в мире процессов, которые указывают как на нарастающий кризис либеральной идеи [Гаджиев, 2017], так и на фактическое расширение государственного участия в экономике не только Китая или России, но и стран Запада [Балацкий, Екимов, 2020].

С одной стороны, налицо попытки западных государств максимально препятствовать распространению иных, нежели либерализм, идеологий. Для этого используются совсем не похожие на либеральные и демократические по своей сути процедуры – от принятия на себя правомочий признания или непризна-

2 В Евросоюзе тема технологического суверенитета поднимается активно с 2010-х годов в связи с пониманием необходимости развивать собственную высокотехнологическую промышленность, попавшую в зависимость от американской (см., например, [Couture, Toupin, 2019; European Technological Sovereignty..., 2021]).

3 Например, в Стратегии национальной кибербезопасности Китая прямо записано, что «развитие – это основа безопасности, а неразвитие – это величайшая незащищенность». См.: National Cyberspace Security Strategy. – URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/12/27/national-cyberspace-security-strategy/> (дата обращения: 23.10.2023).

ния ограниченной группой лиц рыночности экономик третьих государств (фактически установление для других правил – что считать рынком, конкуренцией и т.п.) до отбора собственности (несмотря на императив частной собственности в либеральной доктрине) у суверенных государств, юридических и физических лиц в связи с их «недемократическими» (по мнению санкционеров) действиями. Идеологический оттенок присутствует даже в применяемых США и их союзниками определениях технологического развития стран – «технодемократии» и «техноавтократии», которые различаются тем, что «...в демократических странах <...> поддержание или укрепление цифрового суверенитета является эффективным средством сохранения либеральных ценностей и идей порядка. <...> Напротив, концепция суверенитета в авторитарных государствах служит для <...> подавления потенциально демократизирующих эффектов цифровой сферы» [Robles-Carrillo, 2023].

Неудивительно, что страны, которые ориентированы на собственное, в том числе технологическое, развитие, оказываются не в русле «либерально-демократической» идеологии «гегемонов»⁴ и формируют собственную идеологию. Такое идеологическое противостояние идет во многом через политические механизмы, которые воздействуют на условия экономической деятельности: конкуренцию, доступ к рынкам, ресурсам и т.д. [Полтерович, 2017].

С другой стороны, усиление государственного участия в экономике происходит в связи с переходом на новый технологический уклад [Глазьев, 2022]. Новые вызовы⁵ требуют всё большего

количества общественных благ, соответствующих современному технологическому уровню. Только государство может консолидировать для их производства усилия различных групп общества. То есть в более широком смысле в новой экономической модели необходимо говорить о взаимодействии и балансе интересов государства и общества в целях устойчивого развития [Байдаров, Полосин, Файков, 2023].

В условиях кризиса глобальной экономики, выстроенной на идеях либерализма, необходим новый объединяющий принцип, которым могут стать равноправие и доверие государств как в политической, так и в экономической, технологической и иных сферах [Категория..., 2021]. Формирование доверия в экономической и технологической сферах будет катализатором доверия и в политической сфере. Вероятно, поэтому институт доверия в международной практике всё чаще становится объектом исследования не только в философии и социологии, но и в экономике и праве [Юдина, Лемещенко, Купчишина, 2022; Химченко, 2022]. Формирование инструментов такого сотрудничества также требует серьезного научного обоснования.

Методологические аспекты. Для проверки выдвигаемой гипотезы авторы вводят понятие «технологическое равноправие», под которым понимают возможность государств совместно и равноправно владеть объектами интеллектуальной (промышленной) собственности, использовать ее для равноправного технологического развития с учетом интересов авторов (изобретателей) этой собственности. Речь, безусловно, идет о дружественных государ-

4 По определению Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 22.10.2023).

5 Например, большие вызовы, указанные в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642.

ствах, готовых выстраивать отношения на основе доверия и уважения интересов друг друга.

Подчеркнем, что только к правообладанию вопрос технологического суверенитета, как и равноправия, не сводится. С нашей точки зрения, технологический суверенитет – это такое состояние государства, при котором оно имеет возможность и способность независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии [Файков, Байдаров, 2023]. Такой подход соответствует и мнению зарубежных исследователей, которые формулируют целый спектр условий суверенитета, в числе которых агрессивное усвоение опережающей научно-технической информации, ускоренная подготовка местных кадров, импорт специалистов, «горизонтальное сотрудничество», мобильность и т.д. [Sharif, 1989].

Модель совместного правообладания: подходы, описание, обсуждение

Оценка влияния современных технологий на политику государств рассматривается на примере рынка цифровых технологий. Выбор обусловлен тем, что цифровые технологии используются сегодня практически повсеместно, формируют собственные рынки и сферы деятельности: Интернет, цифровые платформы, социальные сети, программное обеспечение, кибербезопасность и пр. Рынок цифровых технологий глобален, он влияет не только на экономические, но и на политические, социальные, культурные и иные отношения. На этом примере

анализируются условия сотрудничества, обеспечивающего равноправие государств в области технологий, задаются требования к модели технологического сотрудничества и равноправия. Следующим шагом является построение теоретической модели, исходя из выведенных требований и существующих правовых инструментов, оцениваются не только ее положительные эффекты, но и возможные риски. Проводится сравнение с уже существующими режимами использования и защиты интеллектуальной собственности в объединениях государств на примере ЕС и ЕАЭС. Модель оценивается с точки зрения действующего российского права.

Рынок цифровых технологий. Основными составляющими рынка цифровых технологий чаще всего называют данные, электронные компоненты, вычислительные технологии, программное обеспечение (платформы), сети, контент и его регулирование, технологии будущего (искусственный интеллект, сети 5G и 6G, квантовые и фотонные вычисления), кибербезопасность, регулирование цифровых рынков (цифровые стандарты).

Глобальность рынка. Трансграничная природа цифровых технологий [Химченко, 2022] и особенно развитие Интернета сделали рынок этих технологий глобальным: на этом рынке отсутствуют границы государств, что приводит к невозможности контроля и регулирования деятельности исключительно на национальной территории [Цифровой суверенитет..., 2021]. Основными игроками рынка являются крупнейшие ТНК американского происхождения: Google, Amazon, Apple, Microsoft, Meta⁶ [Couture, Toupin, 2019]. Противоречие между этими характеристиками рынка и сущностью государственного сувере-

6 Деятельность компания Meta признана экстремистской и запрещена в России.

итета приводит к тому, что некоторые государства стремятся внедрять территориальный подход к использованию информационной инфраструктуры (например, Россия и Китай [Robles-Carrillo, 2023]), в противоположность США и ЕС, которые проповедуют экстерриториальный подход [Schüller, Schüler-Zhou, 2020; European Technological Sovereignty..., 2021]. Однако даже в ЕС глобальность информационного рынка вызывает тревогу: европейцы стремятся ограничить доступ к своим данным со стороны компаний США (которые в настоящее время хранят на своих платформах до 92% европейских данных), вводят государственный контроль цифровых рынков [Кучинская, 2022].

Иерархия государств на рынке цифровых технологий. Сегодня в цифровой сфере отмечается своего рода иерархия государств, основанная на их доле на мировых рынках и владении основными технологиями. Высший уровень иерархии – США и Китай: американские и китайские корпорации практически полностью контролируют первичный (микроэлектроника, технологии 5G и пр.) и вторичный (Интернет, платформы, технологии искусственного интеллекта и пр.) уровни цифровой инфраструктуры [Дементьев, 2022]. При этом идет жесткая конкурентная борьба между компаниями этих стран, переходящая и на государственный уровень [Schüller, Schüler-Zhou, 2020].

Ко второму уровню в «цифровой иерархии» обычно относят Японию, Корею, ведущие страны Европы, Израиль, Россию [Дементьев, 2022; Столетов, 2022] – государства, которые имеют собственные цифровые техно-

логии и разработки, но не занимающие ведущих мест на мировых рынках. Евросоюз, в технологическом плане значительно отставая от лидеров, в силу традиционно сильного института формирования регуляторных механизмов, старается занять на мировом цифровом рынке нишу создателя стандартов⁷.

Остальные страны являются в основном потребителями и пользователями цифровых технологий, производимых государствами первых двух групп. Безусловно, в этой группе есть государства с достаточно высоким уровнем развития собственных цифровых технологий, например Индия, однако доля на мировых цифровых рынках компаний из этих государств крайне незначительна.

Понимая опасность полной зависимости от одного из поставщиков (наглядно подтвержденную всему миру, например, политизированным уходом американских компаний с российского рынка), государства по возможности стремятся не использовать технологии только одного из лидеров, обращаясь в ряде случаев и к технологиям государств второй группы [Столетов, 2022].

Политизированность цифровых рынков. Модели поведения государств на цифровых рынках выстраиваются не только в зависимости от наличия или отсутствия национальных технологий, но и в русле отмеченной выше идеологизации технологического противостояния. В связи с этим отмечаются вероятные перспективы «цифровой регионализации» – фрагментации мира на техноэкономические блоки, к первым из которых уже сейчас относят США с союзниками и Китай⁸.

7 European technological sovereignty/Chrétien J. et al. // Think Tank Renaissance Numérique. – 2022. – URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03574500/document> (дата обращения: 10.10.2023).

8 Международная конкуренция и лидерство в цифровой среде/Безруков А.О., Мамонов М.В., Сучков М.А., Сушенцов А.А. // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». – 2021. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36581/> (дата обращения: 22.09.2023).

Высокую напряженность их противостояния можно проиллюстрировать многими примерами: предложением возродить Координационный комитет по экспортному контролю (КОКОМ) – организацию, которая блокировала поставку высокотехнологичной продукции в СССР и другие социалистические страны во времена холодной войны, для того чтобы сегодня ограничить доступ к передовым технологиям китайским компаниям [Кучинская, 2022]; идеей международного партнерства «технодемократий», противостоящих «техноавтократиям», изложенной в Цифровой стратегии Агентства США по международному развитию⁹, и пр. Попытку сформировать свой техноэкономический блок отмечают и в политике Евросоюза, где всё чаще обсуждается доктрина «открытой стратегической автономии» [Невская, Квашинин, 2022].

В этих условиях и другие страны второй и третьей групп, скорее всего, будут стремиться к минимизации зависимости от какой-то одной страны, что, в связи с их более скромными по сравнению с лидерами возможностями, может воплощаться в создании объединений и блоков [Столетов, 2022].

Это относится и к России. Сегодня, в силу обстоятельств, уже определены «дружественные» и «недружественные» страны¹⁰, складываются формализованные критерии такого деления, что может стать базой для создания блоков, в рамках которых возможно формирование коллективного цифрового и, шире, технологического суверенитета.

Рынок с неполной информацией. Рынок цифровых решений, как и в целом

рынок современных технологий, является рынком с асимметричной информацией: покупатели далеко не всегда знают и понимают различия между товарами различных производителей, а часто и между самими товарами и технологиями, положенными в их основу. Быстрая смена технологий не дает покупателям достаточно времени на понимание преимуществ и недостатков новых технологий и тем более различий между товарами и технологиями конкурентов. Массированное и быстрое внедрение новых продуктов и технологий лидерами рынка часто не оставляет потребителям времени для сравнений, а внедрение стандартов конкретных производителей заставляет покупателей и в дальнейшем использовать их продукцию. В этом проявляется сетевой характер многих цифровых благ, особенностью которого является рост полезности для отдельного потребителя с увеличением общего числа потребителей. На рынке сетевых благ лидер предложения способен занять доминирующую долю, что позволяет ему утвердить свои стандарты в качестве общих для соответствующего рынка [Дементьев, 2022]. Правовые системы не успевают за изменениями технологического ландшафта, часто оказываясь не способными решить спорные ситуации на современных рынках [Шугуров, 2019]. А если регулированием занимается не государство, то это делают транснациональные корпорации – лидеры рынка, имеющие совсем другие интересы, в том числе интересы государств своего базового происхождения, что предполагает и серьезные политические риски.

9 Digital Strategy 2020–2024 // U.S. Agency for International Development (USAID). – URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/2022-05/USAID_Digital_Strategy.pdf (дата обращения: 18.10.2023).

10 Список недружественных стран утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц», «дружественных» (по смыслу документа и отсутствию других) – распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2023 г. № 2530-р.

Рассмотренные характеристики подтверждают необходимость пристального государственного внимания к современным технологическим, в том числе цифровым рынкам.

Принципы, на которых должна быть основана модель технологического сотрудничества и равноправия.

Сформулируем основные принципы модели технологического равноправия, исходя из современных вызовов и анализа технологических рынков.

1. Безопасность через развитие. Развитие – основа и суверенитета, и безопасности. Необходимо развитие национальных ресурсов: кадровых, научных, технологических и пр. – как внутри страны, так и во взаимодействии с другими государствами. Это ключевой принцип модели, поскольку интерес к ее воплощению и использованию порождается ставкой на национальное развитие.

2. Взаимодействие. Любому государству, даже лидеру, в одиночку очень сложно отстаивать свой технологический суверенитет, не хватит ресурсов: политических, материальных, научно-технических и пр. Поэтому необходимы различные формы взаимодействия с другими государствами, основанные на близких, понимаемых всеми целях, доверии, равноправии.

3. Выгода для всех. Модель должна предоставлять выгоду от сотрудничества для государства, бизнеса, разработчиков технологий, их пользователей и пр. Это должно касаться всех государств, участвующих в сотрудничестве, хотя могут быть и исключения, поскольку может возникать конкуренция между производителями как внутри государства, так и между производителями из разных государств. С точки зрения используемой технологии такая конкуренция может ускорить ее развитие.

4. Ведущая роль государства. Государство является гарантом защиты ав-

торов, оно минимизирует оппортунистическое поведение государств-партнеров. Участие государства возможно как в виде сособственника объектов интеллектуальной собственности и необходимо как регулятора правоотношений.

5. Защита интеллектуальной собственности. Это необходимый элемент обеспечения экономической и технологической безопасности, несмотря на существующую критику этого механизма как «неизбежное зло, которое сохраняет привилегии технологически более развитых стран мира» [Sharif, 1999]. Поэтому надо сделать интеллектуальную собственность сильной стороной модели технологического сотрудничества. Государство должно обеспечивать не только судебную и внесудебную защиту собственности, но и создавать условия для становления «национальных лидеров» – крупных компаний, которые могут занять ведущие позиции на мировых рынках [Байдаров, Файков, 2023]. Их деятельность является дополнительным гарантом защиты интеллектуальной собственности (прежде всего своей, но опосредованно и других национальных изобретателей и производителей).

6. Долгосрочность сотрудничества. Она обеспечивает предсказуемость, возможность планирования, реализацию совместных проектов, минимизацию оппортунистического поведения участников. Современный принцип «гибких партнерств» [Столетов, 2022] показывает, что в условиях турбулентности мировой политики и экономики долгосрочные партнерства не всегда возможны (государства опасаются зависимости от потенциальной непредсказуемости партнеров), однако и такие партнерства возможны для реализации модели технологического равноправия.

7. Возможность расширения партнерств, привлечение новых участников.

Позволяет расширять рынки, усиливать позиции каждого из государств-участников по отношению к третьим странам. Расширение партнерств – это показатель их признания, в том числе долгосрочности намерений.

8. Возможность выхода из партнерства с правом на самостоятельное развитие всех доступных на момент выхода технологий.

Модель и пояснения. Модель, учитывающая вышеприведенные принципы, подразумевает совместное обладание несколькими дружественными государствами, входящими во вторую и третью группы, правами (патентами) на технологии (рисунок 1).

Первые владельцы результатов интеллектуальной деятельности (РИД) – авторы изобретения (физические или юридические лица) и государство, резидентами которого они являются (G_1). Государство может быть собственником РИД в случае выполнения работ за счет бюджетных средств или включено в качестве со-собственника по решению авторов.

Государство приглашает в состав собственников другие государства ($G_2 \dots G_n$), отношения с которыми строятся на принципах равноправия, доверия, близости взглядов. Такое вступление в собственность может оговариваться в международных договорах или документах в рамках международных организаций. Цель – совместное владение технологиями для развития каждого из государств. Модель может реализовываться в рамках международной организации, в целях которой есть развитие в технологической сфере, включая защиту интеллектуальных прав.

Каждый из собственников-государств имеет право заключать неисключительные лицензионные соглашения со своими национальными предприятиями (Π_{ij} , где i – название государства, j – название предприятия). Финансовые условия лицензии уста-

навливает каждое государство самостоятельно, в том числе это могут быть нулевые платежи государству с целью снижения затрат для предприятия. Основное финансовое условие – лицензионные платежи авторам патента.

Интересы государств-участников:

- государство и его компании получают доступ к современным технологиям, а это именно то, чего не хватает развивающимся странам [Sharif, 1999];

- создается и используется единая технологическая база у нескольких государств, что обеспечивает расширение рынка каждой технологии и связанных с ней стандартов, усиливает конкурентные позиции тех, кто ее использует на этом рынке, привлекает пользователей из третьих стран;

- минимизируется зависимость от технологий недружественных или потенциально недружественных стран, укрепляются безопасность и конкурентные позиции участников;

- участие каждого из государств в распространении технологии в своей стране (среди своих компаний) будет действеннее, чем распространение технологии отдельной компанией (владельцем), тем более зарубежной (в такой дилемме и административный ресурс, и доверие к «своим» могут сыграть заметную роль в выборе технологий).

Таким образом, и у государств, и у компаний появляется доступ к современным технологиям, снижается зависимость от третьих стран, расширяется охват собственных рынков.

В качестве интереса авторов можно отметить следующие моменты:

- каждая лицензия предполагает лицензионные платежи в пользу авторов;

- для развития правового режима может быть предусмотрена оплата всех административных платежей (за патентование, поддержку патента и пр.) за счет «своего» государства;

- широта распространения патента.

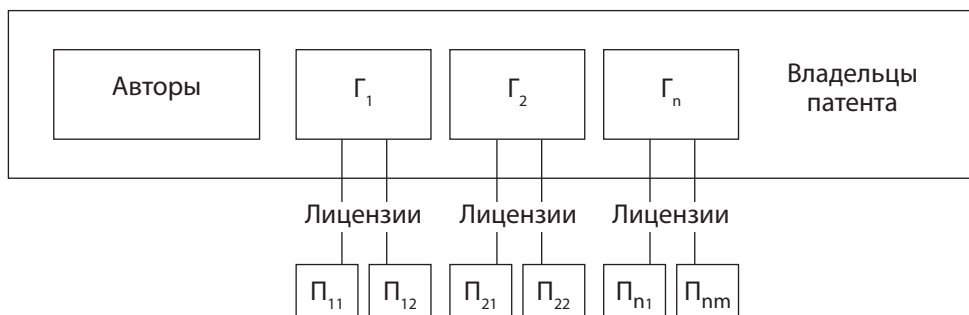

Рисунок 1. Модель совместного обладания правами на интеллектуальную собственность

Figure 1. The model of joint ownership of intellectual property rights

Источник: составлено авторами.

Риски модели. Страны могут переходить из «дружественных» в «недружественные». Как показывает практика, иногда достаточно быстро.

Более развитым странам-партнерам могут быть интереснее свои технологии, у них своя политика, потенциально можно предположить нарушение ими договоренностей в свою пользу.

Менее развитые в технологическом плане страны-партнеры могут переориентироваться на других сильных партнеров и нарушать соглашения.

Частично эти риски можно минимизировать, предусмотрев ряд условий передачи прав на РИД другим странам и механизмов взаимодействия путем закрепления их в международных договорах (или документах в рамках международной организации), в частности:

- обязанность отдавать предпочтение таким технологиям перед технологиями из третьих стран при прочих равных условиях;
- возможность выдавать лицензии только национальным компаниям;
- обязанность совместно нести расходы, в том числе по продлению патентов или по патентованию в третьих странах;
- обязательные лицензионные платежи авторам;

- организация защиты прав авторов и государств-владельцев;

- наличие механизма выхода из состава собственников (добровольного) или выведения из состава собственников (принудительного при каких-то нарушениях);

- возможности авторов и государств распоряжаться своей интеллектуальной собственностью, в том числе путем ее продажи, дарения, передачи и пр.

Особый вид патента. Модель предлагает особый вид патентов, который должен быть предусмотрен законодательством каждого из государств или установлен международным договором в связи с тем, что он налагает некоторые ограничения и обязанности на государства. Автор при патентовании своего изобретения может выбрать такой вид патента, а может не выбирать.

Принципиальная значимость модели. Для построения новой архитектуры взаимодействия государств в области технологического (прежде всего цифрового) развития, основанного на доверии и равноправии, необходимы новые институты [Категория..., 2021]. Предлагаемая теоретическая модель может дать импульс разработке конкретных инструментов и право-

вых режимов для организации такого сотрудничества. Она может использоваться как в рамках традиционных международных организаций и объединений, так и в рамках «гибких» международных партнерств. Модель дает возможность участвующим государствам снизить зависимость от крупнейших ТНК и, соответственно, государств их происхождения путем набора необходимых для коллективного технологического суверенитета технологий и компетенций.

Предлагаемая модель не заменяет существующие инструменты технологического сотрудничества и трансфера технологий (лицензии, совместные предприятия и пр.), а дополняет их.

Использование модели для укрепления положения на мировых технологических рынках. Резидентами стран «коллективного Запада»¹¹ в 2022 г. получено 55% всех выданных в мире патентов, китайскими заявителями – 41%, «дружественных» России стран (за исключением Китая) – 2,1%, резидентами Российской Федерации – 1,1%¹². Необходимость увеличивать свое присутствие в технологической сфере налицо.

Устойчивое доминирование крупнейших держав на рынке технологий (в том числе в цифровой сфере) подсказывает для российских производителей возможности нишевой стратегии при выходе на внешние рынки. Например, в цифровых технологиях для российских компаний это могут быть сфера информатизации научных ис-

следований, сфера кибербезопасности, которая активно развивается и всегда остается востребованной¹³, сфера цифровых двойников [Дементьев, 2022], в которой отмечаются успехи российских разработчиков¹⁴, и т.д. Среди других технологий анализ патентной активности российских заявителей показывает большую успешность в таких областях, как пищевая химия, микро-структурные и нанотехнологии, двигатели, насосы, турбины, биологические материалы, металлургия¹⁵.

Для внедрения нишевых решений на территориях стран, не входящих в группу лидеров, предлагаемая модель выглядит вполне приемлемой. Во-первых, на нишевых рынках конкуренция чаще не такая жесткая, государствам проще поддерживать производителей своих и из «дружественных» стран. Во-вторых, эффективное сотрудничество в отдельных сферах может оказать влияние и на расширение сотрудничества в других областях, что неоднократно проявлялось в международной практике (например, при строительстве крупных объектов (АЭС, ГЭС), продаже оружия¹⁶ и пр.).

Сравнение с существующими моделями на примере ЕС и ЕАЭС. Предлагаемая модель подразумевает использование регистрируемых РИД (патентов) на территории нескольких государств, как минимум входящих в состав правообладателей. Думается, что при разработке процессов регистрации таких патентов стоит воспользоваться опы-

11 Страны ЕС, США, Япония, Республика Корея, Канада, Австралия, Израиль.

12 WIPO IP Statistics Data Center. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 20.11.2023).

13 Kaspersky прогнозирует возвращение западных клиентов // РИА Новости. – 2023. – 18 сентября. – URL: <https://ria.ru/20230918/kaspersky-1896887966.html?ysclid=lnayzkhn5805196718> (дата обращения: 14.10.2023).

14 САЕ-система «Логос»: новые возможности для промышленных предприятий и ИТ-компаний // САПР и графика. – URL: <https://sapr.ru/news/20211227-logos?ysclid=lo3v32z7u2284555783> (дата обращения: 15.10.2023).

15 WIPO IP Statistics Data Center. – URL: <https://www3.wipo.int/ipstats/ips-search/patent> (дата обращения: 20.11.2023).

16 Как пример нового технологического сотрудничества см.: Французская пресса: В целях сохранения экспорта российской оборонка переходит к передаче технологий // Военное обозрение. – 2023. – 25 октября. – URL: <https://topwar.ru/228832-francuzskaja-pressa-v-celjah-sohraneniya-jeksporta-rossijskaja-oboronka-perehodit-k-pere-dache-tehnologij.html?ysclid=lp6oa4v35l62615229> (дата обращения: 20.11.2023).

том уже существующих международных режимов работы с интеллектуальной собственностью, созданных на базе объединений государств – ЕС и ЕАЭС, правовые режимы которых в части работы с интеллектуальной промышленной собственностью имеют ряд схожих принципов:

- единые правила этих режимов утверждаются межгосударственными конвенциями: Европейской патентной конвенцией и Евразийской патентной конвенцией (ЕАПК), на основе которых созданы международные организации – соответственно Европейская патентная организация и Евразийская патентная организация¹⁷; эти организации ведут непосредственную деятельность по работе с заявителями, организации экспертиз, выдаче патентов и пр.;
- подавая одно заявление, заявитель получает патент, действующий на территории всех стран-участниц¹⁸;
- возможно одновременное наличие и национального, и «общего» – европейского или евразийского патента соответственно;
- патентное право государств – участников конвенций в достаточной степени гармонизировано.

В рамках ЕАПК споры, касающиеся евразийского патента, разбирают национальные суды. В ЕС с переходом к единому европейскому патенту происходит переход к единой судебной инстанции – Единому патентному суду ЕС, решения которого будут признаваться всеми странами, где действует единый европейский патент.

Что касается вопросов совместного правообладания, то в ЕС эти отношения регламентируются на уровне каждого государства [Заплатина, 2020], в которых чаще используется его регулирование в договорных нормах между субъектами¹⁹ [Крупко, 2018]. В нормативных документах ЕАПК есть понятие совместного правообладания, а также некоторые способы его использования – возможности правопреемства и передачи²⁰.

На основании опыта регулирования патентной деятельности в ЕС и ЕАЭС можно отметить, что использование механизма патентования, предложенного в модели, упрощается для владельцев РИД при наличии эффективно работающих институтов: гармонизированных национальных режимов в области регистрации, использования и защиты РИД; базовой международной конвенции; международной организации; унифицированных правил защиты прав и пр.

С другой стороны, модель принципиально может использоваться и без этих институтов путем регистрации патента в каждой участвующей в патенте стране на основе национального права (при условии отсутствия дискриминирующих возможностей в отношении резидентства заявителей в таком праве). В этом случае изобретение будет защищено патентом в странах, имеющих интерес к технологическому равноправию: в них изобретение может быть законно использовано для национальных производителей.

17 В эти организации входит больше государств, чем в ЕС и ЕАЭС: в Европейскую патентную организацию входят 39 государств, включая 27 стран ЕС, в Евразийскую патентную организацию входят 8 государств, включая 5 стран ЕАЭС.

18 В ЕС пока действует на территории 17 государств, ратифицировавших Соглашение о Едином патентном суде. – URL: <https://www.unified-patent-court.org/> (дата обращения: 14.10.2023).

19 На ПМЮФ обсудили совместное осуществление исключительного права // Адвокатская газета. – 2019. – 16 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/na-pmyuf-obsudili-sovmestnoe-osushchestvlenie-isklyuchitelnogo-prava/> (дата обращения: 11.10.2023).

20 Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции (абзац 2 правила 12, подпункт 4 правила 13) // Евразийское патентное ведомство. – URL: <https://www.eapo.org/wp-content/uploads/2023/03/instr202211-p1.pdf> (дата обращения: 14.10.2023).

Возможности применения модели в России. Российское право, как и право многих государств, разрешает совместное обладание исключительным правом на изобретение, охраняемое патентом²¹. Определенность и однозначность правового режима совместного правообладания необходимы для эффективного использования РИД в экономической деятельности, поскольку многие из них, в том числе в цифровых технологиях, создаются коллективами авторов.

Несмотря на определенные шаги в регулировании совместного правообладания, в целом эти отношения в Российской Федерации сегодня характеризуются учеными и практиками как имеющие много пробелов²². Основным способом регулирования взаимоотношений между собственниками патента российское законодательство определяет соглашение между ними, чего явно недостаточно для формирования стабильного, развитого рынка интеллектуальной собственности [Златина, 2020; Крупко, 2018].

Заключение

Подтвердилась ли выдвинутая гипотеза? Скорее, да. С теоретической точки зрения технологический суверенитет государств, не являющихся «гегемонами» на технологических рынках, постепенно будет трансформироваться в коллективный, основанный на технологическом равноправии и сотрудничестве. При этом сначала какое-то из сотрудничающих государств должно стать локальным технологическим лидером и инициатором для формирования вокруг себя партнерств. В прак-

тическом плане предложена модель технологического сотрудничества, основанная на совместном владении интеллектуальной собственностью.

Модель раскрывает возможность снижения технологической зависимости государств от лидеров рынка и позволяет предложить пути перехода на неполитизированные экономические отношения. Отмечены риски модели и возможные пути их минимизации. Показано, что многие институциональные элементы модели уже существуют как в российском праве, так и в нормах международных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС. Модель (даже в ее теоретическом виде) дает импульс для развития российского права интеллектуальной собственности, в частности института совместного правообладания. Для реализации модели в международном сообществе нужен лидер, и на эту роль может вполне претендовать Российская Федерация.

Авторы подчеркивают, что статья носит в большей степени теоретический характер и предполагает дальнейшие обсуждения, в том числе вопросов совместного правообладания, технологического суверенитета, равноправия и лидерства, создания новой модели российской экономики.

Список литературы

Байдаров Д.Ю., Полосин А.В., Файков Д.Ю. Формирование новой модели отечественной экономики в контексте технологического суверенитета: принципы и механизмы // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 669–688. – DOI: 10.18334/vinec.13.2.117949.

21 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 4. Статьи 1229, 1348.

22 Минобрнауки предложило закрепить в ГК понятие доли в исключительном праве // Адвокатская газета. – 2019. – 24 мая. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/minobrnauki-predlozhilo-zakreplit-v-gk-ponyatie-doli-v-isklyuchitelnom-prave/> (дата обращения: 10.10.2023).

Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Развитие механизмов обеспечения технологического суверенитета государственными корпорациями // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 4. – С. 1335–1358. – DOI: 10.18334/ecssec.6.4.119293.

Балацкий Е.В., Екимов Н.А. Альтернативная модель управления инновациями и высокотехнологическим сектором экономики России // Управление. – 2020. – Т. 11, № 5. – С. 2–16. – DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-5-1.

Бодрунов С.Д. Новое промышленное будущее для глобального мира // Экономическое возрождение России. – 2022. – № 2. – С. 5–23. – DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-5-23.

Гаджиев К.С. Кризис или закат либерализма? // Власть. – 2017. – № 3. – С. 7–17.

Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 93–115. – DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

Дементьев В.Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 4. – С. 6–17. – DOI: 10.47711/0868-6351-193-6-17.

Заплата Т.С. Проблемы распределения результатов интеллектуальной деятельности в рамках проектов класса «мегасайенс» // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9. – С. 164–173. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.164-173.

Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике / Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 47–67. – DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.6.

Крупко С.И. Правовой режим совместного обладания исключительным правом на изобретение: актуальные

проблемы в свете применения части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 12. – С. 31–43. – DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10124.

Кучинская М.Е. Проблемы цифрового суверенитета ЕС в контексте реализации концепции европейской стратегической автономии // Проблемы национальной стратегии. – 2022. – № 4. – С. 151–181. – DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_151.

Лексин В.Н. Искусственный интеллект в экономике, политике, частной жизни: опыт системной диагностики. – Москва : ЛЕНАРД, 2021. – 336 с.

Невская А.А., Квашнин Ю.Д. Концепция открытой стратегической автономии ЕС: соединяя несоединимое // Российский экономический журнал. – 2022. – № 6. – С. 64–77. – DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77.

Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // Вопросы теоретической экономики. – 2017. – № 1. – С. 55–65.

Столетов О.В. Стратегии цифрового развития ключевых государств «Глобального Юга» в условиях американо-китайского технологического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 221–237. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.

Файков Д. Ю., Байдаров Д.Ю. На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1. – С. 67–82. – DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82.

Химченко А.И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой сре-

ды доверия // Вестник университета им. О.Г. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4. – С. 83–91. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.083-091.

Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) / Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 206–216. – DOI: 10.17223/1998863X/60/.

Шугуров М.В. Парадигма модернизации авторского права Европейского союза в контексте цифровой экономики // Международное право. – 2019. – № 4. – С. 1–26. – DOI: 10.25136/2644-5514.2019.4.30788.

Юдина Т.Н., Лемещенко П.С., Купчишина Е.В. Особенности новых институтов в цифровой экономике (цифровое доверие, кибер-, информационная и цифровая экономическая безопасность, искусственный интеллект) // Journal of Institutional Studies. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 31–45. – DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.031-045.

Couture S. Toupin S. What does the notion of “sovereignty” mean when referring

to the digital? // New Media & Society. – 2019. – Vol. 21, N 10. – P. 2305–2322. – DOI: 10.1177/1461444819865984.

European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy / Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. // Intereconomics. – 2021. – N 6. – P. 348–354. – DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.

Robles-Carrillo M. Sovereignty vs. Digital Sovereignty // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Vol. 1, N 3. – P. 673–690. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.2.

Schüller M., Schüler-Zhou Y. United States-China Decoupling: Time for European Tech Sovereignty. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies – Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien, Institut für Asien-Studien, 2020. – URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-71026-4> (дата обращения: 21.10.2023).

Sharif N. Technological Leapfrogging: Implications for Developing Countries // Technological Forecasting and Social Change. – 1989. – Vol. 36. – P. 201–208.

Sharif N. Strategic Role of Technological Self-Reliance in Development Management // Technological Forecasting and Social Change. – 1999. – Vol. 62. – P. 219–238.

Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept of Technological Sovereignty

Andrey V. POLOSIN

Dr. Sc. (Political Sciences), Vice-Rector
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Avenue, 82, Moscow, Russian Federation, 119571
E-mail: polosin-av@ranepa.ru
ORCID: 0000-0001-8803-6259

Dmitriy Yu. BAYDAROV

PhD (Law), Director of the New Business Support Department
ROSATOM State Atomic Energy Corporation
Bolshaya Ordynka Street, 24, Moscow, Russian Federation, 119017
E-mail: d_baydarov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7089-7015

Evgeniy M. ABAKUMOV

Dr. Sc. (Technical Sciences), Director of Information Technology
ROSATOM State Atomic Energy Corporation
Bolshaya Ordynka Street, 24, Moscow, Russian Federation, 119017
E-mail: ema81@mail.ru
ORCID: n/a

Dmitriy Yu. FAIKOV

Dr. Sc. (Econ.), Associated Professor, Leading Researcher
The State University of Management
Ryazansky Avenue, 99, Moscow, Russian Federation, 109542;
Leading Specialist
Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental
Physics
Mira Avenue, 37, Sarov, Nizhny Novgorod region, Russian Federation, 607188
E-mail: cat1611@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3532-1352

CITATION: Polosin A.V., Baydarov D.Yu., Abakumov E.M., Faikov D.Yu. (2023).
Technological Cooperation and Equality as the Development of the Concept of
Technological Sovereignty. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*,
vol. 16, no. 5, pp. 94–112 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.06

Received: 29.10.2023.

Revised: 22.11.2023.

ABSTRACT. Modern technologies, especially the digital ones, have made serious changes to the existing world order. The use of technology as an instrument of economic and political influence by the largest transnational corporations and their states of origin has influenced the growing popularity of the concept of technological sovereignty. However, despite the allure of this concept, it is limited by the resources of the state. In this regard, the logical question is – what is next? The author's position is based on the fact that the technological sovereignty of the states will gradually transform into the concept of technological cooperation based on the principles of technological equality of the states, considered as equality in terms of technology ownership. To confirm the hypothesis, a theoretical model of joint ownership of intellectual property objects by the states is proposed. The analysis of the model from the point of view of the Russian law, EU and EAEU regulations shows its fundamental feasibility. The model, as an instrument of the concept of equality and cooperation, does not show serious contradictions with the existing institutions, but the introduction of state technologies into the composition of the main rights holders changes its quality. It becomes not only a mechanism for the protection of property rights, but also a political and economic mechanism, a mechanism of interstate relations. The model shows the possibilities of forming of the collective technological sovereignty by friendly states, reducing technological dependence on the largest TNCs and their states of origin, and can be considered as a principle of international technological cooperation for the new economic model of Russia.

KEYWORDS: collective technological sovereignty, digital sovereignty, new model of the Russian economy, joint ownership, intellectual property.

References

- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2020). Alternative model for managing innovation and high-tech sector of the Russian economy. *The Manager*. Vol. 11, no. 5, pp. 2–16 (in Russian). DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-5-1.
- Baydarov D.Yu., Faykov D.Yu. (2023). Development of mechanisms for ensuring technological sovereignty by state corporations. *Economic Security*. Vol. 6, no. 4 (in Russian). DOI: 10.18334/ecsec.6.4.119293.
- Baydarov D.Yu., Polosin A.V., Faykov D.Yu. (2023). Formation of a new model of the domestic economy in the context of technological sovereignty: principles and mechanisms. *Russian Journal of Innovation Economics*. Vol. 13, no. 2, pp. 669–688 (in Russian). DOI: 10.18334/vinec.13.2.117949.
- Bodrunov S.D. (2022). New industrial future for the global world. *Economic Revival of Russia*. No. 5, pp. 2–16 (in Russian). DOI: 10.37930/1990-9780-2022-2-72-5-23.
- Couture S., Toupin S. (2019). What does the notion of «sovereignty» mean when referring to the digital? *New Media & Society*. Vol. 21, no. 10, pp. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984.
- Dementiev V.E. (2022). Prospects for Russia Under the Digital Domination of China and the United States. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 33, no. 4, pp. 359–366. DOI: 10.1134/S1075700722040037.
- European Technological Sovereignty... (2021). Crespi F. et al. European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics*. No. 6, pp. 348–354. DOI: 10.1007/s10272-021-1013-6.
- Faykov D.Yu., Baydarov D.Yu. (2023). Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions. *Economic Revival of Russia*. No. 1, pp. 67–

82 (in Russian). DOI: 10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82.

Gadziev K.S. (2017). The crisis or a sunset of liberalism? *Vlast'*. No. 3, pp. 7–17 (in Russian).

Glazyev S.Yu. (2022). Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change. *AlterEconomics*. Vol. 19, no. 1, pp. 93–115 (in Russian). DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

Kategoriya... (2021). Rebro O. et al. The notion of «digital sovereignty» in modern world politics. *International Trends*. Vol. 19, no. 4, pp. 47–67 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.6.

Khimchenko A.I. (2022). On the interconnection of issues of ensuring the information sovereignty of the Russian Federation and the formation of a digital environment of trust. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. No. 4, pp. 83–91 (in Russian). DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.083-091.

Krupko S.I. (2018). The legal regime of joint possession of the exclusive right to an invention: actual problems in the light of the application of Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. *Property Relations in the Russian Federation*. No. 12, pp. 31–43 (in Russian). DOI: 10.24411/2072-4098-2018-10124.

Kuchinskaya M.E. (2022). Issues of the EU's Digital Sovereignty in the Context of European Strategic Autonomy Concept Implementation. *National Strategy Issues*. No. 4, pp. 151–181 (in Russian). DOI: 10.52311/2079-3359_2022_4_151.

Leksin V.N. (2021). *Artificial Intelligence in Economics, Politics, Private Life: Experience of System Diagnostics*. Moscow: LENARD, 336 pp. (in Russian).

Nevskaya A.A., Kvashnin Yu.D. (2022). EU's open strategic autonomy concept: Connecting the unconnectable. *Russian Economic Journal*. No. 6, pp. 64–77 (in Russian). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-6-64-77.

Polterovich V.M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. Ideology. *Issues of Economic Theory*. No. 1, pp. 55–65 (in Russian).

Robles-Carrillo M. (2023). Sovereignty vs. Digital Sovereignty. *Journal of Digital Technologies and Law*. Vol. 1, no. 3, pp. 673–690. DOI: 10.21202/jdtl.2023.2.

Schüller M., Schüler-Zhou Y. (2020). *United States-China Decoupling: Time for European Tech Sovereignty*. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies – Leibniz-Institut für Globale und Regionale Studien, Institut für Asien-Studien. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ss0ar-71026-4>, accessed 21.10.2023.

Sharif N. (1989). Technological Leapfrogging: Implications for Developing Countries. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 36, pp. 201–208.

Sharif N. (1999). Strategic Role of Technological Self-Reliance in Development Management. *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 62, pp. 219–238.

Shugurov M.V. (2019). The paradigm of modernization of copyright of the European Union in the context of the digital economy. *International Law*. No. 4, pp. 1–26 (in Russian). DOI: 10.25136/2644-5514.2019.4.30788.

Stoletov O.V. (2022). Strategies for digital development of key states of the Global South in the context of U.S.-Chinese technological rivalry. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 22, no. 2, pp. 221–237 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-221-237.

Tsifrovoy suverenitet... (2021). Nikonov V.A. et al. Digital sovereignty of a modern state: content and structural components (based on expert research). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 60, pp. 206–216 (in Russian). DOI: 10.17223/1998863X/60/.

Yudina T.N., Lemeshchenko P.S., Kupchishina E.V. (2022). Features of new

institutions in the digital economy (digital trust, cyber, information and digital economic security, artificial intelligence). *Journal of Institutional Studies*. Vol. 14, no. 3, pp. 31–45 (in-Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2022.14.3.031-045.

Zaplatina T.S. (2020). Issues of Distribution of Rights to Results of Intellectual Activity Within «Megascience» Projects. *Actual Problems of Russian Law*. Vol. 15, no. 9, pp. 164–173 (in Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.164-173.

УДК 001.3+001.83(470)
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.07

Российская наука под санкционным давлением: новые риски и возможности развития

Мария Анатольевна ПОЛОЖИХИНА

кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: polozhihina2@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3955-2040

Наталья Александровна КОРОВНИКОВА

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономики
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: natalia.kor@list.ru
ORCID: 0000-0003-1136-593X

ЦИТИРОВАНИЕ: Положихина М.А., Коровникова Н.А. Российская наука
под санкционным давлением: новые риски и возможности развития // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2023. Т. 16.
№ 5. С. 113–128.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.07

Статья поступила в редакцию: 02.09.2023.
Исправленный текст представлен: 05.10.2023.

АННОТАЦИЯ. С началом специальной военной операции России на Украине научные организации и российская наука в целом стали объектом санкционного давления со стороны коллективного Запада. При этом состояние отечественной науки к моменту обострения геополитических противоречий сложно считать удовлетворительным. Главные ее проблемы хорошо известны: хроническое недофинансирование, невосребованность результатов со стороны бизнеса, снижение позиций в мировых рейтингах, негативная динамика научных кадров и неравномерность их распределения по регионам. В результате внешних изменений появились новые ри-

ски для научной сферы страны: разрыв международных связей и ограничение поступления новых знаний, современного научного оборудования и необходимых вспомогательных материалов, отток научных кадров за границу. Вынужденный рост спроса со стороны бизнеса и государственных структур на отечественные разработки открывает новые возможности для развития науки в России, но для их использования необходима соответствующая государственная поддержка. Угрозы для научного комплекса страны осознаны на разных уровнях управления, однако представления о необходимых действиях противоречивы, а предпринимаемые усилия не всегда

действенны или эффективны. Это требует выработки оптимальных для российской действительности мер поддержки и стимулирования научной деятельности, реализация которых должна стать приоритетным направлением государственной политики. Очевидна необходимость увеличения финансирования гражданской науки и восстановления ее прикладных направлений, а также усиления кооперации и координации деятельности всех научных структур. Обеспечение обороноспособности и безопасности, достижение технологического суверенитета, поддержание уровня образования и охраны здоровья населения в России невозможны без поступательного развития научной сферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Россия, научные исследования и разработки, санкции, риски научной деятельности, финансирование научной сферы, численность научных кадров, государственное управление наукой.

Состояние отечественной научной сферы до начала специальной военной операции на Украине

Развитие науки в России в конце XX – начале XXI вв. происходило крайне неравномерно и подчас драматично, а результаты проведенных институциональных реформ научного комплекса¹ остаются весьма неоднозначными и противоречивыми. «К нерешенным вопросам советского периода (явно обозначившимся уже в 1980-х годах) добавились проблемы, возникшие в связи с переходом к рыночной эко-

номике в 1990-х и появившиеся в ходе не до конца продуманных реформ 2000-х годов» [Положихина, 2019а, с. 101–102]. В последние годы, благодаря повышению внимания государства к стимулированию научной деятельности, ситуация в отечественной науке несколько стабилизировалась. Однако ее состояние к началу специальной военной операции России на Украине (СВО) в 2022 г. сложно считать удовлетворительным. Главные «болезни» российской науки хорошо известны: хроническое недофинансирование, низкий спрос на результаты исследований и разработок (ИиР) со стороны бизнеса, негативная динамика научных кадров и неравномерность их распределения в региональном разрезе, снижение авторитета на мировом уровне². Приведенные ниже данные наглядно об этом свидетельствуют.

Масштабы финансирования научной сферы. С 2010 по 2021 г. внутренние затраты на ИиР в России из всех источников финансирования выросли всего на 12,5% (в постоянных ценах 2010 г.), достигнув 47,6 млрд долл. (в расчете по паритету покупательной способности). По этому показателю в 2021 г. страна занимала 10-е место в мире, уступая лидерам в данной области: США (720,9 млрд долл.) – в 15 раз, Китаю (583,8 млрд долл.) – в 12 раз, Японии (174,1 млрд долл.) – в 3,6 раза [Российская наука в цифрах, 2023, с. 40]. При этом по отношению к ВВП внутренние затраты на ИиР в России в несколько раз ниже, чем в большинстве высоко- и даже средне-развитых стран мира (41-я позиция по данному показателю).

1 Под научным комплексом в настоящей статье понимается система (то есть организация со своими элементами, структурой и взаимосвязями) по созданию, хранению, распространению и применению научных знаний.

2 Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточности мотивационных мер, обеспечения привлекательности работы ведущих ученых»/Счетная палата Российской Федерации. – Москва, 2020. – 53 с. – URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/Work_materials_discussion/sp.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

Таблица 1. Динамика научных кадров в России с 2010 по 2021 г.**Table 1.** Dynamics of scientific personnel in Russia in the period from 2010 to 2021

Показатель	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2019 г.	2021 г.	Отношение 2021 г. к 2010 г., %
Численность персонала, занятого ИиР, тыс. чел.	736,5	738,8	707,8	682,4	662,7	90,0
Численность исследователей, тыс. чел.	368,9	379,4	359,7	348,2	340,1	92,2
Численность исследователей, занятых в государственном секторе, тыс. чел.	131,7	134,7	130,0	113,5	115,2	87,5
Численность исследователей, занятых в предпринимательском секторе, тыс. чел.	197,7	198,1	186,3	185,3	175,1	88,6

Источник: [Индикаторы..., 2023, с. 150].

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 было поручено обеспечить увеличение внутренних затрат на ИиР к 2015 г. до 1,77% от ВВП, однако это задание не было выполнено. Более того, относительные расходы федерального бюджета на ИиР в России сокращались: если в 2017 г. они составляли 1,1% от ВВП, то в 2021 г. – уже 0,99% [Положихина, 2019а, с. 112; Индикаторы..., 2023, с. 352].

При этом государство остается основным источником финансирования отечественной науки (67,5% от всех внутренних затрат на ИиР в 2021 г. [Индикаторы..., 2023, с. 18]), а ассигнования федерального бюджета на прикладные исследования в разы превышают расходы на фундаментальные работы. Так, в 2021 г. на прикладные исследования приходилось 64,6% от государственных ассигнований на гражданскую науку. В принципе, государство в России занимается не совсем своим делом – финансирует вместо бизнеса прикладные ИиР. В результате на фундаментальные исследования – зону непосредственной ответственности государства – бюджетных средств уже не хватает.

Недостаточные объемы финансирования служат главным тормозом для развития научной деятельности в России. Одновременно специфические требования по использованию выделяемых государством средств усугубляют другую острую проблему отечественного научного комплекса – сокращение его кадрового потенциала.

Изменение численности научных кадров. Россия является единственной среди развитых стран мира, в которой уже не одно десятилетие происходит сокращение численности работников в сфере ИиР [Аллахвердян, 2018, с. 20–23]. В начале 2000-х годов темпы уменьшения численности научных кадров в России снизились, а в некоторые годы наблюдался даже небольшой прирост количества работников в сфере ИиР. Однако после 2015 г. вновь возобладали тенденция сокращения численности занятых научной деятельностью (таблица 1).

В 2021 г. численность персонала, занятого ИиР, составила 90% от уровня 2010 г., сократившись на 73,8 тыс. человек. Наибольшее беспокойство вызывает уменьшение численности ключевой для научной сферы категории пер-

сонала – исследователей. Если в 2018 г. по этому показателю Россия занимала 4-е место в мире (после Китая, США и Японии), то к 2021 г. оказалась уже на 6-м, пропустив вперед Германию и Южную Корею [Положихина, 2019а, с. 123; Индикаторы..., 2023, с. 367–368]. Причем максимальное уменьшение исследователей фиксируется в государственном и предпринимательском научных секторах: соответственно на 12,5 и 11,4% в 2021 г. по сравнению с 2010 г. (см. таблицу 1).

В разные годы постсоветского периода причины, обуславливающие снижение численности научных работников в России, были разными. В настоящее время уменьшение количества научных работников в стране поддерживается как общими неблагоприятными демографическими тенденциями (в том числе сокращением численности экономически активного населения), «так и поколенческими сдвигами в самой научной сфере (отход от научной деятельности достаточно многочисленных кадров старших возрастов и приход в науку менее многочисленных кадров младших возрастов). Кроме того, продолжается отток специалистов из России, причем самых продуктивных возрастов» [Положихина, 2019а, с. 124, 127–128].

В последние годы динамику численности научных работников в стране во многом определяют требования по выполнению Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» – увеличить среднюю заработную плату научным сотрудникам до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе. В услови-

ях, когда объем финансирования научной сферы практически не меняется (и даже уменьшается), увеличение средней заработной платы персонала, занятого ИиР, автоматически приводит к сокращению его численности. Обратную зависимость между темпами роста среднемесячной заработной платы и численностью персонала, занятого ИиР, в России (за исключением периода 2012–2015 гг.) наглядно демонстрирует рисунок 1.

Еще одним негативным следствием частичной реализации управленческих решений (то есть усилий по повышению средней заработной платы научных сотрудников без увеличения масштабов финансирования научной деятельности) является рост территориальной концентрации научных кадров [Положихина, 2019а, с. 126]. Только в 10 субъектах Российской Федерации численность научных сотрудников, занятых в государственных и муниципальных учреждениях науки, образования, здравоохранения и культуры, превышает 1 тыс. человек в абсолютном выражении (гг. Москва и Санкт-Петербург, а также Московская, Ростовская, Свердловская, Иркутская, Новосибирская и Томская области, Республика Татарстан, Приморский край). В то же время в 24 регионах России научная деятельность в государственном секторе практически отсутствует (численность научных сотрудников, занятых в государственных и муниципальных учреждениях науки, образования, здравоохранения и культуры, составляет менее 100 человек в абсолютном выражении)³. Усиление неравномерности распределения научных кадров по территории страны предопределяет сокращение человеческого капитала и науч-

3 Заработная плата отдельных категорий работников социальной сферы и науки. Итоги федерального статистического наблюдения в 2022 г. // Росстат. Официальная статистика. Рынок труда, занятость и заработная плата. – 2023. – 19 апреля. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 21.06.2023).

Рисунок 1. Динамика численности персонала, занятого ИиР, и его среднемесячной заработной платы в 2010–2021 гг.

Figure 1. Dynamics of the number of R&D personnel and their average monthly salary in 2010–2021

Источник: [Индикаторы..., 2023, с. 24, 137; Индикаторы..., 2015, с. 17, 90].

но-технологической базы для развития регионов, в которых научная деятельность сокращается или прекращается.

Следует отметить, что найти материально-финансовые средства на научную деятельность гораздо легче, чем подготовить соответствующие кадры. Поэтому уменьшение кадрового потенциала науки представляет самую большую угрозу для перспектив развития и суверенитета Российской Федерации.

Некоторые результаты научной деятельности. Принятые в 2010-х годах Правительством Российской Федерации меры способствовали росту числа публикаций российских ученых в журналах, индексируемых в международных базах данных *Scopus* и *Web of Science* (WoS), хотя и неравномерному. Если в 2018 г. по удельному весу публикаций в общем числе статей, индексируемых в базах данных *Scopus*, отечественные авторы находились на 11-м месте (2,6%), то в 2021 г. – уже на 8-м

(3,51%). По статистике WoS, Россия по доле научных публикаций поднялась с 15-го места в 2018 г. на 14-е в 2021 г., хотя собственно ее доля уменьшилась (с 2,9 до 2,6% соответственно) [Индикаторы..., 2023, с. 392–393; Положихина, 2019b, с. 145–146].

Как следует из приведенных данных, по публикационной активности отечественный научный комплекс находился в десятке ведущих (по версии *Scopus*) или близко к ним (по версии WoS). Существенно хуже позиции России по другому показателю научной деятельности, характеризующему состояние прикладной науки, – патентной активности. Начиная с 2015 г. в стране фиксируется последовательное снижение количества поданных заявок и выданных патентов: к 2021 г. они сократились более чем на 30% (с 45,5 тыс. до 31,0 тыс. и с 34,7 тыс. до 23,7 тыс. соответственно) [Индикаторы..., 2023, с. 277].

Данный тренд противоречит общемировой тенденции роста патент-

ной активности как в развитых, так и в развивающихся странах. В результате международные позиции России ухудшаются [Стрельцова, Нестеренко, 2023, с. 1]. Наиболее удручающей представляется ситуация с заявками на промышленные образцы: по данному показателю страна уже в 2016 г. не входила в двадцатку ведущих. Особенно впечатляет снижение результатов отечественных прикладных ИиР на фоне роста Китая, который сейчас лидирует в этой сфере: отставание от его показателей составляет уже сотни раз [Положихина, 2019b, с. 156].

Описанные выше внутренние проблемы и диспропорции существенно снижают потенциал российской науки и ограничивают ее возможности противостоять новым внешним вызовам, связанным с санкционной политикой передовых западных держав, которые до начала СВО являлись важнейшими партнерами России в области ИиР. Как подчеркивают специалисты, «в условиях жесткого технологического соперничества и развязанной против России коллективным Западом гибридной войны такой дисбаланс в силах становится угрожающим» [Клепач, Володатов, Дмитриева, 2022, с. 78].

Вызовы для российской науки в условиях санкций

Санкции западных «партнеров». С началом СВО научные организации и российская наука в целом стали объектом санкционного давления со стороны коллективного Запада, что вполне закономерно, учитывая особое значение результатов ИиР для развития и национальной безопасности страны. Общее количество антироссийских санкций в сфере науки подсчитать сложно,

так как их число продолжает увеличиваться. При этом особого внимания заслуживают санкции со стороны США и европейских стран – прежде основных партнеров России в области ИиР.

США. Первые санкции по отношению к российским научным организациям начали вводиться еще до начала СВО. Знаковым событием стало заявление в ноябре 2021 г. Министерства торговли США об экспортных ограничениях в отношении Московского физико-технического института⁴. Через день после официального начала СВО (25 февраля 2022 г.) о прекращении длительного (с 2011 г.) сотрудничества со Сколковским институтом науки и технологий заявил Массачусетский технологический институт.

Весной 2022 г. американские власти прекратили рассмотрение ранее запланированных совместных проектов с Россией и обратились к сотрудникам университетов США «с просьбой сократить свои контакты с представителями российской науки» [Фомкин, 2022, с. 108]. Тогда же независимая американская компания *Clarivate Analytics* объявила о прекращении своей коммерческой деятельности в Российской Федерации, что, по сути, означало отключение российского научного сообщества от реферативной наукометрической базы данных WoS.

Санкционные меры против российской науки в 2022 г. также ввели Австралия и Великобритания. Последняя приостановила выплаты Национального фонда научных исследований и инноваций Великобритании (*UK Research and Innovation*) по грантам с участием российских ученых [Шугуров, Серебряков, Печатнова, 2022, с. 238–239].

4 Ваганов А. Не забыть спасти фундаментальные исследования // Независимая газета. Наука. – 2022. – 22 марта. – URL: https://www.ng.ru/наука/2022-03-22/9_8397_reality.html (дата обращения: 07.06.2023).

В марте 2023 г. под санкции США попали Институт общей физики им. А.М. Прохорова РАН, Казанский научный центр РАН и Институт физики твердого тела РАН им. Ю.А. Осипьяна⁵. В мае американские санкции были распространены еще на десяток нефтегазовых научно-исследовательских организаций, в том числе НИИ энергетики РАН и Институт химии нефти СО РАН, а также на 4 образовательных учреждения, включая Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина и Санкт-Петербургский горный университет⁶.

Европейский союз. Германия стала первой европейской страной, которая после начала СВО объявила о немедленном прекращении сотрудничества с Российской Федерацией в сфере науки и образования. В марте 2022 г. к ней присоединились многие члены ЕС, в том числе Франция, Дания, Нидерланды, Финляндия, Польша и страны Балтии⁷. В результате российские ученые лишились поддержки авторитетных организаций и фондов этих стран, в том числе Германской службы академических обменов (DAAD), Немецкого исследовательского фонда (DFG), Фонда Александра фон Гумбольдта, Национального центра научных исследований (CNRS) и Национального агентства научных исследований Франции (ANR) [Шугуров, Серебряков, Печатнова, 2022, с. 240].

В свою очередь, представители Европейской комиссии заявили, что приостанавливают совместные с российской стороной программы в рамках европейских проектов *Horizon Europe*, *Horizon 2020* и *Euratom* [Фомкин, 2022, с. 107]. Под санкции попали евро-

пейские стипендиальные программы Европейского корпуса солидарности (ESC) и Европейского исследовательского совета (ERC), а также программа стипендий Марии Склодовской-Кюри (MSCA). Сотрудничество с Российской Федерацией было приостановлено и со стороны Европейской ассоциации университетов [Фомкин, 2022, с. 107].

С начала 2023 г. европейское научное издательство *Elsevier* закрыло доступ к базе *Scopus* (осталась доступна только бесплатная версия *Scopus Preview*). Эту инициативу поддержали и другие крупные западные издательства (в том числе *Cambridge University Press & Assessment* и пр.).

Наконец, под угрозой оказалось участие Российской Федерации в международных научных мегапроектах таких организаций, как Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН), Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ) и др. [Шугуров, Серебряков, Печатнова, 2022, с. 241].

Риски для российского научного комплекса. Использование науки в качестве политического инструмента давления обусловило обострение существующих и появление новых проблем для российского научного комплекса. Их оценка отечественными учеными была представлена на заседании теоретического семинара им. академика В.А. Мартынова (ИМЭМО РАН) 15 марта 2023 г. В числе последствий, которые существенно осложняют научную деятельность в Российской Федерации, отмечались: прекращение поставок зарубежного оборудования и расходных материалов (в том числе из-за невозможности их оплаты); отключение от зарубежных электронных

5 Похляк А. США ввели санкции против научных институтов РАН // Lenta.ru. – 2023. – 3 августа. – URL: https://lenta.ru/news/2023/08/03/ran_san/ (дата обращения: 04.08.2023).

6 Под санкции США попали российские научные и сервисные организации нефтегазового профиля // Интерфакс. – 2023. – 19 мая. – URL: <https://www.interfax.ru/world/902341> (дата обращения: 17.06.2023).

7 Дежина И. Россия: наука в вынуждаемой изоляции // Eurasianet. – 2022. – 24 марта. – URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-наука-в-вынуждаемой-изоляции> (дата обращения: 07.06.2023).

ресурсов и специализированного программного обеспечения; приостановка совместных исследовательских проектов; ограничения для участия в научных мероприятиях и для работы на зарубежных установках уровня «мегасайенс»; не-объективный характер рецензирования российских публикаций в зарубежных журналах [Гусев, Юревич, 2023].

Ситуация усугубляется тем, что был нарушен график проведения значимых международных научных мероприятий. Ярким примером служит перенос Международного математического конгресса (ММК-2022), который должен был пройти в Санкт-Петербурге в июле 2022 г., в дистанционный формат.

К тому же проблема с публикацией результатов исследований в иностранных изданиях затронула интересы российских специалистов, участвующих в международных проектах (например таких, как ЦЕРН). Их труды теперь либо издаются под авторством коллаборации, либо публикации перенесены на неопределенный срок.

Нарастающий разрыв международных связей затрудняет поступление в Россию новых знаний и идей, чреват информационной изоляцией отечественной науки.

Санкционные барьеры между российскими учеными и их зарубежными коллегами, с одной стороны, существенно обострили кадровый вопрос и проблему «утечки мозгов» в стране. Последняя была включена в число ключевых угроз «для технологического развития Российской Федерации в период с 2023 по 2030 год»⁸. С другой стороны,

санкции спровоцировали «отток» зарубежных ученых, ранее работавших в России. Данные обстоятельства могут негативно сказаться как на реализации программы мегагрантов под патронажем Правительства и Минобрнауки России, так и на качестве научной экспертизы и деятельности многочисленных международных наблюдательных и редакционных советов.

Научный комплекс России столкнулся также с прекращением поставок современного оборудования, реактивов и вспомогательных материалов, необходимых для проведения исследований и экспериментов. Ощутимым ударом стал уход крупнейших поставщиков программных продуктов (*Microsoft, Intel, Oracle* и др.) и лабораторного оборудования (*Thermo Fisher Scientific* и др.). Хотя Россия располагает альтернативными разработками, однако их внедрение и поиск новых возможностей импортозамещения занимает время и «тормозит» отечественную науку.

Очевидно, что степень ущерба от действий Запада для российской науки в значительной степени определяется «фактором времени», под воздействием которого существенно возрастает риск превращения временных санкционных мер в постоянные. Вместе с тем это нанесет вред не только российской стороне, но и мировой науке в целом. Неслучайно в западных научных кругах звучат мнения о целесообразности поддержки научного сотрудничества с Россией даже в текущих конфликтных геополитических условиях⁹. Мировое научное сообщество

8 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-п «О Концепции технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г.» // Официальное опубликование правовых актов. – 2023. – 25 мая. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050?index=1> (дата обращения: 07.07.2023).

9 Примером может служить резонансное письмо *Let's not abandon Russian scientists*, опубликованное в марте 2022 г. на сайте Американской ассоциации содействия развитию науки (*The American Association for the Advancement of Science, AAAS*), а также ряд других обращений ведущих западных ученых. Более подробно см.: Гурьянов Н., Стрекопытов В. «Это уничиительно»: на Западе пожалели об «отмене» российских ученых // РИА Новости. Наука. – 2023. – 21 января. – URL: <https://ria.ru/20230121/sanktsii-1846235031.html> (дата обращения: 20.09.2023).

также осознает, что от России последует «асимметричный ответ».

«Асимметричный ответ» со стороны России. Год 2022-й стал не только годом начала СВО и «шквала» последовавших санкций, но и годом, открывшим в стране Десятилетие науки и технологий. Правительством были предприняты контрмеры, направленные на нивелирование санкционного давления Запада на российскую науку. В их числе – введение (до 31 декабря 2023 г.) моратория на требование к российским ученым публиковаться в зарубежных изданиях, индексируемых в базах *WoS* и *Scopus*, а также к их участию в зарубежных научных мероприятиях; поиск новых подходов к оценке результативности научной деятельности (формирование «Белого списка» научных журналов); упрощение процедур госзакупок научного оборудования и расходных материалов, а также стимулирование производства отечественного оборудования для научных исследований и др. [Гусев, Юревич, 2023].

«Белый список». Попытки разработки и реализации альтернативного *WoS* и *Scopus* «журнального проекта» предпринимались специалистами НИУ ВШЭ еще в 2014–2015 гг., когда стало понятно, что зарубежные базы содержат «лишь малую часть российской научной периодики» и не могут достоверно отражать результаты научной деятельности в Российской Федерации¹⁰.

В ноябре 2022 г. на сайте Российского центра научной информации

(РЦНИ, бывш. РФФИ) был размещен «Белый список» научных журналов¹¹, в который вошли 30040 авторитетных российских и международных изданий. Предполагается, что «Белый список», который будет постоянно обновляться, станет эффективным инструментом оценки и мониторинга публикационной активности российских ученых. В целях совершенствования «Списка» была разработана методика, содержащая «основные требования, которым к 2024 г. должны соответствовать включенные в него издания»¹². Однако дальнейшая работа по совершенствованию системы оценки научной деятельности в стране застопорилась.

Приборостроение. В 2022 г. был «перезапущен» экспертный совет по научному приборостроению. Минобрнауки России совместно с Минпромторгом России разработали федеральный проект «Развитие отечественного приборостроения гражданского назначения для научных исследований», реализация которого открывает широкие перспективы. Планируется, что данное направление получит существенную финансовую поддержку со стороны российских властей¹³.

Регионы. В русле поддержки научного потенциала страны ведется работа по совершенствованию методики формирования национального рейтинга научно-технологического развития регионов Российской Федерации¹⁴, который позволил бы объективно оценивать региональные науч-

10 Эффект ранжирования: кому поможет белый список журналов // ОКНА РОСТА. НИУ ВШЭ. – 2015. – 14 мая. – URL: <https://okna.hse.ru/news/154820221.html> (дата обращения: 07.06.2023).

11 Официальный адрес сайта РЦНИ, на котором размещен «Белый список». – URL: <https://journalrank.rcsi.science.ru/> (дата обращения: 04.08.2023).

12 Утверждены правила распределения по категориям научных изданий «Белого списка» // Минобрнауки России. – 2023. – 17 мая. – URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka/68029/> (дата обращения: 04.08.2023).

13 Совещание о текущей экономической ситуации // Правительство России. – 2022. – 25 февраля. – URL: <http://government.ru/news/44658/> (дата обращения: 07.06.2023).

14 Рейтинг за 2021 г. опубликован на сайте Минобрнауки России. – URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/Национальный%20рейтинг%20научно-технологического%20развития%20субъектов%20Российской%20Федерации%20по%20итогам%202021%20года.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).

ные результаты и потребности. Растет число регионов, получающих бюджетные средства на развитие научно-образовательной сферы, в частности, в рамках реализации государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Причем государственные средства выделяются не только тем субъектам Российской Федерации, в которых расположены ведущие вузы и исследовательские центры, но и стратегически значимым регионам страны с существенным научным потенциалом. Так, в 2022 г. Правительство Российской Федерации направило 5,5 млрд руб. на строительство учебных корпусов и общежитий Крымского федерального университета и т. д.¹⁵

Новые направления международного сотрудничества. Охлаждение отношений с западным научным миром заставляет отечественных ученых задуматься о поиске и развитии новых направлений сотрудничества. Уже обозначились «незападные» партнеры, взаимодействие с которыми представляется перспективным. Речь идет о совместных исследованиях с Китаем, Ираном, Индией, а также о совместных проектах с государствами Африки, Латинской Америки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме того, Минобрнауки России планирует интенсифицировать развитие сетевых университетов по линии СНГ, БРИКС и ШОС.

Однако, несмотря на то, что российское научное сообщество при поддержке государства старается достойно противостоять деструктивному санкционному давлению Запада, будущее науки в стране на текущий момент представляется неопределенным и во многом зависит от сценария дальнейшего мирового развития.

О стратегии развития отечественной науки в новом геополитическом контексте

Можно сказать, что начало СВО обозначило конец миропорядка, сложившегося после развала СССР в 1990-х годах, и начало открытой борьбы за новую геополитическую конфигурацию и достойное место в ней России. Достижение желательных для страны результатов требует значительного изменения парадигмы социально-экономического развития и касается всех сфер деятельности. При этом с точки зрения как обеспечения независимости страны на мировой арене, так и решения внутренних проблем развитие отечественного научного комплекса представляет собой стратегическую государственную задачу.

Нельзя не согласиться с мнением, что «научное сообщество России и всё общество находятся в тупике, в состоянии неопределенности: мы не имеем стратегии, ориентированной на 20–30-летний срок. Нет понятной и принятой обществом идеологии, понимаемой как синтез долговременного научного прогноза и желаемого образа будущего. <...> В формировании такого целеуказания, в проектировании будущего отечественная наука должна и может сыграть очень важную роль. <...> Мониторинг и стратегическое планирование развития страны должны стать одной из ее ключевых задач» [Малинецкий, 2021, с. 28, 40].

Следует признать, что важность стабильного функционирования и поступательного развития научной сферы на государственном уровне вполне осознаны. Об этом наглядно свидетельствуют упомянутые выше меры по ее поддержке. Однако представления

15 Шахметов А. Российская наука в условиях санкций: задачи для регионов // Регнум. – 2022. – 8 сентября. – URL: <https://regnum.ru/article/3690792> (дата обращения: 04.08.2023).

о необходимых действиях противоречивы, а сами методы не всегда действенны или эффективны (см.: [Делаем науку вместе..., 2023]). Это определяет необходимость выработки оптимальных применительно к российским условиям способов управления и стимулирования научной деятельности. Прежде всего к ним относится обретение научного суверенитета.

Нужно подчеркнуть, что суверенитет отечественной науки ни в коем случае не предполагает ее автаркии (которая однозначно ведет к деградации), а означает приоритет решения внутренних проблем и использования национальной системы оценки научной деятельности. Разработка последней (так называемой Национальной системы оценки научной результативности) в России началась «более года назад, чиновники заявляли, что она создана, однако в публичном поле проект так и не появился». Известны его отдельные элементы, в том числе Единая государственная информационная система учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения, а также «Белый список» научных журналов. «Однако об их увязке в общую систему речь не идет. Не ясен и механизм участия в разработке системы научной общественности», как и сроки ее введения¹⁶. Требуется также повышать «статус и уровень отечественной научной печати, [восстановить национальную] систему научно-технической информации» [Малинецкий, 2021, с. 40].

Не менее важным является снижение уровня указанных выше рисков для отечественного научного комплекса. В первую очередь это предполагает увеличение его финансирования.

Россия нуждается в ускорении научно-технического развития, а для этого требуется этап предварительного «разгона», во время которого доля расходов на ИиР в ВВП должна составлять не менее 2%. В Китае этап такого «разгона» занял чуть больше десятилетия (начавшись в 1996–1997 гг.). В США этот период составил примерно такой же срок – с 1950 по 1960 г., чуть позже данный маневр повторила ФРГ (1951–1962 гг.). Японии понадобился более продолжительный период (1959–1978 гг.), а Республика Корея уложила в пять лет (1983–1988 гг.). В СССР «разгон» происходил в первой половине 1960-х годов, и в 1964–1969 гг. страна возглавляла [мировой] рейтинг по росту доли расходов на НИОКР в ВВП. «“Разгонные” стадии обычно не очень продолжительны и сменяются длительным периодом стабильности» [Виноградов, Салицкая, Салицкий, 2016, с. 154–155].

Надо признать, что ускорить научно-техническое развитие страны только за счет государственных средств в обозримой перспективе вряд ли удастся. В то же время санкционный режим стимулирует спрос российского бизнеса на отечественные разработки, что может и должно привести к увеличению финансирования научной деятельности коммерческими структурами. «Для достижения 45% доли внебюджетных расходов во внутренних затратах на ИиР к 2030 г. собственные расходы госкомпаний при сохранении текущих пропорций должны возрасти как минимум до 1,5–2% ВВП и более» [Клепач, 2023, с. 11].

Реализация данного сценария предполагает выполнение нескольких условий: а) усиление государственной поддержки инновационной деятельности

16 Где же система? // Научное сообщество. – 2023. – № 5 (261). – С. 14; Эксперты обсудили создание Национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок // Минобрнауки России. – 12 марта. – 2023. – URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48219/> (дата обращения: 07.06.2023).

корпораций, средних и малых предприятий (в том числе налоговыми и другими методами); б) восстановление прикладной науки в стране (уже в рамках коммерческих структур); в) развитие опытных производств на основе государственно-частного партнерства.

Как отмечают специалисты, «именно в сфере прикладной науки делается 75% изобретений. Основная ее часть была разрушена еще в 1990-х годах, и вопрос о ее восстановлении пока, к сожалению, даже не ставится» [Малинецкий, 2021, с. 30]. «В настоящее время в структуре российского научно-технологического комплекса самым слабым является звено, обеспечивающее переход от стадии исследований и лабораторных образцов к опытно-экспериментальным установкам и мелкосерийному производству, отладке и масштабированию новых технологий» [Клепач, 2022, с. 87]. Для «замыкания» научно-инновационного цикла и его активизации требуется расширение в России сети опытных производств. При этом следует иметь в виду, что спрос отечественных предприятий фокусируется на готовых решениях («под ключ»), не требующих длительной отладки. И для этого особенно нужна государственная поддержка, в том числе в виде льготного кредитования, а также помощи в продвижении на рынке новых продуктов или технологий.

При этом нельзя забывать, что «без фундаментального задела прикладные разработки буксуют» [Малинецкий, 2021, с. 30] и превращаются в инструменты «латания дыр» того, что было создано ранее, но уже устарело. В контексте обеспечения баланса между прикладными и фундаментальными ИиР РАН рекомендует в 2024 г. выделить на фундаментальные исследования 415 млрд руб. (0,26% ВВП),

в 2025 г. – 597 млрд руб. (0,33% ВВП), в 2026 г. – 800 млрд руб. (0,44% ВВП)¹⁷.

Недостаточная результативность современных мер государственной поддержки научного комплекса во многом объясняется следованием доктринам, которые по своему содержанию не отвечают условиям России. В частности, следует избавиться от мифов о «свободной» рыночной конкуренции. «Игры с ВТО и санкции против России это прекрасно доказывают. Отличный способ победить конкурента – просто устранить его. С Россией это сейчас Запад и пытается сделать» [Малинецкий, 2021, с. 35].

Противостояние санкционному давлению требует усиления кооперации между разными научными организациями страны (особенно между академическими и учебными институтами) – вместо насаждения их конкуренции, – а также координации деятельности всех научных структур (включая некоммерческие, которые практически выпали из поля зрения органов государственного управления). «Вместо иностранного карьерного трека в текущих обстоятельствах для исследователей [нужно] предложить поддержку государством совместных работ фундаментальных и прикладных научных коллективов с активным перемещением ученых и инженеров из вузов и институтов РАН в прикладные институты и корпоративные центры НИОКР средних и крупных компаний на достаточно продолжительное время (например, с выплатой двойной заработной платы) для совместной реализации крупных импортозамещающих и инновационных проектов» [Клепач, 2023, с. 9]. Специалисты также подчеркивают необходимость «срочно нивелировать провал» в системе государственного

17 Волчкова Н. Оправдать ожидания // Научное сообщество. – 2023. – № 5 (261). – С. 12.

управления наукой в стране и перейти к новой модели управления, «включая конкретизацию приоритетных направлений, создание новой системы оплаты труда, преодоление кадровых дисбалансов. <...> При условии необходимых институциональных преобразований и увеличения государственного и частного финансирования есть все возможности переломить негативные тенденции и обеспечить научно-технологический прорыв России» [Клепач, 2023, с. 7, 9, 10].

Наука давно признана одной из производительных сил общества. Более того, именно результаты научной деятельности являются основой инновационного развития, обеспечивающего как современное существование социума, так и его перспективы. Настоящее геополитическое противостояние создает для науки в России не только новые риски, но и новые возможности – и важно не упустить появившиеся шансы.

Список литературы

- Аллахвердян А.Г. Динамика развития российской науки: кадровый и гендерный анализ // Наукоевческие исследования. – 2018. – С. 16–25. – DOI: 10.31249/scis/2018.00.02.
- Виноградов А.В., Салицкая Е.А., Салицкий А.И. Наука и техника в Китае: состоявшаяся модернизация // Вестник РАН. – 2016. – Т. 86, № 2. – С. 152–160. – DOI: 10.7868/S0869587316020158.
- Гусев А.Б., Юревич М.А. Научная политика глазами ученых // ИМЭМО. – 2023. – 15 марта. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/2023/15032023/15032023.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).
- Делаем науку вместе: рейтинг мер научно-технической политики. Экспресс-информация / Л.М. Гохберг, М.А. Гершман, В.В. Лапочкина, С.В. Бредихин. – Москва: НИУ ВШЭ, 2023. – 3 с.
- Индикаторы науки: 2015: стат. сборник / редкол.: Гохберг Л.М., Кузьминов Я.И., Лайкам К.Э., Салихов С.В. – Москва: НИУ ВШЭ, 2015. – 320 с.
- Индикаторы науки: 2023: стат. сборник / редкол.: Анисимов Н.Ю., Гохберг Л.М., Кузьминов Я.И. – Москва: НИУ ВШЭ, 2023. – 416 с.
- Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А. Российская наука и технологии: взлет, или прогрессирующее отставание. Ч. 1 // Проблемы прогнозирования. – 2022. – № 6. – С. 76–93. – DOI: 10.47711/0868-6351-195-76-93.
- Клепач А.Н., Водоватов Л.Б., Дмитриева Е.А. Российская наука и технологии: взлет, или прогрессирующее отставание. Ч. 2 // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 1. – С. 6–15. – DOI: 10.47711/0868-6351-196-6-15.
- Малинецкий Г.Г. Наука и стратегия развития России // Знание. Понимание. Умение. – 2021. – № 3. – С. 26–44. – DOI: 10.17805/zpu.2021.3.2.
- Положихина М.А. Неоднозначные итоги реформирования российской науки // Экономические и социальные проблемы России. – 2019а. – № 2 (40). – С. 100–138. – DOI: 10.31249/espr/2019.02.05.
- Положихина М.А. Подходы к оценке результатов научной деятельности в России // Экономические и социальные проблемы России. – 2019б. – № 2 (40). – С. 139–161. – DOI: 10.31249/espr/2019.02.06.
- Российская наука в цифрах: 2023 / редкол.: Л.М. Гохберг, В.В. Власова, Е.А. Стрельцова. – Москва: НИУ ВШЭ, 2023. – 48 с.
- Стрельцова Е.А., Нестеренко А.В. На пути к технологическому суверенитету: патентная активность России в 2015–2022 гг. Экспресс-информация. – Москва: НИУ ВШЭ, 2023. – 3 с.
- Фомкин Ф.С. Российская наука в период санкций // Republica Literaria. –

2022. – Т. 3, № 3. – С. 106–117. – DOI: 10.47850/RL.2022.3.3.106-117.

Шугуров М.В., Серебряков А.А., Печатнова Ю.В. Международное научно-исследовательское сотрудничество России в условиях масштабирования

санкций: характеристика институциональных разрывов // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2022. – Т. 4–3 (67). – С. 235–244. – DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.07

Russian Science Under Sanctions Pressure: New Risks and Development Opportunities

Maria A. POLOZHIKHINA

PhD (Geography), Leading Researcher of the Department of Economics
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: polozhihina2@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3955-2040

Natalia A. KOROVNIKOVA

PhD (Politics), Leading Researcher of the Department of Economics
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)
Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418
E-mail: natalia.kor@list.ru
ORCID: 0000-0003-1136-593X

CITATION: Polozhikhina M.A., Korovnikova N.A. (2023). Russian Science Under Sanctions Pressure: New Risks and Development Opportunities. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 113–128 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.05.07

Received: 02.09.2023

Revised: 05.10.2023

ABSTRACT. With the start of Russia's Special Military Operation in Ukraine, scientific organizations and Russian science as a whole became the object of sanctions pressure from the collective West. Meanwhile the state of domestic science at the time of aggravation of geopolitical contradictions can hardly be considered satisfactory. Its main problems are well known: chronic underfunding, lack of demand for research results from business, declin-

ing positions in world rankings, negative dynamics of scientific personnel and their uneven distribution across regions. As a result of external changes, new risks have appeared for the scientific sphere of the country: the rupture of international relations and the limitation of the flow of new knowledge, modern scientific equipment and necessary supporting materials, the outflow of scientific personnel abroad. The forced growth in demand from business

and state structures for domestic developments opens up new opportunities for the science in Russia, but their use requires an appropriate government support. Threats to the country scientific complex are recognized at different administration levels, but the ideas about the necessary actions are contradictory, and the efforts made are not always effective or efficient. This requires the development of measures to support and stimulate scientific activity that are optimal for Russian reality, the implementation of which should become a priority direction of the state policy. There is an obvious need to increase funding for civil science and restore its applied areas, as well as to strengthen the cooperation and coordination of the activities of all scientific structures. Ensuring defense capability and security, achieving technological sovereignty, maintaining the level of education and public health protection in Russia are impossible without progressive development of the scientific sphere.

KEYWORDS: *Russia, scientific research and development, sanctions, risks of scientific activity, financing of scientific sphere, number of scientific personnel, public administration of science.*

References

- Allahverdyan A.G. (2018). Dynamics of Russian science development: human resources and gender analysis. *Naukovedcheskie issledovaniya*. Pp. 16–25 (in Russian). DOI: 10.31249/scis/2018.00.02.
- Delaem nauku vmeste... (2023). Gohberg L.M., Gershman M.A., Lapochkina V.V., Bredihin S.V. *Doing Science Together: Science and Technology Policy Ranking. Express Information*. Moscow: NRU HSE, 3 pp. (in Russian).
- Fomkin F.S. (2022). Russian science during the sanctions. *Respublica Literaria*. Vol. 3, no. 3, pp. 106–117 (in Russian). DOI:10.47850/RL.2022.3.3.106-117.
- Gusev A.B., Yurevich M.A. (2023). Science policy through the eyes of scientists. *MEMO*. March 15. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/seminars/2023/15032023/15032023.pdf>, accessed 07.06.2023.
- Indikatory... (2015). Gohberg L.M. et al. (eds.). *Science and Technology Indicators: 2015*. Moscow: NRU HSE, 320 pp. (in Russian).
- Indikatory... (2023). Anisimov N.Yu. et al. (eds.). *Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2023*. Moscow: NRU HSE, 416 pp. (in Russian).
- Klepach A.N., Vodovatov L.B., Dmitrieva E.A. (2022). Russian Science and Technology: Rise or Progressive Lag (Part 1). *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 33, no. 6, pp. 631–644. DOI: 10.1134/S1075700722060077.
- Klepach A.N., Vodovatov L.B., Dmitrieva E.A. (2023). Russian Science and Technology: Rise or Progressive Lag (Part 2). *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 34, no. 1, pp. 1–8. DOI: 10.1134/S1075700723010070.
- Malineckij G.G. (2021). Science and development strategy of Russia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 3, pp. 26–44 (in Russian). DOI: 10.17805/zpu.2021.3.2.
- Polozhihina M.A. (2019a). Ambiguous overall results in reforming of Russian science. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*. No. 2 (40), pp. 100–138 (in Russian). DOI: 10.31249/espr/2019.02.05.
- Polozhihina M.A. (2019b). Approaches to evaluation the results of scientific activities in Russia. *Ekonomicheskie i social'nye problemy Rossii*. No. 2(40), pp. 139–161 (in Russian). DOI: 10.31249/espr/2019.02.06.
- Rossiyskaya nauka... (2023). Gohberg L.M. et al. (eds.). *Russian Science and Technology in Figures: 2023*. Moscow: NRU HSE, 48 pp. (in Russian).
- Shugurov M.V., Serebryakov A.A., Pechatnova Yu.V. (2022). Internatio-

nal research cooperation of Russia in the conditions of scaling sanctions: characteristics of institutional gaps. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. Vol. 4–3 (67), pp. 235–244 (in Russian). DOI: 10.24412/2500-1000-2022-4-3-235-244.

Strel'cova E.A., Nesterenko A.V. (2023). *On the Way to Technological Sovereign-*

ty: Russian Patent Activity in 2015–2022. Express Information. Moscow: NRU HSE, 3 pp. (in Russian).

Vinogradov A.V., Salitskaya E.A., Salitskii A.I. (2016). Science and technology in China: Modernization accomplished. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 86, no. 1, pp. 48–56. DOI: 10.1134/S1019331616010081.

УДК 338.45(510)

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.08

Эволюция китайской политики развития сектора хай-тек: от новых технологий – к новым субъектам?

Иван Владимирович ДАНИЛИН

кандидат политических наук, заведующий Отделом науки и инноваций
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН)
ул. Профсоюзная, д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997
E-mail: danilin.iv@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-4251-1998

ЦИТИРОВАНИЕ: Данилин И.В. Эволюция китайской политики развития сектора хай-тек: от новых технологий – к новым субъектам? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 129–145. DOI: 10.31249/kgt/2023.05.08

Статья поступила в редакцию 14.11.2023.
Исправленный текст представлен 18.12.2023.

АННОТАЦИЯ. Китай сталкивается с растущими геополитическими и социально-экономическими вызовами. Ответом является структурная перестройка китайской экономики на основе высоких технологий. КНР фокусируется на приоритетных направлениях: микроэлектронике, передовых цифровых технологиях, электромобилях и пр. Этот подход всё больше коррелирует с решением иных задач: стимулированием роста ВВП (через поддержку производства, занятости, экспорта и внутреннего спроса на хай-тек); снижением критической уязвимости сектора хай-тек от технологического импорта и санкций; формированием базы опережающего роста. Однако этого недостаточно для инновационной трансформации – существующие ограничения требуют совершенствования подходов к технологическому развитию, прежде всего к модели взаимодействия государства и бизнеса. Китайская тех-

нологическая политика традиционно реализуется в опоре на крупные компании – национальные чемпионы. Однако из-за ограниченной эффективности и госпредприятий, и частных компаний в последние годы в фокус внимания властей попали технологически активные быстрорастущие малые и средние предприятия. Изначально они рассматривались как инструмент импортозамещения и развития критических промышленных технологий. Но теперь через поддержку этих «маленьких гигантов» китайское правительство стремится сбалансировать инновационную систему и сформировать новые источники «созидательного разрушения». И всё же это решение – как и иные меры – имеет ограниченный, специализированный характер. Требуется рост системности государственной политики, в том числе связей между разными мероприятиями и субъектами, а также коррекция растущего интервенционализма госу-

дарства. То есть необходимо доформирование институтов и, главное, связей внутри национальной инновационной системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, технологическая политика, электромобили, цифровые технологии, «маленькие гиганты», малые и средние предприятия, инновационные системы.

Введение

Экономика Китая сталкивается с беспрецедентными вызовами. С одной стороны, усиливаются внутренние проблемы. Достигнуты естественные пределы быстрого роста за счет эффекта «низкой базы»: Китай переходит к новой норме роста ВВП. При этом сохраняются отраслевые дисбалансы (от проблем на рынке недвижимости до избыточных производственных мощностей), проблемы в финансовой сфере (в том числе закредитованность регионов), не преодолены последствия пандемии COVID-19, включая снижение потенциала роста спроса, население стареет и т.д. С другой – геополитические вызовы привели к ограничению доступа к передовым технологиям, западным рынкам и капиталу. Важным сигналом стал обвал с 2022 г. прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Китай, так что в III квартале 2023 г. впервые за длительное время был зафиксирован чистый отток ПИИ (11,8 млрд долл.)¹.

В ответ КНР акцентирует развитие высокотехнологичных отраслей и передовых технологий. Ключевые приоритеты и большая часть крупных

мероприятий были определены к середине 2010-х годов в XI и XII пятилетних планах (включая так называемые стратегические формирующиеся отрасли), инициативе «Сделано в Китае 2025» (MiC-2025) и иных документах. Формально эта сложная система приоритетов всё еще актуальна, как и планы достижения мирового уровня, а затем лидерства по широкому спектру направлений. Но достичь прорыва во всех секторах невозможно, зато внутренние и внешние условия изменились. Как следствие, произошло разделение на приоритеты первого и второго порядка с концентрацией ресурсов на наиболее актуальных направлениях, необходимых для поддержания роста и инновационной трансформации экономики. Меняться стали также подходы и инструменты госполитики.

В данной статье мы кратко рассмотрим и проанализируем эволюцию технологической политики КНР, в том числе на примере ряда ведущих индустрий хай-тек, и вызовы, которые встают перед Китаем в его переходе к экономике знаний.

Сектор высоких технологий: новые старые приоритеты КНР

Несмотря на по-прежнему высокое значение аэрокосмоса (в том числе в части реализации гражданской космической программы и военного строительства), биотеха, возобновляемых источников энергии (ВИЭ)² и других приоритетов, на данный момент на первый план в технологиче-

1 China Foreign Investment Gauge Turns Negative for First Time // Bloomberg. – 2023. – November 3. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-03/china-foreign-investment-gauge-turns-negative-for-first-time> (дата обращения: 11.11.2023).

2 В частности, в рамках плана развития Новой инфраструктуры предполагается ввод до 660 ГВт новых мощностей ВИЭ к 2025 г. См.: These Are the Megaprojects in China's \$ 1 Trillion Infrastructure Plan // Bloomberg. – 2022. – August 26. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2022-08-25/how-china-will-spend-1-trillion-on-infrastructure-to-boost-economy> (дата обращения: 11.11.2023).

ской политике КНР вышли несколько направлений. Наиболее важными и иллюстративными с точки зрения эволюции госполитики являются микроэлектроника, цифровые технологии и электромобили.

Высшим приоритетом за последние годы стала микроэлектроника – от разработки передовых интегральных схем (ИС) и их выпуска до создания производственного оборудования.

Современная история политики КНР по развитию микроэлектроники относится к первой половине 2000-х годов [Fuller, 2019; Marukawa, 2023, р. 7–9; Song, Wen, 2023]. Но тогда успеха достичь не удалось из-за появления доступного аутсорсинга (в том числе тайваньских гигафабрик) и увеличения капиталоемкости и сложности технологий. Лишь с середины 2010-х годов Пекин вернулся к решению этой задачи. Несмотря на рост вложений в науку и кадры (в том числе привлечение тайваньских специалистов и зарубежных ученых), фокус был сделан на поддержку компаний-разработчиков и производств. Важнейшим инструментом стала Корпорация инвестиционного фонда поддержки национальной промышленности интегральных схем (так называемый Большой фонд I поколения – с 2014 г.). Фонд инвестирует в перспективные предприятия (как в стартапы, так и в крупные компании) и выполняет функцию фонда фондов [Marukawa, 2023, р. 12–13]. С началом технологической «войны» с США усилия КНР вышли на новый уровень [Zhang, Lan, 2023]. В 2019 г. появился Большой

фонд II поколения. К сентябрю 2022 г. совокупные инвестиции превысили 170 млрд юаней (более 25 млрд долл.)³, к осени 2023 г. объем привлеченного капитала вырос до 338 млрд юаней (более 45 млрд долл.). В октябре 2023 г. было объявлено о создании Большого фонда нового поколения с капиталом 300 млрд юаней (более 40 млрд долл.)⁴. Микроэлектроника стала также приоритетным объектом инвестиций по линии фондов региональных властей (около 20–30 млрд долл.) и государственных субсидий (точный объем неясен)⁵.

Учитывая недостаточные темпы развития и глубины импортозамещения, в августе 2020 г. Госсовет КНР утвердил политику содействия качественному развитию индустрии ИС и программного обеспечения. Выросли субсидии и налоговые изъятия, включая льготы по налогу на прибыль, диверсифицированные по степени зрелости техпроцессов (от 130 до 28 нм), меры по защите интеллектуальной собственности и т.д. [Коледенкова, 2022, с. 60–61; Marukawa, 2023, р. 9–10]. За счет господдержки и в ответ на ожидания новых мер с 2020 г. начался стремительный рост венчурных инвестиций, в том числе по линии указанных выше региональных инвестфондов [Shingo, 2022]. На фоне роста импорта производственного оборудования и иных мер всё это позволило, например, выйти в 2020 г. на серийный выпуск ИС по техпроцессу 28 нм, в 2022 г. – к выпуску чипов 14 нм, а в 2022–2023 гг. – 7 нм. Наблюдаются и иные успехи, например, в ча-

3 Здесь и далее в целях унификации оценок пересчет юаней в доллары выполнен на основе данных по средневзвешенному курсу валют Налоговой службы США.

4 Exclusive: China to launch \$ 40 billion state fund to boost chip industry // Reuters. – 2023. – September 5. – URL: <https://www.reuters.com/technology/china-launch-new-40-bln-state-fund-boost-chip-industry-sources-say-2023-09-05/> (дата обращения: 11.11.2023).

5 'Made in China 2025' thrives with subsidies for tech, EV makers // Nikkei Asia. – 2022. – July 22. – URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-Spotlight/Made-in-China-2025-thrives-with-subsidies-for-tech-EV-makers> (дата обращения: 11.11.2023).

сти литографического оборудования⁶. Впрочем, серийность и рентабельность выпуска передовых китайских ИС и производственных систем остается загадкой и подвергается сомнению частью западных экспертов.

В качестве другого крупнейшего технологического приоритета КНР можно отметить развитие электрического транспорта (далее также *EV*), или, как определяется в китайских документах, транспортных средств на новых источниках энергии (*NEV* – включая гибриды).

Впервые о развитии *NEV* в КНР заговорили в 1990-х годах, но лишь в XI пятилетнем плане (2006–2010 гг.) индустрия была закреплена в качестве одного из ключевых направлений. С 2009 г. появились первая – опытно-демонстрационная – программа «Десять городов, тысяча автомобилей» (в основном стимулирование закупок *NEV*-автопарков госпредприятиями) [Перская, Ревенко, 2020, с. 22; Liu, Ding, Wang, 2022; Kalthaus, Sun, 2021, p. 480–481]. Масштабная поддержка началась в 2012 г. с введением налоговых льгот для потребителей, что привело к постепенной массовизации спроса на *NEV* [Kalthaus, Sun, 2021, p. 480; The Chinese plug-in..., 2022]. Первоначально предполагалось отказаться от мер поддержки еще в 2020 г., но риски спада продаж определили их постоянное продление. А в июне 2023 г. была объявлена новая четырехлетняя программа с рекордным для китайского автопрома финансированием – 530 млрд юаней (72,3 млрд долл.), при постепенном снижении на-

логовых льгот⁷. Масштабирование *NEV* поддерживалось и нефинансовыми стимулами, включая преференциальную регистрацию госномеров, снятие ограничений на вождение *NEV* в мегаполисах и т. д. [Kalthaus, Sun, 2021, p. 478].

Систематичной была и поддержка автоконцернов, которые, наряду с производителями ИС, стали к 2022 г. ключевыми получателями национальных и региональных субсидий⁸.

Несмотря на рост противоречий с крупнейшими интернет-корпорациями [Данилин, 2022], продолжается развитие «прорывных» цифровых технологий. Одним из наиболее значимых и показательных направлений является поддержка искусственного интеллекта (ИИ) [Johansson, 2022, p. 17–20, 34–36]. Систематическая поддержка ИИ в Китае прослеживается с середины 2010-х годов, но формальным стартом госполитики стал 2017 г., когда Госсовет КНР обнародовал План развития искусственного интеллекта нового поколения. Основной фокус сделан на развитие технологий и компетенций, включая создание лабораторий и образовательных центров, развитие системы стартапов и корпоративных проектов. На региональном уровне созданы крупные специализированные инвестфонды, инициировано создание национальной (с 2020 г.) и региональных «пилотных» зон, интегрирующих различные проекты. Сформировалась система партнерств с крупными компаниями, в том числе в рамках так называемой Национальной команды в сфере ИИ [The Chinese approach..., 2023, p. 61].

6 Huawei patents EUV lithography tools used to make <10nm chips // Techspot. – 2022. – December 22. – URL: <https://www.techspot.com/news/97072-huawei-patents-euv-lithography-tools-used-make-10nm.html> (дата обращения: 11.11.2023); US Can't Halt SMIC, Huawei's Tech Advances, Chip Guru Says // Bloomberg. – 2023. – October 27. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-10-27/us-can-t-halt-smic-huawei-s-chip-advances-industry-guru-says> (дата обращения: 11.11.2023).

7 China Considers Extending Its EV Subsidies to 2023 // China Briefing. – 2023. – June 27. – URL: <https://www.china-briefing.com/news/china-considers-extending-its-ev-subsidies-to-2023/> (дата обращения: 11.11.2023).

8 'Made in China 2025' thrives with subsidies for tech, EV makers // Nikkei Asia. – 2022. – July 22. – URL: <https://asia.nikkei.com/Business/Business-Spotlight/Made-in-China-2025-thrives-with-subsidies-for-tech-EV-makers> (дата обращения: 11.11.2023).

Кроме того, в рамках создания мегапрограммы «Новая инфраструктура» (объявлена в 2020 г., 1,4 трлн долл. на все нужды) активно развивалась цифровая инфраструктура, важная в том числе и для прорывных цифровых технологий [Wu, Zhang, Shi, 2021]⁹. Это, прежде всего, телекоммуникационные сети 5G и центры обработки данных (ЦОД) [Ding, 2022]¹⁰. В октябре 2023 г. заявлена новая амбициозная цель – рост совокупной вычислительной мощности КНР со 197 до 300 эксафлопс к 2025 г.¹¹

Шла также наработка регуляторных норм и практик – от демонполизации интернет-рынков и кибербезопасности до обеспечения цифровых прав граждан и этических норм ИИ¹².

Технологическая политика КНР: за пределами технологий

Несмотря на формально чисто технологический характер, китайская политика по приоритетным направлениям хай-тек во всё большей мере интегрирует более комплексные задачи. При этом наблюдается стихийная (в силу объективных причин) корреляция тех или иных групп технологических мероприятий с различными средне- и долгосрочными целями и задачами экономического развития.

Так, инфраструктурные проекты выполняют конъюнктурную задачу роста занятости и спроса на инвестиционные товары и одновременно создают условия развития цифрового секто-

ра и модернизации промышленности в идеологии Индустрии 4.0.

В сфере микроэлектроники вопрос состоит не только в технологическом суверенитете. Потребительская электроника и ее компоненты остаются одной из основных категорий товарного экспорта КНР (около 30% в 2017–2020 гг. и около 26% в 2022 г.) и определяющей для экспорта высокотехнологических товаров (свыше 80% и 78–79% соответственно)¹³. При этом КНР до сих пор зависима от импорта ИС. Внутреннее производство покрывает, по разным оценкам, от 16 до 24% спроса (см., например [Marukawa, 2023, p. 17]). Еще сложнее обстоит дело с высокопроизводительными чипами, которые лишь недавно стали выпускаться в КНР и пока в недостаточном объеме (основные поставщики – Тайвань и Республика Корея), а также со специализированным производственным оборудованием (импорт из Нидерландов, Японии, США). При этом ИС необходимы для всех секторов экономики, включая машиностроение (микроконтроллеры, датчики и пр.), а передовые ИС еще и для развития телекоммуникаций, прорывных технологий типа ИИ, суперкомпьютеров, ЦОД и иных направлений.

То есть на фоне ограничительных мер Запада преодоление зависимости от импорта в сфере ИС является вопросом не только развития, но и просто нормального функционирования сектора хай-тек КНР (что, собственно, и продемонстрировало мощное ослаб-

9 China's Vast Blueprint for Tech Supremacy Over U.S. // Bloomberg News. – 2022. – January 24. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-23/china-s-vast-blueprint-for-tech-supremacy-over-u-s-quicktake> (дата обращения: 11.11.2023).

10 China's Tech Overseer Promises to Back AI Computing Push // Bloomberg. – 2023. – July 19. – URL: www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-19/china-tech-overseer-plans-computing-power-push-to-back-ai-boom (дата обращения: 11.11.2023).

11 Computing power infrastructure key to digital economy // China Daily. – 2023. – October 12. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202310/12/WS65273b32a31090682a5e8051.html> (дата обращения: 11.11.2023).

12 В реальности – система стандартов, имеющих не столько этическое, сколько предметное техническое значение, в том числе в части нетарифных ограничений и поддержки экспорта.

13 Рассчитано по данным ЮНКТАД: Merchandise trade matrix in thousands United States dollars, annual // UNCTADStat. – 2023. – October 24. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 11.11.2023).

ление рыночного потенциала подсанкционной *Huawei* с 2019 г.). Зато появление новой индустрии ИС как многомиллиардной индустрии – это также мощный стимул роста и трансформации китайской экономики.

В части цифровизации речь идет, опять же, не только о передовых технологиях, но и о росте эффективности экономики в целом. Характерен рост в последние годы национальных и ведомственных мероприятий по цифровизации промышленности и сельского хозяйства (в том числе платформизация и внедрение решений промышленного интернета, реализация опытно-демонстрационных проектов и пр.) с особым акцентом на малые и средние предприятия (МСП) [Коледенкова, 2022, с. 55]¹⁴. Свою роль играли и соображения преодоления «цифрового разрыва» между регионами КНР, в том числе за счет программы размещения ЦОД в бедных провинциях с расчетом на «якорный» спрос со стороны развитого Юга и Востока (мегапроект «Восточные данные, западные вычисления», до 400 млрд юаней (около 54 млрд долл.) в год) [Pan, 2022]¹⁵.

Как с рыночной, так и с макроэкономической точки зрения понятен и фокус на *NEV*.

Конкурентные позиции китайских компаний в сегменте машин с двигателями внутреннего сгорания (ДВС) слабее, чем у западных и корейских концернов,

но в сфере *NEV* они очень успешны. КНР – крупнейший рынок *EV* (40% от мирового объема), причем только благодаря *NEV* по итогам I квартала 2022 г. китайские производители обошли здесь по продажам западные автоконцерны, впервые после выступления КНР в ВТО¹⁶. Идет их активная экспансия на мировые рынки (35% от мирового экспорта *EV* в 2022 г., инвестпроекты в ЕС и т. д.).

Также известно, что в крупных экономиках автомобилестроение является одним из ключевых спонсоров и интеграторов высоких технологий (ИС, робототехники, новых материалов, 3D-печати и т. д.). Это еще более справедливо для современных *NEV* с их потребностями в новых материалах (в том числе для аккумуляторов), цифровых (системах автономного вождения, силовой электронике и др.) и иных технологиях. Поддерживая *NEV*, китайское руководство создает мощный источник спроса на продукцию и услуги целой группы индустрий хай-тек.

Развитие индустрии придает также импульс росту ВВП. Еще в 2008–2010 гг. стимулирование спроса на автомобили вошло в портфель антикризисных мер и КНР, и иных стран. *NEV* обеспечивают в данном случае новые возможности на фоне устойчивого снижения спроса на машины с ДВС в КНР. С 2010 г. рост их продаж замедлился, а с 2016 г. началось падение¹⁷. Переход *NEV* в катего-

14 Digital economic growth plan unveiled // China Daily. – 2022. – January 20. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202201/20/WS61e8b21ca310cdd39bc8228d.html> (дата обращения: 11.11.2023); Boost for Digital Transformation of SMEs // Science and Technology Daily. – 2022. – December 1. – URL: www.stdaily.com/English/Feature/202212/d412b30c60e04292aa942038bc285a90.shtml (дата обращения: 11.11.2023); China unveils plan to promote digital development // Xinhua. – 2023. – February 28. – URL: <https://english.news.cn/20230227/7ebe7c2113244830b04cc89e12b9a886/c.html> (дата обращения: 11.11.2023).

15 These Are the Megaprojects in China's \$ 1 Trillion Infrastructure Plan // Bloomberg. – 2022. – August 26. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2022-08-25/how-china-will-spend-1-trillion-on-infrastructure-to-boost-economy> (дата обращения: 11.11.2023).

16 Hamlin K. China's next export is an electric-vehicle fight // Reuters. – 2023. – June 19. – URL: <https://www.reuters.com/breakingviews/chinas-next-export-is-an-electric-vehicle-fight-2023-06-19/> (дата обращения: 11.11.2023).

17 Здесь и далее данные Китайской ассоциации автопроизводителей (CAAM): China Sales of Automobile (2004-2020) // China Association of Automobile Manufacturers. – 2021. – March 30. – URL: <http://en.caam.org.cn/Index/show/catid/32/id/1716.html> (дата обращения: 11.11.2023); Sales of New Energy Vehicles China // Association of Automobile Manufacturers. – 2023. – URL: <http://en.caam.org.cn/Index/lists/catid/66.html> (дата обращения: 11.11.2023).

рию приоритетов первого уровня с 2019–2020 гг. изменил ситуацию. Продажи автомобилей в КНР с 2020 по 2022 г. возобновили пусть и небольшой, но рост (с 25,3 млн до 26,9 млн ед.) – полностью благодаря *NEV*, доля которого к 2022 г. выросла с 9 до 44% – примерно до 12 млн ед. (опять же в основном китайских производителей)¹⁸. На перспективу потенциал *NEV* для стимулирования роста ВВП еще выше. Из-за деградации материала аккумуляторов (до половины стоимости *EV*) вторичный рынок *NEV* пока малореален. Увеличение доли *NEV* в выпуске означает, что в 2030-х годах на рынке КНР будут продаваться преимущественно новые транспортные средства, что означает рост промышленного производства и занятости.

Таким образом, налицо своего рода синергия технологических и экономических приоритетов разного уровня и с разными временными горизонтами и эффектами (от поддержки спроса «здесь и сейчас» до структурной перестройки экономики на основе «прорывных» технологий).

Однако достаточны ли эти усилия и эта синергия для технологического прорыва?

На пути к «умной» технологической политике

Несмотря на масштаб, амбиции и комплексный характер китайских мероприятий, очевидны и вызовы их реализации.

Прежде всего, это естественные ограничения «форсированного» развития, где нехватку времени, компетенций и технологий государство пытается

компенсировать огромными финансовыми вливаниями и искусственной мобилизацией частного капитала. Очевидно, что это не всегда и не во всём возможно, зато, исходя из оценок ситуации, в КНР часто вызывает неэффективную конкуренцию регионов за привлечение компаний, полуспекулятивный рост технологических МСП в погоне за госсубсидиями и иные проблемы [Marukawa, 2023, р. 15, 16, 18; Shingo, 2022]¹⁹. (Заметим, что этим, скорее всего, и объясняется волна банкротств среди микроэлектронных МСП КНР в 2023 г.) Опасны асимметрии развития. Например, из-за мощных субсидий индустрии *NEV* грозит проблема накопления избыточных производственных мощностей и «перегрева», как и для металлургии или недвижимости в прошлом.

Ко всему прочему, текущие мероприятия всё еще сильно зависимы от внешних рынков в части как импорта технологий, так и сбыта. А это в условиях противостояния с Западом также несет в себе риски. Помимо полупроводников, это, например, очевидно применительно к тем же *EV* в контексте ограничений на импорт из КНР в США (Закон о преодолении инфляции США 2022 г.) и планируемых мер Еврокомиссии.

Спорны и технологические достижения, многие из которых имеют скорее инженерный и технический, чем прорывной характер, в силу вынужденного (из-за специфики момента) фокуса на быструю отдачу.

Однако самым существенным вызовом остаются рамочные, системные условия технологического развития КНР, которые позволили бы решить эти

18 Расчеты автора по данным CAAM за 2020–2022 гг.: Sales of New Energy Vehicles // China Association of Automobile Manufacturers. – 2023. – URL: <http://en.caam.org.cn/Index/lists/catid/66.html> (дата обращения: 11.11.2023).

19 These Are the Megaprojects in China's \$ 1 Trillion Infrastructure Plan // Bloomberg. – 2022. – August 26. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2022-08-25/how-china-will-spend-1-trillion-on-infrastructure-to-boost-economy> (дата обращения: 11.11.2023).

и иные проблемы и перевести узкоотраслевые прорывы в трансформацию самой структуры китайской экономики. Наряду с поддержкой технологий и рынков в условиях роста внутренних и внешних вызовов всё более важным становится оптимизация национальной инновационной системы (НИС) как гарантии устойчивого развития и инновационной трансформации экономики КНР.

Конечно, вопрос о совершенствовании условий экономического (в том числе инновационного) развития никогда не исчезал из повестки китайского руководства. Однако торгово-инвестиционный и технологический конфликт с коллективным Западом на фоне пандемии и нарастания социально-экономических вызовов побудили Пекин к более активному поиску решений.

Своими корнями принимаемые решения тоже уходят еще в 2010-е годы, но существенно эволюционируют и получают иной уровень актуализации. Продолжаются мощный рост ИР и вливания в венчурный сектор (в основном через региональные фонды). Формируется система высокотехнологичных бирж (*STAR Market* в Шанхае, Пекинская). С активным привлечением крупного китайского технологического бизнеса развивается инновационная инфраструктура (инкубаторы, акселераторы, технопарки и т.п. – одно из направлений так называемой новой инфраструктуры). В этой же логике – как центры технологий и инноваций и своего рода «инкубаторы» бизнеса хай-тек – создаются «зеленые»/«умные» города наподобие Нового эколо-

гичного города на озере Сонъя или Нового района Сюньань, наукограды и т.д. [*The Chinese approach...*, 2021; *Zhu, Zhang, Wu*, 2022]²⁰.

Однако увеличение объемных показателей поддержки науки и технологий и формирование инфраструктур не гарантируют транзит к экономике знаний. И это требует в том числе смены подходов госполитики.

Пока государство действует в логике адаптированной – гибридной – промышленно-инновационной политики. Она отличается одновременно высоким уровнем интервенционализма на «критических» технологических и отраслевых направлениях (субсидии, ограничение доступа конкурентов на рынки, в ряде случаев влияние на стратегии компаний, стандартизация и пр.) и активными «системными» мерами в сфере инноваций (выстраивание инновационной инфраструктуры и венчурного сегмента, усиление научно-технического сектора и т.д.).

В силу «матричного», гибридного характера политики и с учетом регионального опыта экономического развития огромную роль в ее реализации играют «национальные чемпионы», выступающие контрагентами и инструментами государства в части отраслевых приоритетов и, частично, системных мер (как в логике государственно-частных партнерств, так и принципал-агентских отношений). Подчеркнем, что речь не идет об искусственной монополизации, а о системе, напоминающей опыт Японии образца 1960–1970-х годов, Южной Кореи 1980–1990-х годов или деголлевской Франции. При этом ради эффективности

20 These Are the Megaprojects in China's \$ 1 Trillion Infrastructure Plan // Bloomberg. – 2022. – August 26. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2022-08-25/how-china-will-spend-1-trillion-on-infrastructure-to-boost-economy> (дата обращения: 11.11.2023); China's Vast Blueprint for Tech Supremacy Over U.S. // Bloomberg News. – 2022. – January 24. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-23/china-s-vast-blueprint-for-tech-supremacy-over-u-s-quicktake> (дата обращения: 11.11.2023).

сохраняются даже элементы конкуренции (ср. развитие технологий 5G ZTE и Huawei), отсутствуют прямые ограничения для третьих игроков, например, стартапов. Однако предполагается, что по тому или иному предметному направлению наибольший эффект от деятельности субъектов и процессов НИС может быть достигнут за счет действий «чемпиона» – интегратора и «локомотива» изменений, что нередко соответствует действительности. При этом мощнейший потенциал «чемпионов» в сфере финансов, кадров и компетенций, технологий, активов и сам по себе ориентирует государство на воспроизводство данного подхода, не оставляя ему альтернатив.

Функцию «чемпионов» с конца 1990-х годов выполняли разные субъекты. Первоначально ставка делалась на госпредприятия – за счет якобы «стратегичности» их целей. С 2000-х годов на фоне их неэффективности в сфере хай-тек акценты сместились на крупные частные корпорации, такие как Huawei, Alibaba и SMIC. Этот подход с небольшими вариациями сохранялся до недавнего времени. Правда, во второй половине 2010-х годов была сделана попытка активизировать инновационно-технологический потенциал госкомпаний в рамках реформы, озвученной на XIX съезде КПК под лозунгом «Сильнее, лучше, крупнее» (рост глобальной конкурентоспособности, прежде всего за счет передовых технологий)²¹. Однако радикальных перемен, предсказуемо, не произошло.

Логика «чемпионов» выдерживалась достаточно строго и в части рассмотренных выше приоритетных техноло-

гических направлений. В микроэлектронике ставка была сделана на частную SMIC и «окологосударственную» Tsinghua Unigroup²² [Zhang, Lan, 2022; Marukawa, 2023]. В части NEV – на частную BYD и государственную SAIC. В сфере «прорывных» цифровых технологий и интернет-рынков – на крупнейшие частные интернет-корпорации Китая. Характерно, что в так называемую Национальную команду в сфере ИИ первоначально вошли только крупнейшие игроки: Alibaba, Tencent, Baidu и iFlytek. Но с начала 2020-х годов увлечение крупными «чемпионами» стало меняться на более «трезвый подход».

Несмотря на все свои достижения, в целом госпредприятия не стали локомотивами инновационной трансформации. На фоне выявившихся уязвимостей китайского технологического сектора стало ясно, что многие крупные частные компании также не смогли обеспечить необходимые прорывы – прямое следствие отсутствия мощной базы долгосрочного научно-технологического развития (в том числе прочных связей с наукой) и погони за краткосрочными рыночными достижениями. Свою роль сыграл, как представляется, и конфликт с Alibaba в 2021 г. Сводить его к чисто политическим причинам неоправданно, так как налицо был куда более сложный «микс» в том числе чисто экономических и регуляторных факторов [Данилин, 2022]. Однако доверие властей к «чемпионам» из числа крупных частных корпораций явно пошатнулось, особенно к интернет-компаниям, ранее пользовавшимся мощной поддержкой правительства. Частично подтверждением этого вы-

21 Li gets reform message across on Tianjin visits // China Daily. – 2016. – June 27. – URL: http://europe.chinadaily.com.cn/china/2016-06/27/content_25860493.htm (дата обращения: 11.11.2023); China to create bigger, stronger State-owned firms // China Daily. – 2017. – October 10. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201710/20/WS5a0ce7ada31061a738406c8c.html> (дата обращения: 11.11.2023).

22 Технологический холдинг, функционирующий в том числе как фонд стратегических инвестиций, до 2022 г. аффилированный с инвестициями Университета Цинхуа.

вода является получение государством в 2023 г. «золотых акций» отдельных предприятий, входящих в империи интернет-гигантов (от *Tencent* до *ByteDance* – китайского собственника *TikTok*)²³.

В отсутствии опыта, рыночных стимулов и на фоне искажающих рыночные сигналы «мобилизационных» мер даже «окологосударственные стратегические» инвесторы не всегда эффективны. Кризис *Tsinghua Unigroup* в 2020–2021 гг., приведший к реструктуризации и смене ее собственников, ясно показал властям, что избыточные надежды даже на, казалось бы, наиболее передовых игроков не всегда оправданы.

Если по иным направлениям и инструментам госполитики в последние годы наблюдаются, скорее, эволюция и совершенствование существующих подходов и системы управления, то в части субъектов-партнеров в инновационной трансформации экономики КНР возник реальный, хотя внешне и не артикулированный, запрос на новых контрагентов. Сложность выбора повышалась тем, что потенциал стартап-сообщества актуален только в долгосрочной перспективе и требовал дальнейшего развития институтов инновационной системы. Не отказываясь от иных партнеров, руководство страны активно искало новых субъектов, которые могли бы обеспечить прогресс новых индустрий и разработку передовых технологий.

Ответ неожиданно был обнаружен при решении, по сути, другой пробле-

мы. В борьбе за импортозамещение, технологический суверенитет и преодоление критических ограничений на рынках специализированных промышленных технологий китайское правительство обратило взгляд на динамичные специализированные МСП – как стартапы, так и устоявшиеся компании (в российской терминологии часто именуются «газелями»). Эти компании за свой потенциал развития промышленности получили название «маленькие гиганты».

Большие надежды на «маленьких гигантов»

Согласно сумме существующих определений под термином «маленькие гиганты» понимаются МСП, имеющие доход от 100 до 400 млн юаней (приблизительно 14–55 млн долл.) и ежегодный рост прибыли не менее 10%. Они должны быть связаны с разработкой и производством передовых технологических решений в той или иной (под)отрасли и занимать значимые или ведущие позиции на внутреннем рынке. К формальным требованиям относится также высокая доля научно-технологического и инновационного персонала (более 15% занятых).

Концепция «маленьких гигантов» возникла как минимум в 2005 г. и была связана с мероприятиями властей провинции Хунань²⁴. Позднее опыт стал масштабироваться в иных регионах, в том числе центральных. В итоге в 2018 г. центральные власти взяли на вооружение лучшие региональные

23 Capri A. How China's Tech Crackdown Impacts Foreign Investment // The Hinrich Foundation. – 2023. – 11 April. – URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/tech/china-tech-crackdown-impacts-foreign-investment/> (дата обращения: 11.11.2023); Beijing takes 'golden share' in a Tencent subsidiary, records show // Reuters. – 2023. – October 19. – URL: <https://www.reuters.com/world/china/beijing-takes-golden-share-tencent-subsidiary-records-show-2023-10-19/> (дата обращения: 11.11.2023).

24 China's 'Little Giants' Are Its Latest Weapon in the U.S. Tech War // Bloomberg News. – 2022. – January 24. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-23/china-us-xi-jinping-backs-new-generation-of-startups-in-tech-war> (дата обращения: 11.11.2023).

практики и вывели политику поддержки «маленьких гигантов» на общенациональный уровень. Как можно понять, первоначально «гиганты» не рассматривались как системный инструмент развития и инновационной трансформации. Однако быстрое развитие и успехи программы привели китайское руководство к переосмыслению роли «гигантов».

В 2018 г. Национальная комиссия развития и реформ, Министерство финансов, Комиссия по надзору и управлению государственным имуществом Госсовета КНР и Министерство промышленности и информационных технологий (МПИТ) обнародовали трехлетний план действий по развитию 600 «маленьких гигантов» – на тот момент во взаимосвязи с развитием инновационной инфраструктуры²⁵. А в июне 2019 г. МПИТ КНР уже опубликовало их первый перечень (34 компании) и сформировало списки претендентов на этот статус²⁶.

В последующие годы поддержка росла экспоненциально [Brown, Chimits, Sebastian, 2023]²⁷. В 2021 г. было объявлено о финансировании программы на уровне 10 млрд юаней (1,55 млрд долл.) до 2025 г. Были введены регуляторные меры поддержки «гигантов», обеспечен их доступ к кредиту, преференциальные условия выхода на биржу и пр. До 2023 г. состоялось четыре раунда отбора «маленьких гигантов» (пя-

тый пройдет до конца 2023 г.). В итоге в 2024 г. статус получают около 10 тыс. компаний, хотя первоначально это значение планировалось достичь лишь к 2025 г.

И хотя программа развития «гигантов» далеко не единственный инструмент поддержки технологических МСП [Brown, Chimits, Sebastian, 2023] и не предполагает отказ от взаимодействия с иными игроками, стало ясно, что в структуре госполитики наметились существенные перемены. Этот новый акцент на бизнес, особенно на МСП, прослеживается и в иных мерах правительства – от либерализации регулирования (в том числе ПИИ) до поощрения доступа МСП к кредиту²⁸.

По сути, «маленькие гиганты» становятся инструментом повышения динамизма сектора хай-тек за счет решения ряда взаимосвязанных задач. Помимо изначальной логики выращивания нишевых лидеров по образцу германских *Mittelstand* для решения актуальных технологических проблем в промышленности, это явно еще и балансирование НИС с потенциалом формирования новой когорты «чемпионов» и компенсации непропорционального роста влияния небольшой группы крупнейших технологических корпораций. Во-вторых, это, выражаясь академическим языком, создание условий для шумпетеровского «созидательного разрушения»,

25 Development zones get big push from govt By Yu Xiaoming // China Daily. – 2018. – December 11. – URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/201812/11/WS5c0f4ecaa310eff3032905b7.html> (дата обращения: 11.11.2023).

26 Over 400 firms on China's new third board qualify as 'little giants' // Xinhua. – 2019. – June 10. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201910/06/WS5d992c51a310cf3e3556edf2.html> (дата обращения: 11.11.2023).

27 Innovative SMEs to get policy boost in financing // China Daily. – 2021. – February 4. – URL: https://english.www.gov.cn/policies/policywatch/202102/04/content_WS601b47d2c6d0f72576945164.html (дата обращения: 11.11.2023); China's Vast Blueprint for Tech Supremacy Over U.S. // Bloomberg News. – 2022. – January 24. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-01-23/china-s-vast-blueprint-for-tech-supremacy-over-u-s-quicktake> (дата обращения: 11.11.2023); 'Little giants' enjoy outsized innovation role // China Daily. – 2023. – March 31. – URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/31/WS642636e3a31057c47eb7958.html> (дата обращения: 11.11.2023).

28 China's 31-point plan vows private firms, like state brethren, will be 'bigger, better and stronger' // The South China Morning Post. – 2023. – July 20. – URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3228308/can-chinas-new-action-plan-lift-economy-out-deep-rooted-malaise-bring-market-peace-mind>.

то есть условий структурного изменения экономики благодаря новым рынкам и технологиям, формируемым новыми субъектами. А это в совокупности и позволит создать те самые условия устойчивого роста, необходимые для реализации новых технологических направлений.

Между тем понятно, что «маленькие гиганты» (как и «чемпионы») являются не панацеей, а лишь инструментом повышения динамизма технологического сектора на среднесрочную перспективу и решения отдельных актуальных технологических задач. И этот момент ярко подсвечивает одну из основных проблем китайской технологической политики.

Налицо своего рода реактивный и слабо скоординированный характер ее инструментов и подходов. То есть в ответ на конкретную, пусть и большую, проблему вводятся те или иные изменения, будь то технологический приоритет или повышение гибкости развития бизнес-сектора в сфере хайтек. При этом взаимосвязи различных мер и групп мероприятий, а также различных субъектов неочевидны при (как минимум внешне) явной переоценке значения отдельных мер и мероприятий, часто стремительно расширяющихся в логике «кампаний».

Разумеется, такая ситуация не уникальна для КНР и к тому же во многом объясняется остротой и быстротой актуализации внешних и внутренних вызовов. Однако по той же причине ошибки развития могут дорого обойтись Китаю.

Беспокоит и то, что, активно развивая свою науку и пытаясь наладить

связи бизнеса, вузов и иных исследовательских структур, КНР пока не демонстрирует столь же выраженных успехов в формировании научной системы западного типа.

Это тем более верно, что и сами изменения в научной сфере пока оценить сложно. Китай стремительно наращивает инвестиции в фундаментальные исследования (28,3 млрд долл. в 2022 г.), однако их доля в общих ИР пока меньше, чем в развитых странах (лишь 6,3%). Не всегда очевиден и рост качества науки. С 2016 г. КНР занимает первое место по числу научных публикаций, а с 2021–2022 гг. и по доле самых высокоцитируемых научных работ²⁹. Но вклад науки как института в новые большие шаги в сфере приоритетных технологий и, главное, в создание новых технологических прорывов уже не столь неочевиден, как и устойчивость системных связей между бизнесом и наукой за пределами предметных работ. И особенно хорошо это ощущается на примере тех же «маленьких гигантов»: многие имеют связи с вузами и другими структурами, но господдержка пока не предполагает их погружения в научно-технологическую среду или хотя бы идеологию «от лаборатории к рынку».

Заключение

Китайская технологическая политика совершает исторический переход к новой сложной и многоуровневой системе, соответствующей масштабу стоящих перед КНР задач.

Прежде всего, требуется синхронизация действующей системы секто-

29 См., например: China invests nearly US\$ 28.3B in basic research in 2022 // The State Council Information Office of China. – 2023. – February 24. – URL: english.scio.gov.cn/m/pressroom/2023-02/24/content_85126878.htm#:~:text=China's%20total%20expenditure%20on%20R%26D,Zhigang%20told%20a%20press%20conference (дата обращения: 11.11.2023); China rises to first place in most cited papers // Science. – 2022. – August 17. – URL: <https://www.science.org/content/article/china-rises-first-place-most-cited-papers> (дата обращения: 11.11.2023). Те же оценки лидирующей роли КНР в структуре высокоцитируемых/качественных статей даны в *Nature Index* за 2023 г.

ральных приоритетов с задачей культивирования новых и реконфигурации традиционных субъектов развития, а также с развитием инновационной инфраструктуры. Растущая сложность и многоголосье в управлении развитием грозят Китаю «ловушкой ЕС» с его огромным числом разноуровневых и разноплановых мер и слабыми системными результатами.

Ко всему прочему нужно помнить и про контекст эволюции технологической политики: требуются быстрые и эффективные результаты в ответ на предметные вызовы технологического импортозамещения (прежде всего в сфере микроэлектроники). Это не способствует системности, но актуализирует такие проблемы, как рентное поведение субъектов и искажение рыночных сигналов.

Не менее серьезные вопросы вызывает роль государства, которая постепенно растет, – пусть и в ответ на реальные внешние вызовы и внутренние ограничения. Дирижизм, «кампании», выбор лидеров и прочие издержки вынужденного гиперактивного интервенционализма способны привести к серьезным «провалам» развития, снизив в том числе творческий потенциал тех же «маленьких гигантов». И опыт «чемпионов», как и ожидаемая переоценка потенциала «гигантов», может еще более усилить государство-центричные настроения.

По сути, китайским властям придется вернуться к вопросу о доформировании институтов НИС и прежде всего их взаимосвязей за пределами «формальной» инфраструктуры. А это является, несомненно, сложным и недетерминированным процессом. Пока этот вопрос носит отложенный характер. Но именно ответ на него определит эффективность технологической политики КНР на перспективу.

Список литературы

Данилин И.В. Борьба с интернет-монополиями в Китае и США // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2022. – Т. 66, № 10. – С. 73–80. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-73-80.

Коледенкова Н.Н. Высокотехнологичное производство: основа модернизации обрабатывающей промышленности Китая // *Восточная Азия: факты и аналитика*. – 2022. – № 1. – С. 53–64. – DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-53-64.

Перская В., Ревенко Н. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития // *Азия и Африка сегодня*. – 2020. – № 7. – С. 19–25. – DOI: 10.31857/S032150750010100-2.

Brown A., Chimits F., Sebastian G. Accelerator state: How China fosters “Little Giant” companies // *Mercator Institute for China Studies (MERICS). Report*. – 2023. – URL: <https://merics.org/en/report/accelerator-state-how-china-fosters-little-giant-companies> (дата обращения: 11.11.2023).

Ding J. Techno-Industrial Policy for New Infrastructure: China’s Approach to Promoting Artificial Intelligence as a General Purpose Technology // *The University of California Institute on Global Conflict and Cooperation (IGCC). Working Paper*. – 2022. – November. – 22 p. – URL: https://ucigcc.org/wp-content/uploads/2022/12/Ding_working-paper_IGCC-2022-1.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

Fuller D.B. Growth, Upgrading and Limited Catch-up in China’s Semiconductor Industry // *Policy, Regulation, and Innovation in China’s Electricity and Telecom Industries* / Ed. by L. Brandt, T.G. Rawski. – Cambridge : Cambridge University Press, 2019. – P. 262–303.

Johansson A.C. China’s AI Ecosystem // *Stockholm China Economic Research Institute. Stockholm School of Economics*. –

2022. – 68 p. – URL: <https://www.hhs.se/contentassets/bc962221471a415b-a8ac01fbbf160277/chinas-ai-ecosystem-nov-2022.pdf> (дата обращения: 11.11.2023).

Kalthaus M., Sun J. Determinants of Electric Vehicle Difusion in China. *Environmental and Resource Economics*. – 2021. – Vol. 80. – P. 473–510. – DOI: 10.1007/s10640-021-00596-4/.

Liu L., Ding T., Wang H. Digital Economy, Technological Innovation and Green High-Quality Development of Industry: A Study Case of China // *Sustainability*. – 2022. – Vol. 14. – Article 11078. – DOI: 10.3390/su141711078.

Marukawa T. From Entrepreneur to Investor: China's Semiconductor Industrial Policies // *Issues & Studies: A Social Science Quarterly on China, Taiwan, and East Asian Affairs*. – 2023. – Vol. 59, N 1. – 21 p. – DOI: 10.1142/S10132511.

Pan D. Storing data on the margins: making state and infrastructure in Southwest China // *Information, Communication & Society*. – 2022. – Vol. 25, N 16. – P. 2412–2426. – DOI: 10.1080/1369118X.2022.2077125.

Shingo I. The Chinese Government's Financial Support for the Semiconductor Industry: Further Strengthening Support Despite Dilemma // *Institute for Future Initiatives (IFI). The University of Tokyo. SSU-Working Paper*. – 2022. – N 6. – 25 p. – URL: https://ifi.u-tokyo.ac.jp/en/wp-content/uploads/2022/03/SSU_WP_SItto_EN20220214.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

Song L., Wen Y. Financial subsidies, tax incentives and technological innovation in China's integrated circuit industry // *Journal of Innovation & Knowledge*. – 2023. – Vol. 8, issue 3. – 14 p. – DOI: 10.1016/j.jik.2023.100406.

The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation / Roberts H. [et al.] // *AI & Society*. – 2021. – Vol. 36. – P. 59–77. – DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2.

The Chinese plug-in electric vehicles industry in post-COVID-19 era towards 2035: Where is the path to revival? / Hu Y., Qu S., Huang K., Xue B., Yu Y. // *Journal of Cleaner Production*. – 2022. – Vol. 361. – 10 p. – DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132291.

Wu J., Zhang Y., Shi Z. Crafting a Sustainable Next Generation Infrastructure: Evaluation of China's New Infrastructure Construction Policies // *Sustainability*. – 2021. – Vol. 13. – 18 p. – DOI: 10.3390/su13116245.

Zhang L., Lan T. The new whole state system: Reinventing the Chinese state to promote innovation // *Environment and Planning A: Economy and Space*. – 2023. – Vol. 55, N 1. – P. 201–221. – DOI: 10.1177/0308518X221088294.

Zhu K., Zhang F., Wu F. Creating a state strategic innovation space: the development of the Zhangjiang Science City in Shanghai // *International Journal of Urban Sciences*. – 2023. – Vol. 27, N 4. – P. 599–621. – DOI: 10.1080/12265934.2022.2132988.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.08

The Evolution of the Chinese Policy for the Development of the High-tech Sector: from New Technologies to New Actors?

Ivan V. DANILIN

PhD (Political Sciences), Head of Department for Science and Innovation
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: danilin.iv@imemo.ru
ORCID: 0000-0002-4251-1998

CITATION: Danilin I.V. (2023). The Evolution of the Chinese Policy for the Development of the High-tech Sector: from New Technologies to New Actors? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 129–145 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.08

Received: 14.11.2023.

Revised: 18.12.2023.

ABSTRACT. *China is facing growing geopolitical and socio-economic challenges and rising technology intensity of the Chinese economy is seen as a rational response to it. The PRC is focusing on the priority areas: microelectronics, emerging digital technologies, electric vehicles, etc. These measures increasingly correlate with other policies: supporting GDP growth (rise of output, employment, exports and domestic demand for high-tech); reducing critical vulnerabilities of the national high-tech sector from imports and sanctions; laying basis for accelerated growth. However, this has only limited potential for the innovative transformation of the Chinese economy. New approaches to the technological development are needed, also including the relations between the state and the business sector. The Chinese technology policy traditionally relies on large companies – «national champions». But due to the limited efficiency of both state-*

owned enterprises and private companies, in recent years fast-growing tech-intensive small and medium enterprises appeared in the focus of government support. Initially, they were used for import substitution and development of critical industrial technologies. But now these «little giants» are seen by the PRC as a means to balance the national innovation system (including new sources of «creative destruction»). However, this – as well as other policies and instruments – also has an ad-hoc nature. The PRC needs to systematize its policy and stress connections between different measures and actors. The role of the state is also questionable since it becomes more interventionist. Further formation of the NIS institutions is required.

KEYWORDS: *China, technology policy, electric vehicles, digital technologies, «little giants», small and medium-sized enterprises, innovation systems.*

References

- Brown A., Chimits F., Sebastian G. (2023). Accelerator state: How China fosters “Little Giant” companies. *Mercator Institute for China Studies (MERICS) Report*. Available at: <https://merics.org/en/report/accelerator-state-how-china-fosters-little-giant-companies>, accessed 11.11.2023.
- Danilin I. (2022). Fighting Internet Monopolies in China and the U.S.A. *World Economy and International Relations*. Vol. 66, no. 10, pp. 73–80 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-10-73-80.
- Ding J. (2022). Techno-Industrial Policy for New Infrastructure: China’s Approach to Promoting Artificial Intelligence as a General Purpose Technology. *The University of California Institute on Global Conflict and Cooperation (IGCC). Working Paper*. November, 22 pp. Available at: https://ucigcc.org/wp-content/uploads/2022/12/Ding_working-paper_IGCC-2022-1.pdf, accessed 11.11.2023.
- Fuller D.B. (2019). Growth, Upgrading and Limited Catch-up in China’s Semiconductor Industry. In: Brandt L., Rawski T.G. (eds). *Policy, Regulation, and Innovation in China’s Electricity and Telecom Industries*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 262–303.
- Johansson A.C. (2022). *China’s AI Ecosystem*. Stockholm China Economic Research Institute. Stockholm School of Economics. 68 pp. Available at: <https://www.hhs.se/contentassets/bc962221471a415b-a8ac01fbbf160277/chinas-ai-ecosystem-nov-2022.pdf>, accessed 11.11.2023.
- Kalthaus M., Sun J. (2021). Determinants of Electric Vehicle Diffusion in China. *Environmental and Resource Economics*. Vol. 80, pp. 473–510. DOI: 10.1007/s10640-021-00596-4.
- Koledenkova N.N. (2022). High-tech production: the basis for the modernization of China’s manufacturing industry. *Vostochnaya Aziya: fakty i analiza*. Vol. 1, pp. 53–64 (in Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-1-53-640.
- Liu L., Ding T., Wang H. (2022). Digital Economy, Technological Innovation and Green High-Quality Development of Industry: A Study Case of China. *Sustainability*. Vol. 14, article no. 11078. DOI: 10.3390/su141711078.
- Marukawa T. (2023). From Entrepreneur to Investor: China’s Semiconductor Industrial Policies. *Issues & Studies: A Social Science Quarterly on China, Taiwan, and East Asian Affairs*. Vol. 59, no. 1, 21 pp. DOI: 10.1142/S10132511.
- Pan D. (2022). Storing data on the margins: making state and infrastructure in Southwest China. *Information, Communication & Society*. Vol. 25, no. 16, pp. 2412–2426. DOI: 10.1080/1369118X.2022.2077125.
- Perskaya V.V., Revenko N.S. (2020). “Made in China 2025: Chinese experience in achieving national development goals. *Asia and Africa Today*. No. 7, pp. 19–25 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750010100-2.
- Shingo I. (2022). The Chinese Government’s Financial Support for the Semiconductor Industry: Further Strengthening Support Despite Dilemma. *Institute for Future Initiatives (IFI). The University of Tokyo. SSU-Working Paper No. 6*, 25 pp. Available at: https://ifi.u-tokyo.ac.jp/en/wp-content/uploads/2022/03/SSU_WP_Sito_EN20220214.pdf, accessed 11.11.2023.
- Song L., Wen Y. (2023). Financial subsidies, tax incentives and technological innovation in China’s integrated circuit industry. *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 8, issue 3, 14 pp. DOI: 10.1016/j.jik.2023.100406.
- The Chinese approach... (2021). Roberts H. et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*. Vol. 36, pp. 59–77. DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2.

The Chinese plug-in... (2022). Hu Y. et al. The Chinese plug-in electric vehicles industry in post-COVID-19 era towards 2035: Where is the path to revival? *Journal of Cleaner Production*. Vol. 361, 10 pp. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132291.

Wu J., Zhang Y., Shi Z. (2021). Crafting a Sustainable Next Generation Infrastructure: Evaluation of China's New Infrastructure Construction Policies. *Sustainability*. Vol. 13, 18 pp. DOI: 10.3390/su13116245.

Zhang L., Lan T. (2023). The new whole state system: Reinventing the Chinese state to promote innovation. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 55, no. 1, pp. 201–221. DOI: 10.1177/0308518X221088294.

Zhu K., Zhang F., Wu F. (2022). Creating a state strategic innovation space: the development of the Zhangjiang Science City in Shanghai. *International Journal of Urban Sciences*. Vol. 27, no. 4, pp. 599–621. DOI: 10.1080/12265934.2022.2132988.

Культура и идентичность

УДК 008

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Интеллектуальная среда как объект исследования: факторы развития и точки уязвимости

Алла Григорьевна ГЛИНЧИКОВА

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: alla.glinchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4198-2018

ЦИТИРОВАНИЕ: Глинчикова А.Г. Интеллектуальная среда как объект исследования: факторы развития и точки уязвимости // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 146–166.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Статья поступила в редакцию 09.10.2023.

Исправленный текст представлен 27.11.2023.

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается понятие интеллектуальной среды как сообщества людей, нацеленного на создание интеллектуально-творческого продукта и связанного определенным коммуникативным полем. Это сообщество рассматривается как кумулятивный субъект производства инновационного продукта, как часть общественного пространства, отвечающая за производство, обмен, распределение и воспроизводство интеллектуальных ресурсов. В статье представлен обзор существующих подходов и понятий, используемых для исследования данного феномена, таких как *epistemic community*, *intellectual milieu*, *knowledge society*, *Information society*, *knowledge economy*, *free-floating intelligentsia*, *human capital*, *intellectual capital* и др. Рассматриваются базовые факторы, способствующие эффективному развитию интеллектуальной среды: социально-политический,

экономический, коммуникативный, социокультурный. Особое внимание уделено специфике российской традиции становления интеллектуальной среды, выявляется прерывистый и нелинейный тип ее эволюции как в отношении к глобальной интеллектуальной среде, так и по отношению к своим собственным интеллектуальным корням и традициям. Подчеркивается специфический двойственный характер интеллектуального поля России, связанный с особенностями процесса ее модернизации. Высказана мысль о двух возможных векторах развития глобальной интеллектуальной среды: сегментивном и интеграционном – как важной дилемме современной международной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интеллектуальная среда, интеллектуальное поле, интеллектуальный капитал, глобальная интеллектуальная среда, сегмен-

тивный тип развития, интегративный тип развития, интеллектуальная среда России, факторы развития интеллектуальной среды, интеллектуальный продукт, культурная традиция.

Понятие «интеллектуальная среда» в социально-политическом измерении

Предыстория вопроса

Понятие «интеллектуальная среда» нельзя назвать устоявшимся. В литературе мы встречаем такие термины, как «интеллектуалы» (*intellectuals*), «поле символического производства», *epistemic community*, *intellectual milieu*, *human capital* и др.¹ Однако идея о том, что интеллектуальная сфера является, с одной стороны, особым, весьма специфичным кластером современного общества, а с другой стороны, его важнейшим измерением, значение которого динамично нарастает, не нова. Если исследование интеллектуальной среды в рамках «социологии знаний» начала века (Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Л. Флек) фокусировалось на вопросах получения и передачи знаний, то исследователи второй половины XX в. (М. Фуко, П. Бурдьё, К. Леви-Стросс) занялись исследованием конструирования и «производства» интеллектуальной среды как таковой [Barnes, 2014; Knowledge and Flexibility..., 1988; Foucault, 1980].

Одни ученые предлагают определять современное общество как «общество знания» (*Knowledge society*) либо «информационное общество» (*Information*

society) [Bell, 1972; Castels, 2010; Stehr, 2018; Webster, 2014]. Экономисты предлагают исследовать интеллектуальную среду как особое, специфическое пространство со своими законами «производства» (*knowledge production*), «воспроизводства» (*knowledge reproduction*), «распределения» (*knowledge dissemination*), «потребления» (*knowledge consumption*), весьма отличными от сферы создания материального нетворческого продукта, и используют при этом такие понятия, как «информационная экономика» (*information economy*) либо «экономика знания» (*knowledge economy*) [Rubin, Huber, Taylor, 1986].

Политологи и экономисты ставят вопрос о политической природе интеллектуальной сферы: является ли она сферой частно-индивидуальной или общественно-публичной; а вместе с экономистами они ставят очень важную проблему социальной специфики интеллектуального продукта: является ли он просто еще одним товаром (*commodity*), наряду с другими, или он имеет совершенно особую социальную природу и является исключительно общественным благом (*social good*) по типу своего воспроизводства и потребления.

Интеллектуальная среда становится объектом исследования и со стороны философов, которых прежде всего интересует ее природа, они с особым вниманием начинают анализировать ее функцию по конструированию реальности [Berger, Luckmann, 1967; Luhmann, 1990]. Разумеется, первое, что бросается в глаза при исследовании интеллектуальной среды – это то,

¹ На сегодняшний день существует огромное множество понятий, которые в том или ином аспекте подступаются к теме интеллектуальной среды: *nooshere* (ноосфера), *knowledge society*, *intellectual milieu*, *information society*, *knowledge economy*, *information economy*, *knowledge production*, *knowledge disseminating operations*, *knowledge system*, *collective representations*, *social categories*, *collective mentalities*, *shared assumptions*, *the Leisure Class*, *keepers of esoteric knowledge*, *classless stratum*, *free-floating intelligentsia*, *scientific establishments*, *cultural capital*, *knowledge holders*, *habitus*, *epistemological communities*, *micro-spaces*, *intelligentsia*, *men of letters*, *clergy* и др.

что ее продуктом является «знание», поэтому исследование интеллектуальной среды для многих выступает как исследование сферы производства, распределения, потребления именно знания. И тут, по мере изучения, выясняется, что сфера «знания» постоянно развивается, проходит различные этапы, циклы в ходе своей эволюции.

Рональд Инглетарт предлагает особые принципы оценки эффективности вложений в развитие интеллектуальной среды, рассматривая ее как сферу качественного роста, разрабатывает показатель индекса развития человеческого потенциала. Мишель Фуко вводит понятие «археология знания» как важный новаторский инструмент дерутинизации исследования интеллектуальной среды. Свою социологическую методологию исследования интеллектуальной среды как «сферы академического» предлагают Пьер Бурдьё и его последователи и ученики в теории полей [Bourdieu, 1984]. Поскольку интеллектуальная среда рассматривается как «система знания» (*knowledge system*), ее эволюцию предлагают исследовать сквозь призму описания систем знания прошлого либо «иных систем», чтобы увидеть ее ограничения [Fleck, 1981; Worsley, 1956].

На рубеже XX и XXI вв. в развитие идеи полей П. Бурдьё появляются теории «новой интеллектуальной среды» в концепциях Ж. Сапиро и Л. Тевено, в которых особую остроту приобретает тема места интеллектуальной среды в пространстве между государством и предпринимательством [Сапиро, 2011]. А. Тоффлер и М. Кастельс исследуют влияние новых информационных технологий на изменение природы интеллектуальной среды в эпоху глобализации.

Наконец, под влиянием новой консервативной волны появляются так называемые новые правые интеллек-

туалы, которые на первый план ставят тему неоконсервативного поворота в политических ориентациях интеллектуальной среды с нарастанием религиозного и традиционалистского компонента [Johnson, 2007; Gitlin, 2007]. В концепции Стива Фуллера возникает идея смещения ядра интеллектуальной среды от академической сферы к практической [Фуллер, 2021].

Особое место в исследовании природы интеллектуальной среды и творческого процесса в целом занимают концепции российских и советских интеллектуалов. В.И. Вернадский и Л.С. Выготский в первой половине XX в. разрабатывали «теорию ноосферы» и культурно-историческую концепцию формирования интеллектуального процесса [Вернадский, 1991; Выготский, 1996]. Во второй половине XX в. интеллектуальная среда исследовалась в работах Э. Ильенкова, которого интересовали проблемы формирования и эволюции «идеального», а также методология исследования интеллектуальных процессов [Ильенков, 1984]. Много внимания творческому кластеру было уделено в работах Г. Батищева, посвященных деятельностному аспекту развития интеллектуальной среды и проблеме отчуждения в этой сфере [Теория познания..., 1991]. Предпринимались определенные попытки анализа социально-политических особенностей этого кластера, его политического сознания в работах Г. Дилигенского, Ю. Лотмана [Дилигенский, 2002; Лотман, 1992]. На рубеже XX–XXI вв. тема интеллектуальной среды с точки зрения различных ее аспектов исследовалась в работах А. Аузана [Аузан, 2017], А. Глинчиковой (например, [Глинчикова, 2007]), Л. Фадеевой [Фадеева, 2012], С. Белякова, Т. Клячко [Беляков, Клячко, 2013], Е. Вишленковой, О. Запорожец [Сословие..., 2013] и многих других авторов.

В современной российской литературе термин «интеллектуальная среда» используется всё чаще и набирает популярность как в работах, посвященных бизнесу и менеджменту в инновационных сферах, так и в статьях, анализирующих интеллектуальное пространство как специфическое социальное поле, включающее в себя сферы образования, науки, культуры, то есть сферы, нацеленные на воспроизводство творческого потенциала общества.

На сегодняшний момент тема интеллектуальной среды приобретает новое, особое звучание, поскольку это именно та сфера жизни общества, от успешного развития которой будет зависеть не только позиция страны в непростой политической ситуации, но и само выживание нашего общества. Важнейшим приоритетом складывающегося сегодня нового мирового порядка будет создание условий для дальнейшего развития глобальной интеллектуальной среды, и от стратегии каждого государства будет зависеть то, какое место для своего общества оно сможет обеспечить в этом глобальном интеллектуальном пространстве. А для формирования такой стратегии необходимо четко определить те факторы, от которых зависят эффективное развитие и воспроизводство интеллектуальной среды.

Интеллектуальная среда как особый социальный кумулятивный субъект

Для начала важно понять, почему из всех возможных вариантов мы выбираем именно термины «интеллектуальная среда», а не, скажем, «интеллектуальный капитал» или «человеческий капитал», которые часто используются при анализе интеллектуальной среды.

Не отрицая значимости рассмотрения интеллектуальной сферы, отмечая ее особое место в стоимостных,

рыночных отношениях, мы исходим из того, что, прежде чем использовать с прибылью ее продукты, необходимо воспроизводить, формировать, расширять и поддерживать ту социальную коммуникативную основу, которая является важнейшим условием их появления. И коль скоро нас интересует именно этот аспект исследования интеллектуального пространства, мы используем понятие «среда». Любопытно, что в России именно этот «средовой» подход к анализу интеллектуального пространства в последнее время всё больше набирает популярность.

В самом общем и предварительном определении интеллектуальная среда – это то коммуникативно-социальное пространство, которое либо позволяет актуализацию творческого потенциала общества, либо препятствует ей, и в этом своем качестве выступает как важнейшая предпосылка и одновременно составная часть субъекта производства инновационного продукта, субъекта творческого труда. В определенном смысле всё человечество является интеллектуальной средой, как и всякий отдельный человек, коль скоро он является творцом, изобретателем, постоянно осваивающим, создающим и применяющим «новое» в своей непосредственной деятельности. Но в ходе общественного развития происходит специализация деятельности людей, при которой только малая (хотя и неуклонно нарастающая) часть человечества имеет время и возможность профессионально заниматься интеллектуально-творческой деятельностью и создавать творческий продукт, имеющий общесоциальную значимость. Именно эта часть человеческого сообщества, непосредственной и исключительной функцией которой является создание инновационного, творческого продукта в разных сферах общественной жизни,

и может быть определена как интеллектуальная среда в более конкретном интересующем нас смысле этого слова. Таким образом, речь идет о части общественного пространства, отвечающей за производство, обмен, распределение и воспроизводство инновационных/интеллектуальных продуктов и рабочей силы творческого труда. Нас интересует социальная природа этого сообщества, его специфика, динамика его места в социальном процессе, его социальные границы, его отношения с другими «средами», выполняющими иные функции по обеспечению жизни общественного целого, факторы, способствующие и препятствующие его развитию.

Интеллектуальная среда включает в себя и институциональный компонент: учебные заведения разного уровня (дошкольные учреждения, школы, университеты); научные учреждения (академии, научно-исследовательские институты); научно-информационные учреждения (журналы, порталы, информационные каналы, телевидение, радио, библиотеки); административно-управленческие институты (министерства, ведомства, комиссии); художественно-творческие институты (театры, музеи, музыкальные объединения, концертные залы, художественные галереи, кино, эстрада); финансово-коммерческие организации, рекламные, продюсерские центры; религиозные организации. Однако институциональная структура – лишь формализованная верхушка «айсберга». Важно понимать, что существует еще огромная «подводная» неформализуемая коммуникативная часть интеллектуального пространства, которую формируют ученые и деятели искусства и которая позволяет им максимально продуктивно реализовывать свой творческий потенциал. Именно это сообщество людей, нацеленное

на создание интеллектуально-творческого продукта и связанное определенным коммуникативным полем, мы и называем интеллектуальной средой. Термин «поле» в применении к интеллектуальной среде имеет под собой достаточные основания хотя бы потому, что «интеллектуал» почти так же, как элементарная частица, образно выражаясь, тоже не имеет «массы покоя», то есть существует не в форме отдельной частицы-корпускулы, а в качестве «интеллектуального поля» [Мещеряков, 1974; Теория познания..., 1991]. И если талантами нас наделяет природа, то коммуникативное поле, в пространстве которого формируются, существуют и взаимодействуют эти таланты, есть социальный продукт, создаваемый людьми. Мы можем предположить, что это пространство имеет свою логику развития, как всякая сложно организованная среда, и, несомненно, особенности формирования этого пространства неразрывно связаны с другими общественными подсистемами (экономической, политической, культурной, социальной, информационной). Она не только испытывает воздействие со стороны этих подсистем, но и, в свою очередь, оказывает на них серьезное влияние.

Когда мы говорим о том, что реальным субъектом создания интеллектуально-творческого продукта являются не отдельные индивиды, а люди, погруженные и формирующие в ходе своей деятельности интеллектуальную среду, мы, по существу, говорим о том, что продукт и субъект интеллектуально-творческого труда на самом деле весьма специфичны по своей природе и имеют непосредственно-общественный характер. Интеллектуальная среда – это не просто информационное пространство, окружающее творцов, это коммуникативное пространство-процесс, которое является

важнейшим моментом актуализации творческого акта каждого участника коммуникативной сети. Это не просто сеть обмена готовыми интеллектуальными продуктами, а важнейший фактор самого создания, рождения творческого продукта.

Факторы развития интеллектуальной среды

Существует множество факторов, способствующих развитию интеллектуальной среды. Мы можем говорить и об институциональном аспекте ее организации, и о демографических параметрах ее развития, мы можем рассматривать поколенческий аспект в развитии интеллектуальной среды, информационный фактор и так далее. В данном случае мы остановились на нескольких факторах, которые, на наш взгляд, имеют определяющее значение, а дальнейшее развитие этих исследований вглубь по линии всё более конкретных аспектов, надеемся, будет продолжено.

Фактор автономии

Нужно понимать, что, с одной стороны, интеллектуальная среда – это качественно особая сфера общества, которая обладает определенными существенными чертами, не зависящими от времени и места, то есть чертами, которые в той или иной форме воспроизводятся в каждую эпоху и в любом цивилизационном пространстве. Это те черты, которые характеризуют интеллектуальную среду как *целое*. Они касаются неотчуждаемой природы собственно творческого процесса, непосредственно общественного, коммуникативного характера потребления, воспроизводства и воспроизводства самих акторов творческого труда, универсальной ценности ее значимых про-

дуктов. Одновременно «интеллектуальная среда» есть явление постоянно развивающееся и порой весьма сегментивно, следовательно, проходящее разные стадии развития, то есть воспроизводящее свою сущностную природу в разных формах, зависящих от времени и места. Так, в период европейского Средневековья интеллектуальная среда развивалась преимущественно в рамках церковного пространства, при этом разные ее сегменты, такие как религиозный, научный, образовательный и культурный, были смешаны. В Новое время происходит секуляризация культурного и научно-образовательного полей интеллектуальной среды, институциональное и содержательное размежевание ее сегментов с их последующей структуризацией и специализацией. В настоящий период мы переживаем новый этап интердисциплинарной синергии и реформативное интеллектуального пространства под влиянием развития новых информационных технологий. В этом смысле она есть целое, пребывающее в постоянной смене временных и цивилизационных форм. Однако любая интеллектуальная среда не может развиваться, если в обществе отсутствует необходимое пространство для ее автономии [Bourdieu, 1984]. Масштабы этой автономии и формы ее обеспечения могут быть разными, будь то автономия от церковного диктата, от жесткого бюрократического вмешательства и контроля или от порой не менее агрессивного давления рынка. Существует критический уровень политической и духовной автономии, который должен быть обеспечен и гарантирован как важнейшее условие эффективного развития интеллектуальной среды. Разумеется, эта автономия никогда не была абсолютной, интеллектуальная среда всегда «отвоевывала» это пространство и стремилась его поддерживать и расширять. Как пра-

вило, оно было очень фрагментарным и объединяло включенных в творческий и исследовательский процесс людей и тех, кто был причастен к их финансированию и организации. Это был всегда остров в океане политических ограничений, но тип политического устройства должен был как минимум позволять, допускать существование внутри себя этого острова относительно свободного общения, творчества, обучения, обмена идеями.

Мера открытости

Второй очень важный социально-политический аспект – это аспект равенства возможностей, обеспечиваемый и поддерживаемый достаточно высокой социальной мобильностью. Уровни этого равенства возможностей и масштабы социальной мобильности в разные эпохи могли быть разными, но очевидно, что всегда существовал минимальный порог, недостижимость которого препятствовала развитию интеллектуальной среды и вела к ее деградации. В этом плане можно сравнить первые послереволюционные или послевоенные десятилетия в СССР с высоким уровнем притока свежих сил в образовательное и научное пространство, породившее расцвет науки и искусства, и конец 1970-х – начала 1980-х годов, когда социальная мобильность резко замедлилась и интеллектуальное пространство, по сути, стало принимать «кастовые» формы воспроизводства, при которых дети актеров непременно становились актерами, дети философов – философами, дети врачей – врачами, дети певцов – певцами и т.д. Со временем это привело к стагнации в интеллектуальном пространстве, за которым последовало его дальнейшее агрессивное переформатирование в условиях рыночных реформ 1990-х годов.

Однако неслучайно мы подчеркнули значение «мер» в открытости интеллектуальной среды, поскольку наряду с аспектом мобильности и открытости для развития интеллектуальной среды важную роль играет и обратный момент устойчивости и определенной корпоративности, поскольку доступ в интеллектуальную среду должен быть связан с достижением обществом определенного уровня интеллектуальной готовности в каждый конкретный период. В качестве примера опять же можно привести послереволюционный период, когда на смену смывтой революционной волной интеллигенции царского периода хлынула мощная волна «новых людей», не имеющих достаточного образования, культурной традиции. Всё это привело к временному обеднению культурного пространства, понадобились десятилетия, чтобы доразвить его и дать импульс к дальнейшей эволюции. Сходную ситуацию мы наблюдаем и сегодня, только уже по иной причине, связанной с одной стороны, с коррумпированностью в области присвоения научных степеней, а с другой – с развитием новых медиа- и информационных технологий в целом, открывающих беспрецедентный доступ в публичное пространство лиц, не обремененных особыми знаниями и тиражирующих свое невежество в информационном поле.

Иными словами, интеллектуальная среда не должна быть ни слишком распахнута, ни слишком закрыта. Нахождение этой **меры** социальной открытости и корпоративизма играет важную роль при создании социально-политических условий развития интеллектуальной среды. Это означает, что с социальной точки зрения интеллектуальная среда конституируется как определенный самостоятельный социальный кластер общества, определенным образом соединяющий в себе моменты открытости и устойчивости.

Фактор политической субъективизации

И здесь мы подходим к еще одному важному условию эффективного развития интеллектуальной среды – необходимости ее социальной самоидентификации и политической субъективизации. Выполнение этого условия наиболее сложно, и процесс этот на сегодняшний день не завершен не только потому, что интеллектуальная среда при всей склонности к солидарности представляет собой крайне индивидуализированное сообщество, но еще и потому, что она долгое время развивалась как составная часть других привилегированных социальных кластеров (церкви, буржуазного класса, феодальных групп, ремесленников, военной или служилой бюрократии). Проблема усугублялась тем, что кластеры, в рамках которых вызревала интеллектуальная среда, будь то церковь, аристократия, бюрократия, не только не были ей близки, но, как правило, ей противостояли, конкурировали, а часто даже боролись с ней, представляя серьезную угрозу для ее социально-политической «автономии» [Readings, 1997; Shumar, 1997; Дим, 2004].

Фактор глобальности

Еще одним важным социально-политическим условием эффективного развития интеллектуальной среды является уровень ее включенности в глобальное интеллектуальное пространство. В отличие от других социальных страт интеллектуальная среда, будучи всегда цивилизационно оригинальна и неповторима по форме, на самом деле изначально глобальна по своему содержанию. Феномен Толстого, Шекспира, Менделеева или Данте всегда национален по форме и одновременно глобален по своей значимости и содержанию.

Из этого вытекает одно важное следствие: качество и интегративные возможности того или иного национального сегмента интеллектуальной среды напрямую зависят от ее места в глобальном интеллектуальном пространстве. Чем большее значение имеет тот или иной национальный сегмент в развитии глобальной интеллектуальной среды, тем большими возможностями обладает данная политическая система по интеграции окружающего ее политического пространства [Рубцов, 2021]. Достаточно обратить внимание на то, как нарастали в истории возможности Москвы по интеграции окружающего пространства по мере усиления ее включенности и значимости для глобального пространства и снижались по мере ослабления ее включенности и влияния в рамках глобальной среды. Из относительно недавней истории можно привести в пример роль русского языка и российских вузов в интеграции интеллектуального пространства на территории СССР в советский период и то, что происходит в этом плане сейчас.

Социальные гарантии и социальные преимущества

К чисто социальным аспектам, благоприятствующим развитию интеллектуальной среды, относится также тема развитых и устойчивых социальных гарантий. Поскольку базовая мотивация интеллектуальной деятельности имеет преимущественно непосредственно-общественный характер и не имеет личного обогащения в качестве основного приоритета, для устойчивого развития интеллектуальной среды необходимы эффективные социальные гарантии в виде образования, медицины, пенсионного обеспечения. Неслучайно именно социальные гарантии и преимущества в оплате высококвалифицированного

труда, а также достойный уровень пенсионного обеспечения используются западными странами для вымывания интеллектуальных ресурсов со всего мира, включая Россию и страны постсоветского пространства.

Идеологическая ориентация интеллектуального кластера

Раз уж мы заговорили о политических особенностях развития интеллектуальной среды в том или ином обществе, мы не можем не коснуться вопроса об особенностях идеологической ориентации интеллектуального кластера. Разумеется, эти ориентации очень разнообразны, в разное время и в разных цивилизационных условиях они приобретали разные формы (от религиозных до профанно-коммунистических), но в целом мы можем определить идеологические предпочтения интеллектуалов как направленные на неотчуждаемый тип деятельности, то есть тип деятельности и образ жизни, не предполагающий жесткой прямой зависимости между трудовым вкладом и вознаграждением. Это не означает, что интеллектуалы не готовы ценить свой труд, но это предполагает, что качество их труда стимулируется вознаграждением далеко не в первую очередь. Они «социалисты», как рабочие, но они «индивидуалисты», как буржуа. Они индивидуалисты, как буржуа, но их индивидуализм совсем иного толка, он не разделяет, а объединяет, это индивидуализм не конкурентов, а собеседников – *коммуникативный индивидуализм*. Они бюджетники, как бюрократия, но бюрократия отчуждаема по типу своей деятельности, а они неотчуждаемы. Их идеология сочетает коммунистический принцип неотчуждаемого труда, коммуникативный индивидуализм, непосредственно общественный тип воспроизводства. Их лозунг – гармонизация многообразного. Нам будет яснее видно

своеобразие идеологии этой социальной страты, когда мы рассмотрим следующий фактор развития интеллектуальной среды – экономический.

Экономический фактор развития интеллектуальной среды

Тема экономических факторов, наиболее благоприятных для развития интеллектуальной среды, совсем не так проста, как представляется на первый взгляд. И здесь мы будем исходить из двух моментов. Первый момент будет связан с самой природой интеллектуально-творческой деятельности как главной функцией интеллектуальной среды. А второй – с теми конкретными социально-экономическими условиями, в которых осуществляется эта деятельность в то или иное время. По природе своей интеллектуально-творческая деятельность не предполагает жесткой и необходимой зависимости между трудовым вкладом и вознаграждением [Глинчикова, 1997]. Но в современном обществе *существуют* разные виды производительной деятельности – наряду с творчески-интеллектуальной существует еще и деятельность производительная нетворческого характера. И этот вид деятельности имеет совершенно иную природу. Это вид деятельности, в ходе которой человек не столько реализует и развивает свою индивидуальность, сколько затрачивает свои время и силы на производство какого-либо необходимого для общества уже известного продукта. Это отчуждаемый вид деятельности, который для человека имеет смысл не сам по себе: либо человек производит этот продукт для собственного потребления (натуральное хозяйство), либо он производит его для получения общественной компенсации за деятельность в виде денежного эквивалента. Распространение принципа неза-

висимости вклада от вознаграждения на этот вид деятельности неизбежно принимает форму сверхэксплуатации (либо прямого порабощения, внеэкономического принуждения). В зависимости от уровня экономического развития и уровня разделения труда, на котором находится данное общество, мы можем говорить либо о товарно-денежных, либо о натуральных формах экономической организации этого вида деятельности. В том и другом случае эта деятельность не является самоцелью – носит вынужденный, объективно принудительный характер по отношению к своему субъекту и потому потенциально является отчуждаемой.

И возникает вопрос: как эти два вида деятельности могут взаимодействовать, то есть как экономически должно быть организовано общество, чтобы обеспечить процветание и наиболее гармоничное сосуществование обоих этих видов деятельности в контексте устойчивого развития? Здесь-то и коренится главная проблема. С одной стороны, эти два вида деятельности (отчуждаемой и неотчуждаемой) требуют не просто разных, а прямо противоположных форм организации. Надо понимать, что мы сегодня находимся в беспрецедентной ситуации, поскольку впервые в обозримой истории наиболее развитые страны вышли на уровень, при котором сфера интеллектуально-творческого труда приобретает не только массовый, но иногда и преобладающий характер. И если раньше большая часть общественной деятельности носила отчужденный характер и вполне вписывалась в товарно-денежные формы производства и распределения, а интеллектуально-творческая деятельность была уделом очень небольшой социально-маргинальной группы, пребывавшей зачастую на иждивении господствующих социальных страт, то в современных

условиях неотчуждаемый вид деятельности становится массовым, занимает сопоставимую с отчуждаемым трудом долю общественного времени и это в корне меняет всю экономическую ситуацию [Subramaniam, Youndt, 2005]. В этих условиях универсализация товарно-денежного принципа и его распространение на все виды деятельности становится не вполне адекватной и эффективной. Но и для универсализации непосредственно-общественного социального принципа воспроизводства и обмена условия еще не созрели. Строго говоря, мы находимся в условиях большого общественного транзита от преимущественно отчуждаемого к преимущественно неотчуждаемому типу деятельности, и наша задача состоит в том, чтобы предложить такую модель их сосуществования, которая стимулировала бы дальнейшее сокращение сферы отчуждаемого труда и способствовала бы росту сферы интеллектуально-творческой непосредственно-общественной деятельности. Именно эта ситуация стала причиной появления большого количества литературы, интерпретирующей интеллектуальную среду как особую форму, разновидность капитала, особый нематериальный ресурс корпораций (*human capital, Intellectual capital, intangible asset*), который необходимо встроить, подключить к общекapиталистическому, рыночному стоимостному процессу. Но жизнь свидетельствует о специфичности этой сферы, которая не вписывается в полную мере в традиционные рамки стоимостных механизмов и требует особых форм управления, стимулирования и организации.

С одной стороны, выработка такой модели и стратегии движения к ней – это задача для экономистов. Но не следует забывать, что экономические модели внедряются и реализуются определенными социальными группа-

ми не столько для достижения интересов всего общества в целом, сколько для обеспечения интересов своих социальных групп и кластеров. И здесь, разумеется, экономические и политические преимущества на стороне «старых», уже давно представленных в экономике и политике социальных страт: «буржуазно-предпринимательской», «бюрократически-служилой», «пролетарской», – которые в принципе достаточно комфортно чувствуют себя в рамках отчуждаемых видов деятельности и не видят никакой проблемы в дальнейшей комодификации всех видов общественной деятельности и ее продуктов. Для этих социальных страт наращивание массива интеллектуально-творческой деятельности не только не является целью общественного развития, но представляет определенную угрозу их доминирующему положению в экономике и политике. И они будут противостоять этому процессу как идейно-теоретически, доказывая универсальность и вечность товарно-денежных форм воспроизводства и обмена и централизованно-бюрократических форм управления, так и политически в разных формах: от мягкого консерватизма до прямого насилия, направленного на приведение масштабов интеллектуальной среды в соответствие с потребностями рынка. Поэтому рассчитывать на то, что буржуазный и бюрократический кластеры сами по себе смогут стать главными экономическими и политическими субъектами подобного исторического транзита, к сожалению, не приходится.

Субъектом, способным выполнить эту миссию, может стать только сам социальный кластер, занятый интеллектуально-творческой деятельностью, внутренне интегрированный и оформившийся как самостоятельный политический актор со своей экономической программой, социальными инте-

ресами, новой политической стратегией и местом на политической палитре общества. Будет ли этот социальный кластер противником бюрократических и буржуазных кластеров, будет зависеть от того, насколько он сможет консолидироваться, предложить и отстаивать свою стратегию. В любом случае ему необходимо стать самостоятельным участником политического и экономического процесса и отстаивать свою стратегию в рамках политической конкуренции. То общество, которое захочет выжить и успешно конкурировать с другими обществами в современных технологических условиях, должно будет в целях самосохранения создать внутри себя экономическое и политическое пространство для интеллектуально-творческой социальной страты и включить ее в свой политический процесс. Так мы подошли к третьему важнейшему фактору развития интеллектуальной среды – фактору коммуникативному.

Коммуникативный фактор развития интеллектуальной среды

Нужно понимать, что интеллектуально-творческое пространство – это прежде всего пространство коммуникации. И от того, насколько легки, насколько открыты каналы этой коммуникации, зависит эффективность интеллектуальной среды. У этой коммуникации есть разные уровни.

Есть *временной уровень* коммуникации: это коммуникация с массивом предшествующих поколений и коммуникация внутри сообщества современников. Он предполагает максимально широкие возможности доступа к предшествующим знаниям через сферу образования и приобщения к достигнутому уровню культуры. Чем ниже и уже социальные возможности подобного

доступа, тем бóльшую угрозу представляет данная ситуация для развития интеллектуальной среды. Коммуникация среди сообщества современников также должна обладать существенной открытостью и быть максимально инклюзивной и безопасной.

Пространственный уровень коммуникации включает в себя коммуникацию на уровне микрогрупп: региональную, национальную, глобальную. Он предполагает наиболее широкие возможности для свободного коммуникативного взаимодействия на всех уровнях социального пространства. Всякое искусственное выстраивание препятствий для свободного обмена информацией по разным основаниям ослабляет и разрушает интеллектуальную среду, действует удушающе и деструктивно. Неслучайно в российской литературе последних двух лет такое большое внимание уделяется влиянию санкций на развитие интеллектуального пространства России [Семенов, 2023; Сорокина, Гузов, 2022].

Мы также можем говорить о *содержательном уровне* коммуникации, который предполагает коммуникацию внутри определенного предметного сообщества (сообщество ученых, сообщество писателей, сообщество художников, педагогов, актеров, врачей и других предметных групп) и коммуникацию транс- и кросс-дисциплинарного характера.

Содержательный уровень коммуникации необыкновенно важен, поскольку способствует оформлению научных школ, кристаллизации наиболее значимых результатов творческой деятельности общества в разных областях знания и сфере искусства, формированию интеллектуальных ориентиров, выявлению наиболее перспективных тенденций, формированию конвенциональных установок и форм языка. Трансдисциплинарный уровень комму-

никации способствует росту динамизма интеллектуального пространства, позволяет не застывать в достигнутых рамках, способствует созданию новых форм, новых методологических приемов: всё, что выводит за рамки устоявшегося, раз и навсегда достигнутого, плодотворно влияет на развитие интеллектуальной среды. Освоение разных форм самовыражения, свойственных разным предметным частям интеллектуального пространства, делает его более гибким и эвристичным, способствует развитию творческой интуиции во всех сферах деятельности.

Наконец, не следует забывать и о *когнитивно-семиотическом уровне* коммуникации, который предполагает различные формы коммуникативного взаимодействия: рациональные, эмоциональные, образные, поведенческие, визуальные. Разумеется, эти уровни пересекаются, перекрещиваются и находятся друг с другом в очень сложных отношениях. Более того, можно говорить о том, что в разные эпохи в зависимости от обстоятельств времени и места разные уровни приобретали наиболее существенное значение для развития интеллектуальной среды. Когнитивно-семиотический уровень развития интеллектуальной среды обеспечивает глубинные механизмы ее эффективного развития. На этом уровне формируются не только смыслы, но и их символы, способы их передачи. Часто новые смыслы вначале проявляются в эмоционально-образной, поэтической (лирической) форме, но по мере их созревания, структурирования и осмысления приобретают более структурированные рациональные черты, а потом, на закате своего существования, всё больше погружаясь в противоречия и разлагаясь, вновь приобретают эмоционально-образные, но теперь уже драматические формы выражения. На заре новая эпоха возвещает о себе

в форме поэзии, отструктурированная зрелость выражает себя в рациональных формах, а старость эпохи наилучшим образом воплощается с помощью полифонических текучих образно-драматических форм в виде театра.

Фактор культурной традиции в развитии интеллектуальной среды России

Важнейшей особенностью интеллектуальной среды России является прерывистый путь ее взаимодействия с глобальной интеллектуальной средой, когда периоды жесткой изоляции сменялись периодами внезапной и резкой открытости, за которыми снова следовала эпоха временной изоляции.

В качестве примеров мы можем назвать период христианизации с последующим строго конфессиональным обособлением, период вестернизации в эпоху реформ XVII–XVIII вв. с последующим нарастанием закрытости и тенденций аутентичности в XIX в., пореформенный период XIX в. с ростом возможностей обучения за рубежом и международной кооперации в рамках научных исследований и последующие затем предвоенный и послевоенный периоды закрытости и изоляционизма на идеологической и политической почве, наконец, безграничная открытость периода реформ 1990-х годов, сменившаяся новым изоляционизмом и настороженностью по отношению к глобальному интеллектуальному пространству в настоящих условиях.

Этот прерывистый и *нелинейный тип развития интеллектуальной среды России* прослеживается не только в отношении к глобальной интеллектуальной среде, но и по отношению к своим собственным интеллектуальным корням и традициям. Каждый этап внезапной открытости, как правило, приводил к резкому слову собственной

логики развития интеллектуальной среды России, ее смыслов и форм выражения, порой принимал насильственные и болезненные формы, поэтому неслучайно за каждым из моментов открытости следовал период реакции, переосмысления, попытки «возвращения к корням», но потом снова жизнь выталкивала Россию в глобальное интеллектуальное пространство.

Для такого странного типа включенности России в глобальную интеллектуальную среду были свои причины, также это имело свои последствия. Но, забегаая вперед, мы можем сказать о том, что при всём драматизме и противоречивости такого типа развития он имел несомненные достоинства, главным из которых стал иммунитет против аккультурации. В ходе этого противоречивого и порой очень драматического процесса российский сегмент не только не утрачивал своего интеллектуального своеобразия, но становился реальной и очень значимой, необходимой оригинальной частью глобальной интеллектуальной среды во всех сферах – от науки до искусства.

Другим важным следствием этого процесса стали открытый характер ее определяющих смыслов, очень высокий уровень гибкости и восприимчивости: поскольку российская интеллектуальная среда говорила на ином языке, она постоянно была вынуждена прибегать к коммуникативной экзегезе, постоянно искать и устанавливать соответствие своих смыслов глобальным, тем самым меняя, уточняя и расширяя их значение. Достаточно вспомнить слова А.С. Пушкина о восприимчивости русской культуры, да и сам он при всей своей оригинальности был именно образцом подобной восприимчивости.

Важной особенностью развития интеллектуальной среды России в Новое время стал ее весьма специфический

расколотый характер. В силу особого типа модернизации [Глинчикова, 2007] российская интеллектуальная сфера после XVII в. оказалась расколота на две мало связанные между собой части: 1) народную, хотя и сохранившую аутентичные ценностные черты и элементы преемственности, но отрезанную от глобальной интеллектуальной среды и пронизанную архаическими чертами уходящей эпохи, 2) привилегированную дворянскую, поначалу очень поверхностно европеизированную, без коммуникативной экзегезы смыслов, без сопоставления «своего» и «чужого», просто вторичную и заимствованную. Достаточно вспомнить язык и особенности литературы в России второй половины XVII и XVIII вв.

Подобная европеизация позволила небольшой части русского общества выйти на глобальное интеллектуальное пространство и подключиться к более современным цивилизационным смыслам; однако недостаток этой европеизации (глобализации) состоял в том, что, будучи оторвана от собственных корней, она была формальной, вторичной, поверхностной, не способной ни к глубокому осознанию чужих смыслов, ни к развитию своих оригинальных идей в ходе культурного синтеза. Потребовалось сто лет для того, чтобы в результате очень сложного и драматичного процесса осуществить взаимодействие этих двух частей интеллектуальной среды для того, чтобы в ходе культурного синтеза в начале XIX в. начала развиваться собственная оригинальная интеллектуальная среда русского модерна.

Третья особенность интеллектуальной среды России эпохи модерна связана с ее специфическим отношением к государству и обществу. Надо еще раз оговориться, что все эти три особенности российского интеллектуального кластера оформились именно в эпоху

модерна. В предмодерне тоже была своя специфика, но отличие не носило здесь качественного характера. Итак, начнем с отношения к государству. Модернизация Московского государства, начатая Алексеем Михайловичем и продолженная Петром Первым в XVII–XVIII вв., была проектом власти и носила насильственный характер по отношению к обществу. При этом само общество в целом на том этапе было достаточно активным, динамично развивалось и, в принципе, формировало собственные предпосылки общественной модернизации. Почему движение снизу не нашло понимания и поддержки у модернизаторов сверху? Потому что у них были разные цели. Общественная модернизация предполагала политическую субъективизацию общества и вела в перспективе к конституционализму, институциональному ограничению традиционной монархической власти. Этот процесс в те времена везде приобретал очень жесткие формы физической расправы с правящей династией и ее элитой в виде революции и гражданской войны. Цари же стремились к модернизации с прямо противоположной целью, которая предполагала не столько появление общественных форм контроля за властью, сколько избавление от каких бы то ни было форм контроля за властью вообще и в особенности от контроля за властью со стороны Церкви, которая играла важную роль в легитимации традиционной монархической власти [Глинчикова, 2016]. Эта оригинальная по сравнению с европейской модель модернизации не могла не отразиться на своеобразии сформировавшейся по ее итогам интеллектуальной среды России. Вначале духовное насилие (раскол) [Глинчикова, 2008], затем и политическое (в эпоху Петра Первого), а далее экономическое по существу поработочные общества в эпоху Екатерины Вто-

рой привели к тому, что собственный аутентичный процесс вызревания интеллектуальной среды из глубин промышленного и религиозного кластеров оказался прерван. Общество было принесено в жертву мощи государства, но кто-то же должен был обеспечивать процессы войны и управления этим государством на уровне европейских союзников-противников. Следовательно, государство нуждалось в создании интеллектуальной среды для обеспечения его политических нужд. И поначалу новая интеллектуальная среда формировалась путем прямого импорта интеллектуалов и специалистов из Европы. Но затем, по мере развития процессов модернизации, стало понятно, что для сохранения политического суверенитета необходимо развитие собственной интеллектуальной среды, способной решать совершенно специфические и оригинальные задачи по обеспечению внутреннего и внешнего функционирования суверенного государства. И тут завязывается тот узел противоречий, который в дальнейшем начинает определять природу российской интеллектуальной среды на два последующих столетия. Так, интеллектуальная среда эпохи модерна оказывается обоюдоострым оружием для традиционалистской и патерналистской власти, каковой и стремилась оставаться российская власть. Поэтому отношения интеллектуальной среды и государства в России соединяли в себе высокий уровень взаимозависимости и не менее высокий уровень взаимонастороженности, подозрительности и даже конфликтности. Обратной стороной отношения интеллектуальной среды к власти было отношение интеллектуальной среды к обществу. Интеллектуальный кластер России всегда тяготел к обществу: либо видел в обществе, либо стремился сделать из общества своего союзника в давле-

нии на власть и государство. И говоря объективно, общество и являлось таким союзником, но лишь в той мере, в какой оно было готово политически и экономически субъективизироваться, эмансипироваться и расстаться со своим патерналистским статусом. Однако этому препятствовал сам экономический и политический строй полукolonии-полуимперии, в который была втянута Россия в ходе модернизации. Отсюда проистекал постоянно модернизаторский импульс, направленный на общество со стороны интеллектуального кластера, вызывающий, в свою очередь, настороженность патерналистски ориентированной власти и тревогу и непонимание со стороны традиционалистски ориентированного общества.

Двойственный характер глобальной интеллектуальной среды: национальное и глобальное

Надо понимать, что интеллектуальная среда по своей природе двойственна, и эту двойственность необходимо учитывать при формировании эффективной стратегии ее развития. Двойственность состоит в том, что она одновременно и национальна, и глобальна. Причем эти два аспекта интеллектуальной среды слиты, неотделимы друг от друга. Она глобальна и всеобща по своей сущности и природе, то есть не имеет границ с точки зрения значимости ее продуктов и проблем. Но она национальна (локальна) по условиям и характеру их формирования, по той конкретной форме, которую принимают эти продукты.

Каждое сообщество старается формировать свой ответ на вызовы глобально возникающих проблем в сфере технологий, научного либо художественного творчества, исходя из соци-

ально-политических, экономических и культурно-цивилизационных возможностей (и потребностей) своего сегмента глобальной интеллектуальной среды. При этом само это многообразие сегментов, как, впрочем, всякое разнообразие, создает и угрозы, и беспрецедентные возможности для ее развития.

Плюсы сегментивности связаны с культурным многообразием, которое порождает богатство смыслов, неповторимость и оригинальность форм, подходов, приемов, культурных традиций и навыков. Всякая одномерность обедняет интеллектуальную среду, разрушает ее. Кроме того, разнообразие служит благодатной почвой для плодотворного взаимодействия и симбиоза культур, для того самого культурного синтеза, из которого рождаются шедевры и новые формы. Однако процесс культурного синтеза не так прост, как может показаться на первый взгляд. При своем взаимодействии культуры проходят сложный путь от узнавания, взаимного отторжения, противостояния, соперничества, освоения, интерпретации до взаимоизменения и, наконец, синтеза, знаменующего собой рождение совершенно нового уникального общезначимого культурного феномена. И, надо сказать, далеко не всякая встреча культур приводит к плодотворному культурному синтезу. Бывает и так, что происходит аннигиляция одной культуры другой, а бывает и прямое уничтожение, целенаправленное разрушение одной культуры со стороны более сильного контрагента.

Современный конфликт – это прежде всего конфликт по поводу типа, вектора глобального постиндустриального развития. Основными его факторами, форма развития которых будет определяться в ходе противостояния, станут интеллектуальная среда и характер ее распространения в глобальном пространстве.

И здесь возможны два вектора: интегративный и сегментивный. Сегментивный вектор призван сохранить и усилить нынешнее неравенство мира в области возможностей развития человеческого потенциала и одновременно поставить интеллектуальный сектор на службу капитала и ВПК. Его идеология будет всё больше утрачивать либерально-демократический характер и наращивать авторитарно-расистский компонент. Это путь консервации индустриальной модели и, по существу, превращения постиндустриального сектора в своеобразный источник социально-экономических «стволовых клеток» для искусственного продления жизни устаревшей социально-экономической модели. И дело здесь не просто в аморальности этой стратегии – этот путь уже в обозримом будущем ведет в тупик, «райский сад» с необходимостью будет сокращаться и обречен на вымирание. Этот путь менее перспективен с точки зрения выживания и развития человечества, но легче осуществим, поскольку вписывается в уже сложившуюся социально-экономическую парадигму с его ныне действующими экономическими и политическими акторами и ценностями.

Есть и иной вариант – интегративный. Он предполагает два фактора. Первый – это путь усиления глобальной равномерности развития интеллектуальной среды при усилении ее сегментивного разнообразия и нарастании ее коммуникативных связей. Он более перспективен с точки зрения дальнейшего прогресса и выживания человечества, поскольку предполагает выход за рамки устаревшей социально-экономической и политической индустриальной модели и дает простор для развития нового типа общества с опорой на глобальное интеллектуальное пространство. Но по этой же причине он и более сложен в осуществлении,

поскольку требует смены ведущих акторов социально-политического процесса и превращения интеллектуальной среды в самостоятельного актора, а также превращения ее социального расширения и глобализации в определяющую цель общественного развития. Обстоятельства складываются таким образом, что интересы дальнейшего развития, а возможно, и выживания интеллектуальной среды России напрямую связаны со стратегией в рамках второго пути.

Список литературы

- Аузан А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. – 2017. – Т. 2, № 168. – С. 4–10.
- Беляков С.А., Клячко Т.Л. Российское высшее образование: модели и сценарии развития. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. – 313 с.
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – Москва : Наука, 1991. – 270 с.
- Выготский Л.С. Мышление и речь. – Москва : Лабиринт, 1996. – 414 с.
- Глинчикова А.Г. Метаморфоза западной идеи «естественного права» в политической концепции Феофана Прокоповича // Локус: люди, общество, культура, смыслы. – 2016. – № 3. – С. 78–92.
- Глинчикова А.Г. Модернити и Россия // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 38–56.
- Глинчикова А.Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 3–15.
- Глинчикова А.Г. Раскол или срыв «русской Реформации»? – Москва : Культурная революция, 2008. – 384 с.
- Дилигенский Г.Г. Люди среднего класса. – Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.
- Дим Р. «Новый менеджериализм» и высшее образование: управление качеством и продуктивностью работы в университетах Великобритании // Вопросы образования. – 2004. – № 3. – С. 44–56.
- Ильенков Э.В. Диалектическая логика : очерки истории и теории. Изд. 2-е, доп. – Москва : Изд-во политической литературы, 1984. – 318 с.
- Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. – Таллинн : Александра, 1992. – С. 129–132.
- Мещеряков А.И. Слепоглухонемые дети. – Москва : Педагогика, 1974. – 327 с.
- Рубцов А.В. Модели цивилизационного развития в контекстах универсального дискурса // Проблемы цивилизационного развития. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 128–172.
- Сапиро Ж. Интеллектуальные профессии между государством, предпринимательством и промышленностью // Символическая власть. Социальные науки и политика : сборник / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – Москва : Университетская книга, 2011. – С. 97–126.
- Семенов Е.В. Национальная сеть научных журналов как система: проблемы до и после санкций // Мир России. – 2023. – Т. 32, № 3. – С. 145–166.
- Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Гуманитарное импортозамещение: что стоит за исключением России из Болонского процесса? // Сибирский философский журнал. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 57–67.
- Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 386 с.
- Теория познания: в 4 т. Том 2 : Социально-культурная природа познания / В.А. Лекторский, В.С. Швырев, А.М. Коршунов, В.Г. Табачковский,

Г.С. Батищев. – Москва : Мысль, 1991. – 479 с.

Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. – 2012. – Выпуск 41. – С. 108–138.

Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии / пер. с англ. – Москва : Дело, 2021. – 382 с.

Barnes B. Interests and the Growth of Knowledge (RLE Social Theory). – [S. l.] : Routledge, 2014. – 122 p.

Bell D. The cultural contradictions of capitalism // The Journal of Aesthetic Education. – 1972. – Vol. 6, N 1/2. – P. 11–38.

Berger P.L., Luckmann T. The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. – [S. l.] : Anchor, 1967. – 219 p.

Bourdieu P. Homo Academicus. – Stanford : Stanford University Press, 1984. – Xxiv, 344 p.

Castells M. End of millennium. 2nd ed. – [S. l.] : Wiley-Blackwall, 2010. – Xxx, 456 p.

Fleck L. Genesis and development of a scientific fact. – Chicago : University of Chicago Press, 1981. – 222 p.

Foucault M. Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972–1977 / Ed. by C. Gordon. – New York : Pantheon Books, 1980. – 271 p.

Gitlin T. The intellectuals and the flag. – New York : Columbia University Press, 2007. – 192 p.

Johnson P. Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky. – New York, London : Harper Perennial, 2007. – 416 p.

Knowledge and reflexivity: New frontiers in the sociology of knowledge

/ Ed. by Woolgar S.E.; With one exception, the chapters in this volume originated as papers presented at a series of meetings known as 'Discourse Analysis' workshops. – [S. l.] : Sage Publications, 1988. – 224 p.

Luhmann N. The Cognitive Program of Constructivism and a Reality that Remains Unknown // Ed. by W. Krohn, G. Küppers, H. Nowotny. Selforganization. Sociology of the Sciences. – Dordrecht : Springer, 1990. – P. 64–85.

Readings B. The university in ruins. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1997. – 256 p.

Rubin M.R., Huber M.T., Taylor E.L. The knowledge industry in the United States, 1960–1980. – Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1986. – Xvi, 213 p.

Shumar W. College for sale: A critique of the commodification of higher education. – [S. l.] : Psychology Press, 1997. – 220 p.

Stehr N. Modern Societies as Knowledge Societies // Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge / Ed. by M.T. Adolf. – [S. l.] : Springer International Publishing, 2018. – P. 309–331.

Subramaniam M., Youndt M.A. The influence of intellectual capital on the types of innovative capabilities // Academy of Management Journal. – 2005. – Vol. 48, N 3. – P. 450–463.

Webster F. Theories of the information society. 4th ed. – [S. l.] : Routledge, 2014. – 416 p.

Worsley P.M. Emile Durkheim's theory of knowledge // The Sociological Review. – 1956. – Vol. 4, N 1. – P. 47–62.

Culture and Identity

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Intellectual Environment as an Object for Research: Factors of Development and Points of Vulnerability

Alla G. GLINCHIKOVA

Dr. Sc. (Political Sciences), Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: alla.glinchikova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4198-2018

CITATION: Glinchikova A.G. (2023). Intellectual Environment as an Object for Research: Factors of Development and Points of Vulnerability. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 146–166 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.09

Received: 09.10.2023.

Revised: 27.11.2023.

ABSTRACT. *The article reveals the concept of intellectual environment as a community of people aimed at creating an intellectual and creative product and connected by a certain communication field. This community is considered as a cumulative subject of an innovative product, as a part of the public space, responsible for production, exchange, distribution and reproduction of intellectual resources. The article provides an overview of existing approaches and concepts used to study this phenomenon, such as «epistemic community», «intellectual milieu», «knowledge society», «information society», «knowledge economy», «free-floating intelligentsia», «human capital», «intellectual capital», etc. The basic factors contributing to the effective development of the intellectual environment are considered: socio-political, economic, communicative, socio-cultural ones. Particular attention is paid to the specifics of the Russian tradition of the intellectual environment formation,*

revealing the discontinuous and non-linear type of its evolution both in the relation to the global intellectual environment and in relation to its own intellectual roots and tradition. The specific dual nature of the intellectual field of Russia, associated with the peculiarities of its modernization process, is emphasized. In conclusion, the idea about two possible vectors for the development of the global intellectual environment: segmental and integrative is expressed as an important dilemma of modern international politics.

KEYWORDS: *intellectual environment, intellectual milieu, intellectual field, intellectual capital, global intellectual environment, segmental type of development, integrative type of development, intellectual environment of Russia, factors of the development of the intellectual environment, intellectual product, cultural tradition.*

References

- Auzan A. (2017). Sociocultural economics. *Science and Innovation*. Vol. 2, no. 168, pp. 4–10 (in Russian).
- Barnes B. (2014). *Interests and the Growth of Knowledge (RLE Social Theory)*. S. l.: Routledge, 122 pp.
- Bell D. (1972). The cultural contradictions of capitalism. *The Journal of Aesthetic Education*. Vol. 6, no. 1/2, pp. 11–38.
- Belyakov S.A., Klyachko T.L. (2013). *Russian Higher Education: Models and Development Scenarios*. Moscow, Publishing House «Delo», RANEPa, 313 pp. (in Russian).
- Berger P.L., Luckmann T. (1967). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. S. l.: Anchor, 219 pp.
- Bourdieu P. (1984). *Homo Academicus*. Stanford: Stanford University Press, xxiv, 344 pp.
- Castells M. (2010). *End of Millennium*. 2nd ed. S. l.: Wiley-Blackwall, xxx, 456 pp.
- Diligensky G.G. (2002). *Middle Class People*. Moscow: Institut Fonda “Obschestvennoye mneniye”, 285 pp. (in Russian).
- Dim R. (2004). «New managerialism» and higher education: managing quality and productivity in UK universities. *Issues in Education*. No. 3, pp. 44–56 (in Russian).
- Fadeeva L.A. (2012). Discussions about intellectuals in the context of the political history of the West. *Dialogue with Time*. Issue 41, pp. 108–138 (in Russian).
- Fleck L. (1981). *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago: University of Chicago Press, 222 pp.
- Foucault M. (1980). *Power/Knowledge. Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. Ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 271 pp.
- Fuller S. (2021). *The Sociology of Intellectual Life: Careers of the Mind Inside and Outside the Academy*. Moscow: Delo, 382 pp. (translation into Russian).
- Gitlin T. (2007). *The Intellectuals and the Flag*. New York: Columbia University Press, 192 pp.
- Glinchikova A.G. (1997). Can an intellectual and the product of his labor be a commodity? *Voprosy Filosofii*. No. 3, pp. 3–15 (in Russian).
- Glinchikova A.G. (2007). Modernity and Russia. *Voprosy Filosofii*. No. 6, pp. 38–56 (in Russian).
- Glinchikova A.G. (2008). «Raskol» or *Disruption of the «Russian Reformation»?* Moscow: Cultural revolution, 384 pp. (in Russian).
- Glinchikova A.G. (2016). Metamorphosis of the Western idea of «natural law» in the political concept of Feofan Prokopovich. *Locus: people, society, cultures, meanings*. No. 3, pp. 78–92 (in Russian).
- Ilyenkov E.V. (1984). *Dialectical Logic*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 318 pp.
- Johnson P. (2007). *Intellectuals: From Marx and Tolstoy to Sartre and Chomsky*. New York, London: Harper Perennial, 416 pp.
- Knowledge and Flexibility... (1988). Woolgar S.E. (ed.) *Knowledge and Reflexivity: New Frontiers in the Sociology of Knowledge*. With one exception, the chapters in this volume originated as papers presented at a series of meetings known as 'Discourse Analysis' workshops. S. l.: Sage Publications, 224 pp.
- Lotman Yu.M. (1992). Semiotics of culture and the concept of text. In: Lotman Yu.M. *Selected Articles*. Vol. 1. Tallinn: Alexandra, pp. 129–132 (in Russian).
- Luhmann N. (1990). The Cognitive Program of Constructivism and a Reality that Remains Unknown. In: Krohn W., Küppers G., Nowotny H. (eds.). *Selforganization. Sociology of the Sciences*. Dordrecht: Springer, pp. 64–85.
- Meshcheryakov A.I. (1974). *Deaf-blind Children*. Moscow: 327 pp.

Readings B. (1997). *The University in Ruins*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 256 pp.

Rubin M.R., Huber M.T., Taylor E.L. (1986). *The Knowledge Industry in the United States, 1960–1980*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, xvi, 213 pp.

Rubtsov A.V. (2021). Models of civilizational development in the contexts of universal discourse. *Problems of Civilizational Development*. Vol. 3, no. 1. pp. 128–172 (in Russian).

Sapiro J. (2011). Intellectual professions between the state, entrepreneurship and industry. In: Shmatko N.A. (ed.). *Symbolic Power. Social Sciences and Politics*. Moscow: Universitetskaya kniga, pp. 97–126.

Semenov E.V. (2023). The national network of scientific journals as a system: problems before and after sanctions. *Universe of Russia*. Vol. 32, no. 3, pp. 145–166 (in Russian).

Shumar W. (1997). *College for Sale: A Critique of the Commodification of Higher Education*. S. l.: Psychology Press, 220 pp.

Sorina G.V., Gurov F.N. (2022). Humanitarian import substitution: what is worth excluding Russia from the Bologna process? *Siberian Philosophical Journal*. Vol. 20, no. 2, pp. 57–67 (in Russian).

Sosloviye... (2013). Vishlenkova E.A., Savelyeva I.M. (eds.). *The Class of Russian*

Professors. Creators of Statuses and Meanings. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 386 pp. (in Russian).

Stehr N. (2018). Modern Societies as Knowledge Societies. In: Adolf M.T. (ed.). *Nico Stehr: Pioneer in the Theory of Society and Knowledge*. S. l.: Springer International Publishing, pp. 309–331.

Subramaniam M., Youndt M.A. (2005). The influence of intellectual capital on the types of innovative capabilities. *Academy of Management Journal*. Vol. 48, no. 3, pp. 450–463.

Teoriya poznaniya... (1991). Lektorskiy V.A. et al. (eds.). *Theory of Cognition*. In four volumes. Vol. 2. The socio-cultural nature of cognition. Moscow: Mysl', 479 pp. (in Russian).

Vernadsky V.I. (1991). *Scientific Thought as a Planetary Phenomenon*. Moscow: Nauka, 270 pp. (in Russian).

Vygotsky L.S. (1996). *Thinking and Speech*. Moscow: Labirint, 414 pp. (in Russian).

Webster F. (2014). *Theories of the Information Society*. 4th ed. S. l.: Routledge, 2014. 416 pp.

Worsley P.M. (1956). Emile Durkheim's theory of knowledge. *The Sociological Review*. Vol. 4, no. 1, pp. 47–62.

УДК 001.8

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.10

Рефлексия своей профессиональной деятельности начинающими учеными-исследователями

Лилия Ряшитовна КОМАЛОВА

доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник Центра эмерджентных практик

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: komalova@inion.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5315

ЦИТИРОВАНИЕ: Комалова Л.Р. Рефлексия своей профессиональной деятельности начинающими учеными-исследователями // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 167–186.

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.10

Статья поступила в редакцию: 02.08.2023.

Исправленный текст представлен: 09.09.2023.

АННОТАЦИЯ. Представленное в статье исследование направлено на определение степени осведомленности начинающих ученых-исследователей о сути осуществляемой ими профессиональной деятельности. В частности, посредством выделения и анализа состава лексико-семантических полей исследуется вербальная концептуализация понятий «научный метод», «исследовательский протокол» и «протокол конкретного исследования». Во введении описываются социальные условия, в которых вопрос о рефлексии профессиональной деятельности начинающего ученого-исследователя становится значимым и актуальным. В основной части статьи раскрывается содержание исследуемых понятий, представленное в научно-методической литературе, описываются методика и результаты проводимого эмпирического исследования. На основе результатов, полученных в ходе

исследования, были выявлены сходные и дифференцирующие компоненты значений исследуемых понятий; на основе выделения и анализа 99 лексико-семантических компонентов значений исследуемых понятий и их пересечения в составе лексико-семантических категорий были смоделированы обобщенные толкования исследуемых понятий. Удалось зафиксировать, что понятия «исследовательский протокол» и «протокол конкретного исследования» рассматриваются респондентами как синонимы, но при этом отличаются от понятия «научный метод» в основном по ядру наиболее представленной (весомой) лексико-семантической категории «номинирование явления».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научный метод, исследовательский протокол, протокол конкретного исследования, концептуализация, лексико-семантическое поле, начинающий исследо-

ватель, добросовестные организация и проведение научного исследования, научная картина мира.

Введение

В Российской Федерации с 2018 г. запущен национальный проект «Наука», в рамках которого в том числе ведется подготовка когорты исследователей¹. Среди перечня целевых показателей успешности реализации проекта указаны:

- подготовка к 2024 г. 30,8 тыс. ученых, работающих в России и имеющих публикации в научных изданиях первого и второго квартилей, индексируемых в международных базах данных научной информации;
- увеличение к 2024 г. доли численности исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей с 43,3% (2018 г.) до 47,5% (2024 г.).

Работа начинается на уровне общеобразовательной школы и продолжается в вузе, применяются меры государственной поддержки молодых ученых на уровне аспирантуры и первых самостоятельных научно-исследовательских проектов под руководством молодых ученых по месту учебы и работы². В связи с тем, что с 2018 по 2023 г. прошло пять учебных лет, можно предположить, что нынешние выпускники бакалавриата и магистратуры были

взращены в образовательной среде, благоприятствующей для развития исследовательских компетенций. Таким образом, формальная сторона вопроса со стороны государства представляется обеспеченной.

В проводимом нами исследовании (см. раздел «Методика исследования») ставится вопрос о том, насколько содержательно реализуется установка на подготовку исследователя. В частности, нас интересует, присутствует ли в осознаваемой профессиональной картине мира начинающего исследователя-лингвиста представление о научном методе в широком толковании данного понятия.

Выбор лингвистики в качестве профессиональной среды для верификации гипотезы о дефицитности ценностного и мировоззренческого компонентов в подготовке исследователей продиктован следующими основаниями. «В современной антропоцентрической суперпарадигме лингвистические основы дисциплинарного метода значительно расширяются: «наука о языке включает всё то, что вербализовано»» [Маслова, 2008, с. 3; Комарова, 2016, с. 9]. Во-первых, по нашему мнению, лингвистика является синтетической сферой деятельности, вовлекающей исследователя в различные предметные области для изучения языка и/или речи. Во-вторых, лингвистические данные применяются в различ-

1 Паспорт национального проекта «Наука» от 11 февраля 2019 г. – URL: <http://government.ru/info/35565/> (дата обращения: 15.07.2023); Национальный проект «Наука», реализация инициативы. – URL: <https://riep.ru/upload/iblock/7c0/7c05bb11361d839a83251cab40066a95.pdf> (дата обращения: 15.07.2023). В текущей редакции национальный проект называется «Наука и университеты». Паспорт национального проекта «Наука и университеты» от 2021 г. – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/09/%D0%9D%D0%B8%D0%A3.PDF> (дата обращения: 15.07.2023). Подготовка кадров ведется в рамках федерального проекта «Развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей и сектора исследований и разработок» национального проекта «Наука и университеты». – URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/nauka-i-university/kadry> (дата обращения: 15.07.2023). Паспорт федерального проекта «Развитие человеческого капитала в интересах регионов, отраслей и сектора исследований и разработок». – URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/06/%D0%A4%D0%9F%D0%9A%D0%B0%D0%B4%D1%80%D1%8B.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

2 Стипендии Президента Российской Федерации, стипендии Правительства Российской Федерации. – URL: <https://xn--80ahclba9ameqejaeh.xn--p1ai/presidentandthegovernment>; Премии Президента Российской Федерации. – URL: <https://grant.rscf.ru/awards/>; Гранты Президента Российской Федерации. – URL: <https://presidentgrants.ru/>; Гранты РФФИ. – URL: <https://rscf.ru/contests/> (дата обращения: 15.07.2023).

ных областях технологий и практики (в медицине, науке о человеке, технологиях искусственного интеллекта, социальном управлении, воспитании и коррекции и др.). В-третьих, лингвистика хоть и относится к гуманитарным наукам, располагает широким репертуаром довольно точных методов работы с объектом и предметом исследования. Всё перечисленное убеждает нас в необходимости требований в рамках лингвистических изысканий выстраивать ясную модель научного исследования, строго следуя нормам научного метода. Именно это обуславливает проведение замера в предметной области лингвистики.

Прежде чем перейти к практической части нашего исследования, опишем явления, которые формируют основу для выделения объекта и предмета исследования.

Научный метод. Исследовательский протокол. Протокол конкретного исследования

В общенаучном, философском смысле термин «метод» обозначает путь познания и истолкования любого явления действительности [Головин, 1973, с. 265]. «Подчиненность процесса познания методу вызывается двумя основными причинами: 1) свойства предмета и его связи часто не даны в непосредственном наблюдении – необходим какой-то определенный подход, известная сумма исследовательских приемов, применение которых помогло бы эти нередко скрытые особенности изучаемого явления обнаружить; 2) метод имеет большое организующее и направляющее значение – он в известной степени предохраняет исследователя от бесплодных блужданий в изучаемом материале» [Общее языкознание..., 1973, с. 268].

Как правило, *научный метод* как терминологическая единица не представлен в информационно-справочной литературе для начинающих исследователей (в учебных пособиях для обучающихся бакалавриата, магистратуры и аспирантуры). Наряду с этим номинация существует как концепт, характеризующий научный способ познания объективной действительности, и обозначается через номинации «метод научного исследования», «научное познание», «эпистемология», «общенаучная методология» (см., например, [Сарыбеков, Сыдыкназаров, 2008, с. 178; Мамедов, 2022, с. 187]).

Отметим, что номинация «научный метод» встречается в учебных пособиях также в качестве обозначения конкретных методов научного исследования в конкретной области научного знания. Например, в терминологическом словаре научный метод определяется как «способ, средство достижения цели и задач исследования» и как «система принципов, правил, приемов и процедур познания» [Мазур, 2014, с. 232]. Или научный метод – это система предписаний, регламентирующих познавательные действия, операции, процедуры исследования [Лукашевич, 2001, с. 46]. При этом метод – «это не сами познавательные действия, а нечто более высокое по отношению к ним, а именно знание о содержании, последовательности и основаниях познавательных действий» [Лукашевич, 2001, с. 49]. Или «любой метод задает “способ действий” с данными, с фактами, значимость которых определяется теорией. Последняя и “навязывает метод”, который всегда конкретен, ибо применим только к теориям соответствующего вида» [Липчу, Липчу, 2013, с. 13]. Каждый метод представляет собой удачное упрощение. «Однако с помощью любого данного метода можно открывать истины только опре-

деленного, подходящего для него типа и формулировать их в терминах, навязываемых данным методом» [Уайтхед, 1990, с. 623]. При этом «главное предназначение любого метода – на основе соответствующих принципов (требований, предписаний и пр.) обеспечить успешное решение определенных познавательных и практических проблем, приращение знания, оптимальное функционирование и развитие тех или иных объектов» [Бахтина, Лобут, Мартышов, 2016, с. 78].

Радикальное отличие научного метода от иных форм познания (например, обыденного познания, то есть здравого смысла, предметно-практического познания в процессе специализированной деятельности, чувственного познания и др.) «заключается в поощрении и развитии максимально сильного сомнения, с тем чтобы после такого сомнения осталось лишь то, что подтверждено самыми лучшими основаниями. Сущность научного метода заключается в инкорпорировании всех новых оснований и новых сомнений по мере их появления, с тем чтобы они стали составляющей компонентой достигнутого корпуса знания. Данный метод делает науку прогрессивной, поскольку ни один результат не считается в нем окончательно достоверным» [Коэн, Нагель, 2010, с. 177].

«Научное познание – это система познавательных действий³, направленных на производство и теоретическую систематизацию знаний о природной, социальной и духовной деятельности» [Лукашевич, 2001, с. 8]. «Научное познание – это отображение действительности, связанное не просто

с эмпирической констатацией различных фактов, но, прежде всего, с теоретическим воспроизведением объекта в логической цепочке понятий (категорий)» [Мамедов, 2022, с. 187]. Научный метод – «способ проверки наших впечатлений, мнений или догадок посредством изучения всех возможных оснований в их поддержку или опровержение. <...> Научный метод является поиском истины, задаваемой логическими условиями» [Коэн, Нагель, 2010, с. 174–175].

Научный способ познания действительности регламентируется следующими основаниями: рациональность; универсальная ценность проводимых наукой исследований и социальная значимость ее результатов; познание истины как конечная цель познания; здравый скептицизм и критицизм; ориентированность на объективную истинность, то есть достоверность искомых результатов; избегание тривиальности; логичность построения; представление общих теоретических знаний [Мамедов, 2022, с. 188–189]. Наряду с общей направленностью познавательных действий на производство знаний научное познание характеризуется такими особенностями, как четкая выделенность его предмета как целостной совокупности взаимосвязанных характеристик объекта, использование специализированного инструментария, регламентированность определенной совокупностью методов и других видов нормативного знания, фиксация результатов научного познания в особых формах знания, которые отвечают требованиям воспроизводимости, системности и объ-

3 «Действие – единица деятельности, отличительной особенностью которой является наличие конкретной цели. Структурными единицами действия являются операции, соотнесенные с объективно-предметными условиями достижения цели. Одна и та же цель, соотносимая с действием, может быть достигнута в разных условиях; то или иное действие может быть реализовано разными операциями. Вместе с тем одна и та же операция может входить в разные действия» [Липичу, 2013, с. 10–11].

ективности, наличие специализированного языка [Лукашевич, 2001, с. 14].

Итак, научный метод в философии науки, науковедении и частных науках, в том числе в лингвистике, рассматривается как «ядро» науки и ее методологии. «Он составляет первую ценность любой науки, так как регулирует процесс познания» [Леонтович, 2011, с. 8–9; Комарова, 2016, с. 33].

Протокол конкретного исследования в обобщенном виде можно сопоставить с заявкой на получение грантовой поддержки (см., например: [Радаев, 2001]). Его принципиальное отличие от отчета или научной публикации состоит в том, что протокол конкретного исследования предшествует проведению исследования и является документом, помогающим не только организовать это исследование, но и оценить целесообразность его проведения и возможности его реализации, комплексность, обеспеченность ресурсами и этичность. Наиболее разработанными представляются образцы протоколов для проведения клинических исследований⁴.

К основным целям протокола конкретного исследования относятся:

- документирование внутреннего планирования проводимого исследования, обоснование исследования, его задачи, план статистического анализа, методология и условия проведения;
- инструкции исследовательской группе и другим лицам, принимающим участие в исследовании, по их конкретным задачам;
- стандартизация всех исследовательских процедур таким образом, чтобы в случае необходимости существовала возможность проведения повторного исследования;

- документирование сведений для проверки на соответствие регулятивным и этическим нормам и стандартам.

Исследовательский протокол не закреплён ни терминологически, ни понятийно в научном дискурсе. Его начали актуализировать в речевой практике в среде методологов и экспериментального образования⁵. Введение новой номинации используется как прием, позволяющий подчеркнуть отличие «схватываемого» номинацией явления действительности, которое обладает чертами уже концептуализированных явлений и сущностей, выступает с ними в связи, но имеет иные идентификационные характеристики. В связи с этим номинация «исследовательский протокол» вводится в институциональный дискурс экзегетически и онтологически с целью описать эмерджентную социальную практику.

При «разборе» описания исследовательского протокола, которое даёт А. Щербенок (рисунок 1), на первый взгляд, исследовательский протокол повторяет научный метод, включая процедуру формулировки рабочей гипотезы, «вписанной» в общую теоретическую рамку (которая является совокупностью теорий и исследовательских вопросов в данной предметной области), конкуренцию исследовательских парадигм в построении онтологий (которая задается выбором методологии и исследовательских методик), а также объемлет протокол конкретного исследования (согласно которому проводится проверка рабочей гипотезы). При этом между строк вводится обязательное требование к добросовестному проведению научного исследования, что обеспечивает доверие со стороны общества и научного сообщества по отношению к ученому.

⁴ См., например: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/protokoly-klinicheskoy-aprobatsii/realizuemye-protokoly-klinicheskoy-aprobatsii> (дата обращения: 15.07.2023).

⁵ См., например: <https://www.youtube.com/live/KX9vzsQLlk8?feature=share> (дата обращения: 15.07.2023)

Рисунок 1. Покомпонентная схема исследовательского протокола (по А. Щербенку)

Figure 1. Component scheme of research protocol (constructed by A. Shcherbenok)

Источник: Щербенко А. Исследовательский протокол и его инсталляция в российских университетах // Наука побеждать: куда наука ведет университет. – Вебинар. Юрайт.Академия, 2020. – URL: <https://youtu.be/KX9vzsQLk8> (дата обращения: 30.07.2023).

В целом научная добросовестность является одним из основополагающих принципов этики ученого [Мамедов, 2022, с. 151]. Рассуждая об этосе свобод ученого, П. Гиббс считает, что для получения привилегии академической свободы ученый «должен быть добросовестным, а его добросовестность должна содержательно определяться за рамками контрактного статуса наемного работника и простирается за рамки этого статуса» [Гиббс, 2022, с. 94]. П. Гиббс присоединяется к Э. Шилзу, который считает, что этос ученого – это жизнь ради общества [Гиббс, 2022, с. 100; Shils, 1978], и утверждает, что «этос ученого опирается на <...> цель

<...>, отвечающую общественным интересам или общественному благу» [Гиббс, 2022, с. 98]. Именно этот аспект научной деятельности закреплён в законе «О науке и государственной научно-технической политике»⁶: наука признаётся социально значимой отраслью, определяющей уровень развития производственных сил государства.

На рисунке 2 схематично представлено соотношение трех исследуемых понятий в нашем представлении: научный метод выступает профессиональной «рамкой» как способ познания мира (способ действенного в процессе познания мира); исследовательский протокол выступает социальной

⁶ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»: <http://ivo.garant.ru/#/document/135919/paragraph/103589/doclist/1077/showentries/0/highlight/%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%B5%20%D0%9E%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B5%20%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D0%BE-%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5:1> (дата обращения: 15.07.2023).

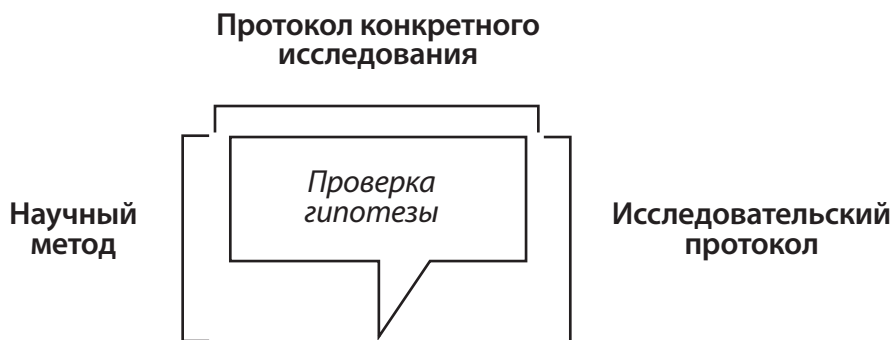

Рисунок 2. Рабочая схема соотношения исследуемых понятий

Figure 2. Working scheme of correspondence between the notions under study

Составлено автором.

«рамкой» как условия и условности, в которых проводится исследование; протокол конкретного исследования выступает процедурной «рамкой» как задокументированные приемы организации научной работы и конкретные исследовательские действия.

Методика исследования

Объектом исследования является рефлексия научно-исследовательской деятельности начинающих ученых-исследователей посредством вербальной концептуализации понятий «научный метод», «исследовательский протокол», «протокол конкретного исследования».

Предметом исследования выступают лексико-семантические поля (ЛСП), репрезентирующие компоненты значений в составе исследуемых понятий.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что в представлении начинающих исследователей три исследуемых понятия будут характеризоваться сходными лексико-семантическими полями, что будет свидетельствовать о неотрефлексированности границ данных понятий

как концептов научно-исследовательской деятельности.

Следует уточнить, что вслед за В.З. Демьянковым под концептом мы понимаем «содержательную сторону словесного знака (значение – одно или некий комплекс ближайше связанных значений), за которой стоит понятие (то есть идея, фиксирующая существенные «умопостигаемые» свойства реалий и явлений, а также отношения между ними), принадлежащее умственной, духовной или жизненно важной материальной сфере существования человека, выработанное и закрепленное общественным опытом народа, имеющее в его жизни исторические корни, социально и субъективно осмысливаемое и – через ступень такого осмысления – соотносимое с другими понятиями, ближайше с ним связанными или, во многих случаях, ему противопоставляемыми» [Демьянков, 2007, с. 606].

В исследовании применяются следующие *методы*: социологический опрос – для сбора текстового материала от целевой группы респондентов; методы корпусной лингвистики – для формального анализа совокупности полученных тек-

стовых массивов; лексико-семантический анализ – для содержательного анализа полученных текстовых массивов; общенаучные методы синтеза, обобщения, категоризации и кластеризации – для построения модели обобщенного толкования исследуемых понятий.

Представленное в настоящей статье исследование и его результаты являются частью глубинного экспертного исследования степени осведомленности начинающих исследователей о принципах добросовестности организации и проведения научного исследования (*research integrity*⁷). «Для отдельного исследователя добросовестность означает, прежде всего, приверженность к интеллектуальной честности и личную ответственность за свои действия и целый ряд мер, которые характеризуют ответственное проведение исследования»: «интеллектуальная честность в разработке и проведении исследования и в предоставлении отчетов; точность указания личного вклада в разработку исследования и при написании отчетов; справедливость в экспертной оценке; коллегиальность в научных взаимодействиях, включая коммуникацию и обмен ресурсами; прозрачность в конфликте интересов или указание на потенциальный конфликт интересов; защиту участника исследования при проведении исследований с участием людей; гуманную заботу о животных при проведении исследований с участием животных; а также соблюдение взаимных обязанностей между исследователями и исследо-

вательскими группами» [Shamoo, Resnik, 2015; Шамсутдинова, Шалабекова, Кутмыкожаева, 2019].

В настоящее время продолжается сбор материала по следующим исследовательским блокам: концептуализация основных понятий; процедурное знание и рефлексия исследовательского опыта; научная коммуникация и экспертиза; исследовательский инструментарий и базы данных; исследовательские традиции; компетенции исследователя (всего 70 содержательных вопросов открытого типа).

В настоящей статье освещаются результаты анализа ответов на три вопроса из блока «концептуализация основных понятий»⁸: (1) Опишите, как Вы понимаете содержание понятия «научный метод». Как бы Вы ответили на вопрос о том, что такое научный метод? (2) Опишите, как Вы понимаете содержание понятия «исследовательский протокол». Как бы Вы ответили на вопрос о том, что такое исследовательский протокол? (3) Опишите, как Вы понимаете содержание понятия «протокол конкретного исследования». Как бы Вы ответили на вопрос о том, что такое протокол конкретного исследования?

На данный момент в исследовании принял участие 161 респондент, чьей профессиональной сферой деятельности в основном является научная работа, преподавание иностранных языков и переводческая деятельность

7 Подробнее см., например, [Steneck, 2008; ENERI Manual..., 2018; Виноградова, 2017].

8 В лингвистике, психологии, социологии и некоторых других научно-исследовательских и практических направлениях работа с человеком, группой, сообществом людей через посредство их речевой продукции и дискурсов представляется действенным способом проникнуть в суть вещей: разобраться в интенции действующих субъектов, их картине мира, объяснить их поведение, охарактеризовать их личности и многое другое. При этом не ставится задача получить в ответ на речевой/дискурсивный стимул точный ответ, соответствующий тому, что зафиксирован в нормативном источнике (например, энциклопедии, учебнике). Наоборот, в антропологических исследованиях фокус направлен на уникальность человека, которая часто характеризуется похожестью между людьми. В этом смысле мы согласны с тем, что не каждый ведущий ученый может дать четкое определение исследуемых понятий, но каждый ученый должен разбираться в том, что есть научная деятельность, в частности научный метод, и осознавать осуществляемые действия, характеризующие его деятельность как научную, то есть соответствующую требованиям научного метода. И эта осведомленность «считывается» в его речевой продукции и дискурсе в ответ на вербальные стимулы, связанные с научной деятельностью.

(таблица 1). Большинство респондентов относится к обучающимся магистратуры⁹ и аспирантуры ведущих вузов России в предметной области «лингвистика и иностранные языки»¹⁰. Опрос проводится в рамках научно-исследовательской практики, которая осуществляется на базе ИНИОН РАН под руководством Л.Р. Комаловой. Опрос предваряется лекцией о принципах добросовестного проведения научных исследований, в которой обсуждаются основные понятия, представленные в опросе. Все респонденты проходят через процедуру информированного согласия.

Таблица 1. Характеристика группы респондентов

Table 1. Group of respondents' characteristics

Профессии респондентов	Количество респондентов ¹¹	Доля, %
исследователь	64	36,99
преподаватель	58	33,53
переводчик	15	8,67
студент (не работает)	14	8,09
программист	3	1,73
юрист	3	1,73
маркетолог	2	1,16
психолог	2	1,16
журналист	2	1,16
единичное разное	10	5,78
Всего	173	100

Здесь и далее составлено автором на основе проведенного ею опроса.

В настоящей работе нас интересуют лексико-семантические поля исследуемых понятий, формируемые в группе начинающих исследователей в возрасте до 39 лет, поэтому из анализа исключаются ответы более взрослых респондентов. Для нормального распределения ответов из их множества исключаются также ответы тех, кто не имеет опыта научно-исследовательской деятельности или чей опыт превышает 20 лет. В итоговую группу респондентов вошли 142 человека (23 мужчины и 119 женщин) в возрасте от 20 до 39 лет (средний возраст составляет 23,28 года, медиана = 22 года), имеющие опыт научно-исследовательской деятельности от 0,5 года до 7 лет (средний показатель составляет 3,27 года, медиана равна 3 годам).

Процедура исследования подразумевает две исследовательские тактики.

В рамках первой ответы респондентов в границах каждого вопроса объединяются в единый текстовый массив; проводится лемматизация¹² в рамках каждого текстового массива; для каждого текстового массива составляются словники; выявляются наиболее частотные леммы в рамках каждого словника; проводится построение лексико-семантических полей исследуемых понятий; анализируются пересечения лексико-семантических полей текстовых массивов трех исследуемых понятий; проводится сопоставительный анализ частотных лемм между исследуемыми понятиями. Было принято

9 В законопроекте «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» молодой ученый обозначен как «работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук в возрасте до 35 лет или ученую степень доктора наук в возрасте до 40 лет либо являющийся аспирантом, исследователем или преподавателем образовательной организации высшего образования без ученой степени в возрасте до 30 лет». См.: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/203207-8?ysclid=lmcaswt5eb944652045> (дата обращения: 15.07.2023).

10 См.: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/Linguistics/2022/ (дата обращения: 15.07.2023).

11 В колонке «количество респондентов» больше 161 единиц, так как некоторые респонденты указывали более одной профессии.

12 Лемматизация проводилась с помощью открытого интернет-ресурса <https://arsenkin.ru/tools/lemma/>, стоп-слова исключались из анализа.

Таблица 2. Формальные характеристики исследуемых текстовых массивов

Table 2. Formal characteristics of the studied text arrays

Опишите, как Вы понимаете содержание понятия ... Как бы Вы ответили на вопрос о том, что такое ...	Количество графем, не учитывая пробелы	Количество словоформ без стоп-слов	Количество уникальных лемм (словники)	Сумма всех лемм
научный метод	17 263	2 424	368	1 760
исследовательский протокол	15 487	2 106	394	1 429
протокол конкретного исследования	14 781	2 044	306	1 362

Таблица 3. Леммы ядра¹³ (частотные леммы) и периферии (нечастотные леммы) исследуемых текстовых массивов

Table 3. Lemmas of the core (frequent lemmas) and periphery (non-frequent lemmas) of the studied text arrays

Понятия	Количество уникальных лемм ядра	Количество уникальных лемм периферии	Сумма / доля суммы лемм ядра	Сумма лемм / доля суммы лемм периферии
научный метод	53	315	1240 / 70,45%	520 / 29,55%
исследовательский протокол	40	354	847 / 59,27%	582 / 40,73%
протокол конкретного исследования	39	267	902 / 66,23%	460 / 33,77%

решение анализировать леммы с частотностью, равной или превышающей 0,05% в текстовом массиве ответов на каждый вопрос. Эти леммы составили ядро каждого текстового массива. Остальные (низкочастотные) леммы были отнесены к периферии.

Вторая тактика подразумевает семантический анализ каждого ответа в рамках каждого текстового массива; выявление компонентов значений каждого из трех исследуемых понятий, которые респонденты раскрывают в ответах на заданные вопросы; выделение лексико-семантических категорий и анализ пересечений лексико-семантических категорий трех исследуемых понятий.

Результаты исследования

Отказы от ответа и несодержательные ответы типа «я не знаю» составили незначительную долю от полученных ответов: на вопрос об определении научного метода (НМ) – 0,5%, исследовательского протокола (ИП) – 5,62%, протокола конкретного исследования (ПКИ) – 3,76% (по трем вопросам в совокупности доля отказов от ответов составила 4,96%).

В ходе опроса в виде ответов на три вопроса было получено в совокупности 55083 знака текстового материала (что составило 6614 словоформ). Результаты формального анализа каждого текстового массива и частотного анализа представлены в таблицах 2 и 3.

¹³ Леммы, формирующие ядро лексико-семантических полей, имеют частотность 0,05% и выше встречаемости в текстовом массиве ответов на один из трех вопросов. Это означает, что в ядро входят леммы, встречающиеся в текстовом массиве семь и более раз.

По данным таблицы 3 видно, что суммы уникальных лемм каждого ядра занимают больше половины объема каждого текстового массива трех исследуемых понятий (НМ = 70,45%, ИП = 59,27%, ПКИ = 66,23%), что указывает на присутствие лемм ядер в большей половине ответов, данных респондентами опроса.

Частоты (в абсолютных единицах) уникальных лемм ядра каждого текстового массива представлены в таблице 4. Максимальную частоту встречаемости в текстовом массиве имеют такие леммы, как «исследование» (в словнике «ИП» – 165 ед.; в словнике «ПКИ» – 190 ед.), «научный» (в словнике «НМ» – 122 ед.), «метод» (в словнике «НМ» – 120 ед.). Эти три леммы были обнаружены почти в каждом ответе респондентов.

Следует отметить, что при сопоставлении словников были выявлены уникальные частотные леммы, характерные для конкретного текстового массива и не встречающиеся в других текстовых массивах: для словника «НМ» это леммы «сообщество» (37 ед.), «категория» (23 ед.), «наука» (23 ед.), «образец» (17 ед.), «прием» (16 ед.), «регулятивный» (14 ед.), «познание» (10 ед.); для словников «ИП» и «ПКИ» это такие леммы, как «план» (21 и 11 ед. соответственно), «участник» (21 и 16 ед.), «(за)фиксировать(ся)» (15 и 10 ед.), «выполнение» (11 и 13 ед.), «указание» (9 и 14 ед.); для словника «ИП» – «проект» (10 ед.), «подробный» (9 ед.), «набор» (7 ед.); для словника «ПКИ» – «список» (7 ед.).

Таблица 4. Перечень частотных лемм в исследуемых текстовых массивах

Table 4. List of frequent lemmas in the studied text arrays

Леммы словника «НМ»	Частота	Леммы словника «ИП»	Частота	Леммы словника «ПКИ»	Частота
1	2	3	4	5	6
научный	122	исследование	165 ¹⁴	исследование	190
метод	120	документ	67	проведение	88
исследование	61	протокол	55	документ	61
система	52	исследовательский	43	протокол	57
способ	47	проведение	38	задача	38
знание	46	задача	30	содержать(ся)	28
принцип	43	научный	29	этап	26
сообщество	37	результат	27	инструкция	24
совокупность	35	инструкция	26	действие	24
деятельность	33	содержать(ся)	26	правило	18
получение	32	план	21	результат	17
руководствоваться	29	участник	21	описывать	17
(ис)пользовать(ся)	29	описание	16	цель	17
новый	28	метод	15	конкретный	17
(об)основа(ние)	28	действие	15	участник	16
решение	24	должный	15	исследовательский	15

14 Значения 165 и 190 превышают количество ответов респондентов (142), так как в некоторых ответах лемма «исследование» употреблялась более одного раза.

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5	6
категория	23	(за)фиксироваться	15	описание	15
наука	23	правило	14	проводить(ся)	15
ценность	21	исследователь	11	последовательность	15
гипотеза	21	работа	11	шаг	14
задача	20	выполнение	11	указание	14
рамка	19	описывать	11	выполнение	13
проведение	18	цель	11	участие	13
образец	17	этап	11	порядок	13
прием	16	конкретный	11	метод	12
результат	15	проводить(ся)	11	принимать	12
основной	14	использовать(ся)	10	план	11
регулятивный	14	данные	10	ход	11
определенный	13	проект	10	процесс	10
помощь	13	шаг	10	(за)фиксировать(ся)	10
получать	13	участие	9	информация	9
процесс	12	принимать	9	должный	9
проверка	12	процедура	9	процедура	9
исследователь	12	указание	9	рамка	8
информация	12	подробный	9	методология	8
наблюдение	12	ход	8	научный	7
включать	12	процесс	7	данные	7
инструмент(арий)	12	набор	7	инструмент(арий)	7
ученый	11	требование	7	список	7
подход	10	порядок	7		
анализ	10				
данные	10				
работа	10				
познание	10				

Далее были построены лексико-семантические поля для каждой текстовой совокупности. На рисунке 3 и в таблице 5 визуализировано пересечение лексико-семантических полей трех исследуемых понятий.

На основании данных таблицы 5 становится очевидным, что в понимании респондентов исследовательский протокол и протокол конкретного исследования практически идентичны друг другу. На это указывает обширная

область пересечения ядер лексико-семантических полей этих двух понятий (пункт 4 в таблице 5). При этом отмечается наименьшее попарное пересечение ЛСП «научный метод» с ЛСП «исследовательский протокол» и с ЛСП «протокол конкретного исследования» (по три леммы из каждого ядра). Пересечение ЛСП трех исследуемых понятий происходит в леммах «научный», «метод», «исследование», «задача», «проведение», «результат», «процесс» и «данные».

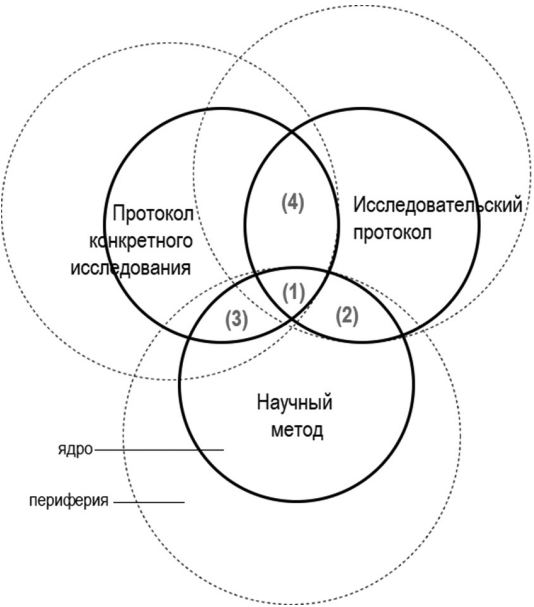

Рисунок 3. Пересечение лексико-семантических полей трех исследуемых понятий
Figure 3. The intersection of the lexico-semantic fields of the three notions under study

Таблица 5. Пересечения ядер лексико-семантический полей трех исследуемых понятий
Table 5. Intersections of the lexico-semantic fields' cores of the three notions under study

№	Пересечения ядер лексико-семантических полей	Количество лемм в ядре ЛСП каждого текстового массива, ед.	
1	«научный метод», «исследовательский протокол», «протокол конкретного исследования»	научный (122; 29; 7 соответственно) метод (120; 15; 12) исследование (61; 165; 190) задача (20; 30; 38)	проведение (18; 38; 88) результат (15; 27; 17) процесс (12; 7; 10) данные (10; 10; 7)
2	«научный метод», «исследовательский протокол»	(ис)пользовать(ся) (29; 10) исследователь (12; 11) работа (10; 11)	
3	«научный метод», «протокол конкретного исследования»	рамка (19; 8) информация (12; 9) инструмент(арий) (12; 7)	
4	«исследовательский протокол», «протокол конкретного исследования»	документ (67; 61) протокол (55; 57) исследовательский (43; 15) инструкция (26; 24) план (21; 11) участник (21; 16) описание (16; 15) действия (15; 24) должный (15; 9) (за)фиксироваться (15; 10) содержать(ся) (26; 28) правило (14; 18) выполнение (11; 13)	описывать (11; 17) цель (11; 17) этап (11; 26) конкретный (11; 17) проводить(ся) (11; 15) шаг (10; 14) участие (9; 13) принимать (9; 12) процедура (9; 9) указание (9; 14) ход (8; 11) порядок (7; 13)

Семантический анализ¹⁵ каждого ответа в рамках каждого текстового массива позволил выявить 99 компонентов значений трех исследуе-

мых понятий и сгруппировать эти компоненты значений в следующие лексико-семантические категории (таблица 6).

Таблица 6. Лексико-семантические категории трех исследуемых понятий

Table 6. Lexico-semantic categories of the three notions under study

Лексико-семантические категории	Количество лемм в ядре ЛСП каждого текстового массива		
	научный метод	исследовательский протокол	протокол конкретного исследования
номинация явления (имя сущ.)	200 ед. способ, прием, принципы, категории, практика, знания, система и др.	178 ед. документ, план, инструкция, форма, правила, действия, процедура и др.	186 ед. документ, план, инструкция, документация, этапы, порядок, шаги и др.
целовое назначение явления (глагол, отглагольное сущ.)	237 ед. исследовать, изучать, познавать, получать, достигать, руководствоваться, решать, доказывать, обосновывать и др.	119 ед. исследовать, проводить, описывать, содержать, фиксировать, регистрировать, устанавливать и др.	140 ед. исследовать, проводить, описывать, излагать, организовывать, устанавливать, анализировать и др.
границы явления (имя прил. +) имя сущ.)	21 ед. наука, область науки, научная область, предметная область, научное направление	4 ед. предметная область, отрасль, исследовательская повестка	1 ед. область
актор деятельности (имя сущ.; личное / указательное местоим.)	57 ед. сообщество, (академический) мир, исследователь, ученый и др.	50 ед. участник, исследователь, кто, ученый, испытуемый и др.	30 ед. кто, участник, вы, исследователь, испытуемый и др.
временной план действий (время глагола)	80 ед. настоящее, будущее, прошлое	33 ед. настоящее, будущее	24 ед. настоящее, будущее, прошлое
направленность осуществляемых действий (имя сущ.)	49 ед. феномен, информация, объект, действительность, проблема, факт и др.	7 ед. факт, событие, явление, процесс	0
модальность осуществляемых действий (модальный глагол)	5 ед. долженствование, необходимость, возможность	18 ед. долженствование, необходимость, возможность	30 ед. долженствование, необходимость, возможность

15 Семантический анализ проводился по авторской методике Л.Р. Комаловой, впервые апробированной при исследовании семантического поля «агрессия» и описанной в [Комалова, 2017, с. 140–182].

По данным таблицы 6 можно смоделировать структуру разворачивания трактовки трех исследуемых понятий. Так, определяя каждое из трех понятий, респонденты номинируют объясняемое явление, обозначают, какая цель достигается с помощью этого явления. Для определения понятий «научный метод» и «исследовательский протокол» респонденты считают значимым указать на актора деятельности, для «научного метода» – также направленность осуществляемых действий. Менее всего в структуре определений трех исследуемых понятий представлена категория «граница явления»; в структуре определения понятий «исследовательский протокол» и «протокол конкретного исследования» – категория «направленность осуществляемых действий». Категория «временной план действий» четче всего актуализирована при определении понятия «научный метод», в меньшей степени – при определении исследовательского протокола и протокола конкретного исследования. Количество лемм в категории «модальность осуществляемых действий» уменьшается в направлении от категории «протокол конкретного исследования» к категории «научный метод».

В таблице 7 представлены пересекающиеся компоненты значений лексико-семантических категорий трех исследуемых понятий.

Согласно таблице 7, пересечения компонентов значений трех исследуемых понятий происходят между ядрами ЛСП, между перифериями ЛСП и между ядрами и перифериями лексико-семантических полей. Три исследуемых понятия имеют следующие пересекающиеся компоненты значений в ядрах ЛСП: «ценностный уровень» (леммы «принцип», «подход», «правила»), «действия» (леммы «действия», «шаги»), «изучать» (леммы «исследовать», «проводить» и др.),

«настоящее время». Больше всего пересечений между ядрами происходит между компонентами значений понятий «исследовательский протокол» и «протокол конкретного исследования»: «материальный носитель информации» (леммы «документ», «инструкция», «список» и др.), «процесс» (леммы «процедура», «последовательность», «ход» и др.), «излагать содержание» (леммы «описывать», «раскрывать» и др.), «фиксировать сведения» (леммы «фиксировать», «отражать»), «диктовать способ действий» (леммы «устанавливать», «указывать (давать распоряжение)»), «организовывать работу» (леммы «организовывать», «разрабатывать»), «участник», «кто», «модальность долженствования».

Компоненты «материальный носитель информации», «фиксировать сведения», «излагать содержание», «диктовать способ действия», «организовывать работу», «участник», «кто», по мнению респондентов, являются дифференцирующими для понятий «исследовательский протокол» и «протокол конкретного исследования», отличающими эти понятия от понятия «научный метод».

Дифференцирующими для понятия «научный метод» выступают компоненты «знания» (леммы «понятия», «закон», «теория» и др.), «получать в результате изучения» (леммы «получать», «достигать», «приобретать»), «принимать решения» (лемма «решать» и др.), «доказывать» (леммы «доказывать», «подтвердить», «опровергать»), «сообщество» (леммы «сообщество», «(академический) мир»), «наблюдаемое явление» (леммы «явление», «феномен» и др.). При этом наблюдается пересечение ядер ЛСП «научный метод» и ЛСП «протокол конкретного исследования» в компоненте «способ действия» (леммы «метод», «как») и пересечение ядер ЛСП «научный метод»

Таблица 7. Пересечения лексико-семантической категорий трех исследуемых понятий

Table 7. Intersections between lexico-semantic categories of the three notions under study

Лексико-семантические категории	Компоненты значений	Понятия / количество лемм ¹⁶ в каждом текстовом массиве		
		НМ	ИП	ПКИ
номинация явления	материальный носитель информации	0	101	101
	способ действия	111	2	10
	ценностный уровень	57	27	14
	действия	9	17	19
	процесс	6	11	32
	знания	7	1	0
целое назначение явления	изучать	45	34	49
	получать в результате изучения	43	2	0
	быть нормативным основанием	35	9	1
	принимать решение	20	1	0
	доказывать	8	1	0
	анализировать	5	1	2
	излагать содержание	1	26	31
	регулировать	1	1	2
	фиксировать сведения	0	22	22
	диктовать способ действия	0	10	12
	организовывать работу	0	8	13
	планировать	0	2	2
границы явления	предметная область, в которой проводится исследование	4	2	1
актор деятельности	сообщество	37	0	0
	исследователь	12	11	2
	ученый	7	4	0
	участник	0	20	12
	кто	0	9	13
	испытуемый	0	3	2
	экспериментатор	0	1	1
	вы	0	1	3
временной план действий	настоящее	76	26	24
	будущее	3	7	3
	прошлое	1	0	3
направленность осуществляемых действий	наблюдаемое явление	10	1	0
	наблюдаемый факт	2	3	0
	наблюдаемое событие	1	2	0
модальность осуществляемых действий	долженствование	2	10	13
	необходимость	1	7	6
	возможность	2	1	5

¹⁶ Полу жирным шрифтом отмечены значения, относящиеся к ядрам лексико-семантических полей каждого из исследуемых понятий.

и ЛСП «исследовательский протокол» в компонентах «быть нормативным основанием» (леммы «руководствоваться», «придерживаться», «следовать») и «исследователь».

На основе выявленных компонентов значений и их пересечений в ядрах ЛСП трех исследуемых понятий смоделируем обобщенные толкования исследуемых понятий, выводимые из совокупности ответов респондентов.

Научный метод – это способ действия, выступающий нормирующим основанием, в настоящем времени на уровне ценностей, позволяющий сообществу исследователей-ученых изучать наблюдаемое явление, доказывать, получать в результате этого знания и принимать решения.

Исследовательский протокол – это материальный носитель информации, выступающий нормирующим основанием, в настоящем и будущем времени излагающий содержание и фиксирующий сведения о действиях и процессах, в залоге долженствования и необходимости диктующий исследователям и участникам действия и организацию исследования.

Протокол конкретного исследования – это способ действия и материальный носитель информации, в настоящем времени излагающий содержание и фиксирующий сведения о действиях и процессах, в залоге долженствования диктующий участникам действия и организацию исследования.

Заключение

На основе результатов, полученных в ходе исследования лексико-семантических полей «научный метод», «исследовательский протокол», «протокол конкретного исследования», были выявлены компоненты значений, которые респонденты актуализируют при толковании сути этих явлений в рамках

научно-исследовательской деятельности. Была частично подтверждена гипотеза о сходстве толкования исследуемых понятий со стороны начинающих ученых-исследователей. При этом были выявлены и дифференцирующие компоненты значений. На основе полученных результатов удалось зафиксировать, что понятия «исследовательский протокол» и «протокол конкретного исследования» рассматриваются респондентами как синонимы.

Среди ограничений исследования следует отметить, что проведение опроса в Интернете дало респондентам возможность в случае возникновения затруднения с ответом на вопрос проводить информационный поиск по источниковым базам данных научной информации, что в ряде случаев привело к появлению полностью идентичных ответов, данных разными испытуемыми. Для того чтобы избежать подобного поведения в дальнейшем и получить более аутентичный исследовательский материал, предлагается скорректировать процедуру проведения социологического опроса.

Для повышения репрезентативности полученных результатов в дальнейшем следует значительно расширить охват респондентов, включая начинающих ученых-исследователей из других областей научного знания.

Список литературы

Бахтина И.Л., Лобут А.А., Мартюшов Л.Н. Методология и методы научного познания. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. – 120 с.

Виноградова Т.В. Добросовестность в научных исследованиях. – Москва : ИНИОН РАН, 2017. – 76 с.

Гиббс П. Эмос свободы ученого // Ведомости прикладной этики. – 2022. – № 59. – С. 93–102.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. – Москва : Высшая школа, 1973. – 320 с.

Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. – Москва : Азбуковник, 2007. – С. 606–622. – URL: http://www.infolex.ru/FOR_SHV.HTM (дата обращения: 15.07.2023).

Комалова Л.Р. Агрессогенный дискурс: типология мультилингвальной вербализации агрессии. – Москва : Спутник +, 2017. – 275 с.

Комарова З.И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики. – Екатеринбург : Уралжский государственный педагогический университет, 2016. – 209 с.

Коэн М., Нагель Э. Введение в логику и научный метод / пер. с англ. П.С. Куслия. – Челябинск : Социум, 2010. – 412 с.

Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. – Москва : Гнозис, 2011. – 224 с.

Липчиу Н.В., Липчиу К.И. Методология научного исследования. – Краснодар : КубГАУ, 2013. – 290 с.

Лукашевич В.К. Основы методологии научных исследований. – Минск : Элайда, 2001. – 104 с.

Мазур Л.Н. Научный метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – Москва : Аквилон, 2014. – С. 323–324.

Мамедов А.А. Философия науки и техники. – [Б.м.] : Издательские решения, 2022. – 296 с.

Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. – Москва : Академия, 2008. – 272 с.

Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва : Наука, 1973. – 318 с.

Радаев В.В. Как организовать и представить исследовательский проект: 75 простых правил. – Москва : ГУ-ВШЭ; Инфра-М, 2001. – 203 с.

Сарыбеков М., Сыдыкназаров М. Словарь науки: общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории. 2-е изд., доп. перераб. – Алматы : Триумф «Т», 2008. – 504 с.

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / пер. с англ., общ. ред. и вступит. статья М.А. Кисселя. – Москва : Прогресс, 1990. – 724 с.

Шамсутдинова А.Г., Шалабекова М.Т., Куттыкожаева Г.А. Добросовестность и этика в исследовательской деятельности: концепции, практика, проблемы (обзор литературы) // Вестник КазНМУ. – 2019. – № 1. – С. 657–660.

ENERI Manual. Research integrity and ethics / Penders B., Shaw D., Lutz P., Townend D., Akrong L., Zvonareva O. – Maastricht: Maastricht University, 2018. – 111 p. – URL: <https://eneri.eu/wp-content/uploads/2018/10/ENERI-e-Manual.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

Shamoo A.E., Resnik D.B. Responsible conduct of research. 3rd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 346 p.

Shils E. Academic ethos // The American Scholar. – 1978. – Vol. 47, N 2. – P. 165–190.

Steneck N.H. ORI introduction to the responsible conduct of research. – Washington : ORI, 2007. – 184 p. – URL: <https://ori.hhs.gov/sites/default/files/2018-04/rcrintro.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.10

How Scholar Beginners Reflect Their Professional Activity

Liliya R. KOMALOVA

Dr. Sc. (Linguistics), Associate Professor, Head of and Leading Researcher at the Centre of Emerging Practices

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: komalova@inion.ru

ORCID: 0000-0002-0955-5315

CITATION: Komalova L.R. (2023). How Scholar Beginners Reflect Their Professional Activity. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 167–186 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.10

Received: 02.08.2023.

Revised: 09.09.2023.

ABSTRACT. *The research represented in the paper aims at determining the degree of awareness of scholar beginners about the essence of their professional activity. In particular, we study the verbal conceptualization of the notions «scientific method», «research protocol», and «specific research protocol» by highlighting and analyzing the composition of lexico-semantic fields, constructed on the definitions given by the respondents through sociological survey. The introduction describes the social conditions in which the issue of professional activity reflection by scholar beginners becomes significant and topical. The paper reveals the content of the notions under study, presented in the scientific and methodological literature, and also describes the methodology and results of the ongoing empirical research. Based on the results obtained, the paper reveals similar and differentiating lexico-semantic components within the meanings of the notions under study. Based on the 99 lexico-semantic components and their intersection in the composition of lexico-semantic categories, generalized interpretations of the*

notions under study were modeled. It was possible to fix that the notions «research protocol» and «specific research protocol» are considered by the respondents as synonyms, but at the same time they differ from the notion «scientific method» mainly in the core of the most presented lexico-semantic category «phenomenon nomination».

KEYWORDS: *scientific method, research protocol, specific research protocol, conceptualization, lexico-semantic field, scholar beginner, research integrity, academic view of the world.*

References

Bakhtina I.L., Lobut A.A., Martjushov L.N. (2016). *Methodology and Methods of Scientific Cognition*. Ekaterinburg: Ural'sky gosudarstvennyy pedagogichesky universitet. 120 pp. (in Russian).

Cohen M.R., Nagel E. (2010). *Introduction to Logic and the Scientific Method*. Chelyabinsk: Sotsium, 412 pp. (translation into Russian).

- Demiankov V.Z. (2007). The term “concept” as an element of terminological culture. In: Lyapon M.V. (ed.). *Language as the Matter of Meaning: A Collection of Articles in Honor of Academician N.Y. Shvedova*. Moscow: Azbukovnik, pp. 606–622 (in Russian). Available at: http://www.infolex.ru/FOR_SHV.HTM, accessed 15.07.2023.
- ENERI Manual... (2018). Penders B. et al. *ENERI Manual. Research Integrity and Ethics*. Maastricht: Maastricht University, 111 pp. Available at: <https://eneri.eu/wp-content/uploads/2018/10/ENERI-e-Manual.pdf>, accessed 15.07.2023.
- Gibbs P. (2022). An ethos for scholarly freedom. *Vedomosti prikladnoy etiki*. Vol. 59, pp. 93–102 (in Russian).
- Golovin B.N. (1973). *Introduction to Linguistics*. Moscow: Vysshaya shkola. 320 pp. (in Russian).
- Komalova L.R. (2017). *Aggressogen Discourse: The Multilingual Aggression Verbalization Typology*. Moscow: Sputnik +, 275 pp. (in Russian).
- Komarova Z.I. (2016). *The Technology of Scientific Research in the System Methodology of Modern Linguistics*. Ekaterinburg: Uralsky gosudarstvennyy pedagogichesky universitet, 209 pp. (in Russian).
- Leontovich O.A. (2011). *Methods of Communication Research*. Moscow: Gnozis, 224 pp. (in Russian).
- Lipchii N.V., Lipchii K.I. (2013). *Methodology of Scientific Research*. Krasnodar: KubGAU, 290 pp. (in Russian).
- Lukashevich V.K. (2001). *Fundamentals of Scientific Research Methodology*. Minsk: Elajda, 104 pp. (in Russian).
- Mamedov A.A. (2022). *Philosophy of Science and Technology*. S. l.: Izdatelskie reshenija, 296 pp. (in Russian).
- Maslova V.A. (2008). *Modern Trends in Linguistics*. Moscow: Akademija, 272 pp. (in Russian).
- Mazur L.N. (2014). Scientific method. In: Chubaryan A.O. (ed.). *Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary*. Moscow: Akvilon, pp. 323–324 (in Russian).
- Obscheye yazykoznaniye... (1973). Serebrennikov B.A. (ed.). *General Linguistics. Methods of Linguistic Research*. Moscow: Nauka, 318 pp. (in Russian).
- Radaev V.V. (2001). *How to Organize and Present a Research Project: 75 Simple Rules*. Moscow: HSE; Infra-M., 203 pp. (in Russian).
- Sarybekov M., Sydyknazarov M. (2008). *Dictionary of Science: General Scientific Terms and Definitions, Scientific Concepts and Categories*. Almaty: Triumph “T”, 504 pp. (in Russian).
- Shamoo A.E., Resnik D.B. (2015). *Responsible Conduct of Research*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 346 pp.
- Shamsutdinova A., Shalabekova M., Kuttykozhayeva G. (2019). Research integrity and ethics: concepts, practices and challenges. *Vestnik KazNMU*. Vol. 1, pp. 657–660 (in Russian).
- Shils E. (1978). Academic ethos. *The American Scholar*. Vol. 47, no. 2, pp. 165–190.
- Steneck N.H. (2007). *ORI Introduction to the Responsible Conduct of Research*. Washington: ORI, 184 pp. Available at: <https://ori.hhs.gov/sites/default/files/2018-04/rcrintro.pdf>, accessed 15.07.2023.
- Vinogradova T.V. (2017). *Integrity in Scientific Research*. Moscow: INION RAN, 76 pp. (in Russian).
- Whitehead A.N. (1990). *Selected Works on Philosophy*. Moscow: Progress, 724 pp. (translated into Russian).

Точка зрения

УДК 32.019.51

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Речевое действие как фактор социально-политических изменений: к постановке проблемы

Дауд Эсенбаевич КАДЫРОВ

кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: daudkades@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3232-6307

ЦИТИРОВАНИЕ: Кадыров Д.Э. Речевое действие как фактор социально-политических изменений: к постановке проблемы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 187–203. DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Статья поступила в редакцию: 23.09.2023.

Исправленный текст представлен: 06.12.2023.

АННОТАЦИЯ. Целью данного исследования является постановка проблемы анализа взаимосвязи концептуальных (языковых) и социальных изменений, а также раскрытие роли социально-политического речевого действия политических теоретиков как ключевых акторов этих процессов. В статье рассматриваются вопросы конструирования и изменения социально-политической реальности, а также роль в этих процессах речевых актов как особого типа социальных действий. На материале общей теории социальной реальности Дж. Сёрля речевые акты рассматриваются как основа и необходимое условие социально-политических изменений. Описываются структура и элементы речевых актов в рамках теории речевых актов Дж. Остина, дополненной и формализованной Сёрлем. Обсуждается влияние данной теории на становление теоре-

тико-методологического подхода Кембриджской школы интеллектуальной истории, применяемого для понимания анализа социально-политических изменений в различных обществах и исторических периодах. В качестве примера подобных исследований описываются основные элементы подхода одного из основоположников Кембриджской школы Кв. Скиннера. Аналитический инструментарий, применяемый Скиннером и его коллегами, помогает понять связь между концептуальными и социальными изменениями в истории политической мысли. Рассматривая политических теоретиков как идеологов, Скиннер через анализ политических языков и идеологического контекста объясняет, как эти авторы-идеологи с помощью высказываний, являющихся основой их теоретических концепций и риторики, намеренно совершают определенные действия, меняющие социаль-

но-политическую реальность. Также рассматриваются возможности, попытки и перспективы применения методологии Кембриджской школы к исследованиям в области отечественной истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *конструирование социальной реальности, политическая онтология, социально-политические изменения, теория речевых актов, Джон Сёрль, интенциональность, социально-политическое действие, риторика, Квентин Скиннер.*

Анализ социально-политических трансформаций представляет определенную проблему для исследователя в силу особенностей и сложной структуры самой социальной реальности. Будучи частью объективного мира, эта реальность детерминирована свойствами восприятия и множеством ментальных состояний человека, определяющих его цели и действия. Через эти действия в рамках социального взаимодействия конструируется и изменяется социальная реальность, конституируются социальные факты и формируются институты, а также определяются функции образующих структуру социальной реальности феноменов. При этом последние не могут быть установлены в отрыве от своих функций. В этом заключается основная сложность анализа социальной реальности [Searle, 1995, p. 2–5].

Эти характеристики относятся и к политической реальности как одной из сфер социальной реальности. Все политические факты, явления и институты как подтипы социальных фактов также зависят от восприятия и действий человека. Однако политическая сфера человеческого бытия имеет свои особенности, поскольку человек не единственное социальное существо, но единственное политическое [Поспелова, 2010; Поспелова, 2011].

Изменения социальных и политических институтов современного общества особенно интенсивны в силу его технологического развития. И хотя с одновременным развитием науки теоретическая мысль расширяет аналитический инструментарий для осмысления этих процессов, существующие методы не всегда позволяют исследователю достаточно глубоко раскрыть проблему, а также могут не соответствовать особенностям сложной социальной структуры конкретного общества, как современного, так и других исторических периодов. В связи с этим анализ данной проблематики зачастую требует корректировки теоретико-методологической базы.

Для разрешения этой исследовательской задачи необходимо прежде всего понимание оснований, на которых базируются социальные действия, а также переосмысление процессов формирования социальных институтов.

Теория социальной реальности Джона Сёрля

Здесь стоит прежде всего обратиться к общей теории социальной реальности известного американского философа Джона Сёрля, которая часто, хотя и не без критики, рассматривается «как отправная точка большинства анализов социальной онтологии» [Gallotti, Michael, 2014, p. 5]. Данная теория, предложенная Сёрлем в работе «Создавая социальный мир: структура человеческой цивилизации» [Searle, 2010], представляет собой обширный и длительный проект, в рамках которого он развивает более узкую «специальную теорию социальной реальности» (такое название он дал ей позднее), представленную в более ранней работе «Конструирование социальной реальности» [Searle, 1995]. В рамках своей

общей теории Сёрль также рассматривает отдельные вопросы философии сознания и такие темы, как теория речевых актов, теория рациональности и концепция интенциональности. Философия Сёрля широко исследуется и рассматривается как революционная в том, как она отвечает на некоторые основополагающие вопросы исследуемой им проблематики [Левин, 2011, с. 161–162].

Мы не будем подробно описывать весь концептуальный аппарат и исследуемые Сёрлем вопросы, а разберем лишь некоторые их аспекты и элементы, наиболее релевантные в рамках данной статьи.

Итак, согласно Сёрлю, социальная реальность в каком-то смысле становится для нас «невидимой», если мы не задумываемся о природе институциональных фактов и об онтологических основаниях социальных феноменов, которые обычно воспринимаются как простые и естественные, словно независимые от нашего восприятия и намерений. Так мы оказываемся в ситуации, когда, по выражению Сёрля, «сложная онтология оказывается простой; простая онтология оказывается сложной» [Searle, 1995, p. 4].

С целью обратить внимание на онтологические основания этих явлений и сделать определенные выводы Сёрль пытается для начала выделить ряд их особенностей и характеристик [Скрипник, 2020, с. 103–104]. Ключевым термином для объяснения природы социальной реальности в его теории является интенциональность, которую он определяет как «свойство многих ментальных состояний и событий, в силу которого они направлены на объекты и положения дел в мире» [Searle, 1983, p. 1]. Именно интенциональность как свойство человеческого сознания определяет процесс формирования социальных институтов. Без интенцио-

нальности социальные факты и явления не могут быть конституированы, наделяются определенным статусом и функциональным содержанием. Особую роль в этом процессе играет коллективная интенциональность, благодаря которой через социальные конвенции образуются новые институциональные факты [Searle, 1995, p. 23–26; Сёрль, 2004b, с. 75–76; Чиков, 2007, с. 212–213]. Таким образом, понимание интенциональности является важным элементом адекватного анализа социально-политического измерения человеческого бытия. Сёрль занимается этой темой уже четыре десятилетия. За это время его концепция интенциональности стала главной в США. Однако, несмотря на то, что концепция «интенции» и проблема интенционального анализа в целом, как и философия Сёрля в частности, уже подробно исследуются в России, именно теория интенциональности Сёрля еще относительно мало представлена и остается в российском академическом дискурсе «белым пятном» среди всех его теоретических разработок, в том числе из-за отсутствия перевода его ключевых текстов, посвященных данной проблематике [Никоненко, 2017, с. 14].

Еще одним необходимым условием конструирования социальной реальности в теории Сёрля является язык, то есть использование речевых актов – вербальных конструкций, высказываний, с помощью которых реализуются социальные действия и создаются институциональные факты. Сёрль приходит к выводу, что «вся человеческая цивилизация создана речевыми актами» [Searle, 2010, p. 12]. Исключением здесь является сам язык, который, будучи частью социальной реальности, конструирует ее и при этом сам конструируется в ее рамках. Здесь возникает проблема замкнутого круга, в решение которой Сёрль также пытается внести свой вклад [Каримов, 2010, с. 84–85].

Таким образом, язык, речевые акты как основа социального действия являются важным элементом для объяснения социальных изменений [Searle, 1995, p. 59–78]. В общей теории Сёрля речевые акты, в свою очередь, обусловлены прежде всего интенциональностью. Результаты исследования этой концепции Сёрля нашли отражение в его так называемой теории речевых актов, скорее, даже ее интерпретации и более формализованном дополнении, поскольку Сёрль не был основоположником данной теории.

Теория речевых актов Джона Остина

Изначально понятие речевого акта было введено британским философом языка Джоном Остином (1911–1960) в его классических работах. Он был одним из ученых, критиковавших устоявшиеся в XX в. методы анализа речевых актов, сосредоточенных на проблеме истинности высказываний, которые, как предполагалось, могут лишь описывать и констатировать некое явление или факт [Сёрль, 2004а]. Остин обратил внимание на то, что есть высказывания, которые сами являются обозначаемым ими действием, – «перформативы». Когда мы произносим какое-либо высказывание в рамках социального взаимодействия, мы целенаправленно совершаем определенное действие. Это вербально выраженное действие и является речевым актом. Такие высказывания не могут быть рассмотрены в категориях истинности или ложности, подобно констатирующим высказываниям – «констативам».

Остин постепенно стирал границу между констативами и перформативами, в итоге вовсе отказался от их разделения, поскольку все они неотделимы от действий и, таким образом, имеют в своей основе перформативную со-

ставляющую. Вместо их разделения Остин решает разработать развернутую классификацию, в рамках которой могут быть осуществлены различные действия посредством высказываний. Известно, что «реализация речевого акта – это комплекс сложных многоступенчатых действий, целенаправленно совершающихся говорящим субъектом в направлении к слушателю с целью воздействия на сознание и поведение адресата [Красина, 2016, с. 93]. Главная задача классификации Остина как модели анализа как раз состоит в том, чтобы позволить описать большое разнообразие и сложность речевого взаимодействия. В результате исследований к середине 1950-х годов идеи Остина были преобразованы в теорию речевых актов (ТРА), изложенную в рамках его курса лекций в Гарварде в 1955 г. [Austin, 1975]. Таким образом, именно Остин был создателем оригинальной ТРА.

В своей классификации Остин обозначил три уровня/аспекта, составляющих единый речевой акт: (1) локутивный уровень – то, что говорится, то есть само высказывание (локуция); (2) иллокуция (лат. *in locutio*) – то, что содержится в высказывании помимо самих слов, то есть намеренное действие, которое говорящий выполняет, когда говорит что-либо, выражаемое разными способами и с определенной «иллокутивной силой»: обещание, убеждение, предупреждение, приказ, угроза, замечание, вопрос, ответ, шутка, информирование и т.п.; (3) перлокуция (лат. *per locutio*) – результат речевого акта, то есть эффект, воздействие, оказанное с помощью высказывания на аудиторию, на мысли, чувства и действия слушателей [Austin, 1975; Остин, 2004]. Структура речевого акта в чем-то схожа со строением неречевого акта: оба содержат намерение, цель и производимый эффект (результат).

В то время как локутивный аспект речевого акта является традиционной темой семантики, а перлокутивный – риторики, понятие иллокуции, предложенное Остином, обозначило не менее важный аспект высказывания, на который не обращали должного внимания. Предметом анализа теперь становится не семантика высказываний, а совершенные с их помощью действия, прагматика. В отличие от других теорий речевой деятельности и коммуникации, модель речевого акта, предложенная Остином, стала более узко фокусироваться на внутренней структуре речевых актов и рассматривать их как способ достижения определенных целей в рамках социального взаимодействия [Бут, 2003].

Хотя в ТРА Остина уделяется особое внимание иллокуции, он тем не менее испытывал некоторые трудности с точным определением и классификацией иллокутивных актов, приводя лишь их примеры. В последующие десятилетия его идеи получили значительное развитие и распространение в работах других авторов. На сегодняшний день существуют различные классификации речевых актов. Особое значение имеет интерпретация, предложенная Сёрлем, который развил идеи Остина, формализовав его ТРА и заложив в нее основы иллокутивной логики через уточнение иллокутивного уровня речевого акта. Сёрль предложил более точное определение и классификацию иллокутивных актов, а также подробно исследовал и описал главный элемент в определении иллокуции – концепцию интенции (намерения). В основу классификации Сёрля легло различие высказываний по характеру их иллокутивной силы, в которой выражается намерение и которая лежит в основе всех речевых актов. Так, подобно Остину, стиравшему различия между констативами и перформативами, Сёрль скло-

няется к тому, что все речевые акты можно называть иллокутивными.

ТРА позволяет нам лучше понять влияние речевых актов как формы социального действия на социальную реальность. Сегодня ТРА как основа лингвистической прагматики применяется при анализе текстов и их профессиональной экспертизе в различных сферах, в том числе для правовой оценки в процессе судопроизводства [Радбиль, 2013]. Однако одним из наиболее примечательных для нас является пример использования ТРА при анализе истории политической мысли.

Теория речевых актов в интенционалистском подходе Квентина Скиннера

Теория Остина сыграла основополагающую роль в становлении подхода еще одного важного в данной области исследований автора – интеллектуального историка, философа и политического теоретика Квентина Скиннера [Рихтер, 2018, с. 348]. Сегодня он является самым известным, влиятельным и цитируемым (в том числе в России) представителем и основоположником так называемой Кембриджской школы интеллектуальной истории (*Cambridge School of Intellectual History*). Другие ее основоположники – Джон Покок и Джон Данн. Теоретико-методологический подход Кембриджской школы является важным источником для анализа социально-политических трансформаций. Он примечателен прежде всего тем, что рассматривает высказывания авторов политической мысли как речевые акты, то есть для кембриджцев политические идеи, теоретические концепции и тот язык, которым авторы их описывают, выступают как социальные действия. Данный подход также называют «методом контекстуализма», поскольку в широ-

ком смысле он представляет собой контекстуальный способ интерпретации политической мысли, метод анализа текстов прошлого с акцентом на исторических условиях их возникновения и в неотрывной связи с биографией их авторов, поскольку их высказывания и идеи могут быть адекватно поняты только в интеллектуальном контексте, в котором они осуществлялись. Подобный анализ позволяет исследователю понять роль политических идей как части исторических процессов.

Методология Кембриджской школы отчасти формировалась и приобретала свои «контекстуалистские» очертания в период, когда Скиннер начал формулировать свой подход «в терминах теории перформативных речевых актов» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 25], интегрировав в него категориальный аппарат Остина. Так, опираясь на анализ, проделанный Остином, Скиннер в своих исследованиях демонстрирует каждый аспект речевого акта на конкретном примере [Skinner, 1988, p. 83–84]. Таким образом, теория Остина стала важной теоретической опорой и одним из импульсов [Кадыров, 2018] для формирования подхода Кембриджской школы. И хотя со временем Скиннер почти перестал упоминать Остина в своих работах, он не отказался от остиновского «жаргона», который по сей день использует в своих исследованиях [Павлов, 2018, с. 271; Скиннер, 2005, с. 146], а также по-прежнему признает основополагающую роль ТРА в своем подходе [Рихтер, 2018, с. 348].

Здесь следует отметить, что ТРА, несмотря на свое влияние на Кембриджскую школу и другие научные подходы и методы анализа текстов, как и любая теория, имеет определенные ограничения и недоработки. Отсюда различные попытки формализовать и дополнить ТРА, как это делал Сёрль. Так, используя элементы теории Остина, Скиннер

позаимствовал для формирования «каркаса» [Рихтер, 2018, с. 358–359] своего подхода идеи из трудов других авторов по аналитической философии, прежде всего из философии языка позднего Витгенштейна. Обращаясь к «Философским исследованиям» [Витгенштейн. 2018], Скиннер принял попытку интегрировать в теорию Остина витгенштейновскую концепцию значения. Кроме того, в трудах Скиннера мы также видим отсылки к анализу теорий языка Сёрля, Куайна, Дэвидсона и Грайса [Skinner, 2002c].

Расширив идеи Остина в своем подходе, Скиннер и его коллеги пытаются разработать инструментарий для понимания того, кто и как создает и меняет социальную реальность. В своем анализе политической мысли Скиннер пытается понять и проследить связь между концептуальными и социальными изменениями в истории, то есть объяснить, как авторы с помощью высказываний, являющихся основой их теоретических концепций и риторики, совершают действия, меняющие социальную реальность.

С этой целью Скиннер пытается разработать собственные методы и правила интерпретации текстов, в которых используются ключевые для интеллектуальной истории концепции [Скиннер, 2018a; Скиннер, 2018b], и обращается к работам по теории интерпретации и философскому анализу языка. В частности, благодаря анализу, проделанному Остином, Скиннер приходит к выводу, что необходимо исследовать не значение высказываний, а их употребление, то есть рассматривать их как вид социального действия. Как видим, философия языка в подходе Скиннера прежде всего связана с теорией действия, как у Остина и Сёрля: все они «проводят различие между чисто семантическим пропозициональным содержанием высказыва-

ний и их зависимой от использования прагматической иллюкутивной силой» [Mulrow, Mahler, 2010, S. 9–10].

Также в методологии интерпретации текстов у Скиннера главным становится вопрос о том, каким намерением руководствовались авторы [Скиннер, 2018], поскольку речевое действие всегда связано с определенным намерением и не ограничено рамками определенного значения. Таким образом, как и в теории Сёрля, концепция интенции является центральной в подходе Скиннера. По этой причине последний также называют «интенционалистским» [Cervera-Marzal, 2012, p. 18]. С точки зрения Скиннера, одной из главных ошибок традиционных методов анализа классических текстов политической мысли было именно отсутствие должного внимания к намерениям их авторов.

Речевое действие и социальные изменения

Теория социальных изменений в подходе Скиннера опирается на особую роль в них языка. Поскольку социальная реальность определяется концепциями, которые «привносятся нами, когда мы пытаемся ее понять» [Скиннер, 2018с, с. 279], дискуссии и разногласия вокруг этих концепций отражают наше отношение к социальной реальности и оказывают определенное воздействие на нее. Таким образом, концептуальные изменения как перформативный эффект речевого действия становятся фактором социальных изменений.

Скиннер фокусируется на перформативности текстов и реконструкции речевых актов как особого класса социальных действий. При этом он не перестает задаваться вопросом об интенциональности и заниматься реконструкцией интенций, поскольку, анализируя языковые проявления кон-

цептуальных разногласий, можно выявить и интенции авторов [Покок, 2018, с. 147–148; Palonen, 2003, p. 89–90]. Обе эти задачи в равной степени важны для Скиннера как интеллектуального историка.

Исследуя глубокую связь языка и социальной реальности, Скиннер, как и Сёрль, пытался внести свой вклад в решение упомянутой ранее проблемы замкнутого круга, в котором язык конструирует социальную реальность и в то же время конструируется в ее рамках. Скиннер приходит к выводу, что было бы неправильно рассматривать концептуальные изменения лишь как отражение социально-политических трансформаций [Syrjämäki, 2011, p. 77]. Скорее, стоит говорить об их связи в терминах взаимозависимости, хотя более правильным было бы рассматривать их в диалектической взаимосвязи и «признать “искусственность различия между социальной реальностью и языком описания этой социальной реальности”» [Skinner, 2002b, p. 174]. Другими словами, концептуальные изменения одновременно выступают и как отражение, «индикатор» социальных изменений, и как их фактор-инициатор.

Скиннер прослеживает социальные изменения через анализ истории политической теории. Для него политические изменения неразрывно связаны с социальными и имеют социальное выражение, поскольку политика является важным механизмом изменения социальной реальности. Именно в политической сфере принимаются решения, какие изменения проводить и как менять социальные институты, формируя новую структуру общества. При этом язык выступает основным средством политической теории, поскольку практически вся совокупность социального взаимодействия в этой сфере сводится к речи, то есть целенаправленным со-

циально-политическим речевым действиям, Речевые акты совершаются в соответствии с определенными правилами и принципами в конкретной ситуации. А поскольку в политике человек несет большую ответственность за свои решения и действия, анализ перформативных аспектов языка политических акторов позволяет подробно рассматривать речевые действия со свойственными им намерениями, целями, производимыми эффектами. Метод Скиннера как раз основывается на таком анализе.

Стоит отметить, что, подобно Скиннеру, Сёрль также видит одну из своих задач в том, чтобы исследовать отношения между социальной реальностью и политической сферой человеческого бытия как специфической формы социального. Анализ этой проблематики Сёрль уделил отдельное внимание в рамках своей общей теории социальной реальности [Searle, 1995; *Поспелова*, 2010, с. 193].

Политическая риторика и идеологический контекст. Политический теоретик как идеолог

Скиннер в своих исследованиях часто обращается к анализу риторики и идеологии, поскольку методы исследования, применяемые к анализу идеологического контекста и риторических аспектов языка, позволяют нам понять, чего хотели, пытались и вообще могли добиться идеологи своими высказываниями, социально-политическими действиями.

Анализируя идеологию как «язык политики, определяемый своими конвенциями» [Талли, 2018, с. 221], Скиннер пытается объединить в своем подходе историю, политическую науку и философию. В свою очередь, особый интерес Скиннера к риторике связан,

в частности, с тем, что для него всякая концепция в истории политической мысли по сути представляет собой «языковые элементы в политической борьбе» [Garsten, Palonen, 2007, p. 567]. Кроме того, обращаясь к риторической традиции в своем анализе, Скиннер дополняет ТРА там, где она в силу определенных ограничений не дает ответов.

В подходе Скиннера выделяют ряд особенностей при анализе идеологии и риторики [Талли, 2018, с. 218]. Рассмотрим, как Скиннер подходит к исследованию этих вопросов.

Прежде всего, Скиннер и его коллеги по Кембриджской школе изменили саму концепцию истории и понимание задач интеллектуального историка: деятельность политического теоретика теперь рассматривается как политическая, поскольку взаимовлияние философии и политики на практике неизбежно.

Согласно Джону Пококу, еще одному основоположнику Кембриджской школы, сама природа дискуссий о политике «предполагает в отношениях «автор – читатель» как асимметрию, так и симметрию, поскольку, используя общий для них обоим язык, читатель может сам стать автором» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 31]. Он становится таковым, поскольку, интерпретируя политические тексты, занимает определенную позицию, поддерживает или критикует определенные мнения. Исследователь, политический теоретик, историк в своих текстах стремятся убедить других в истинности своей позиции и утвердить свои нарративы и интерпретации в качестве наиболее верных. Тем самым автор участвует в изменении и перераспределении власти, изменении социально-политической реальности и, даже «будучи частью академической системы, не перестает быть «политическим актором»» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 41]. Таким образом, автор становится идеологом,

разграничение между политическим теоретиком и политиком – всё менее заметным, разделение на реальную политику и политическую теорию – искусственным, а любая философия – идеологичной. Сама история, таким образом, становится пространством сосредоточения и формирования власти, в котором преобладают наиболее авторитетные нарративы, а любая попытка вмешаться в эти отношения власти способна лишь перераспределить или усилить ее. Следовательно, политических теоретиков стоит рассматривать как политических акторов-идеологов, осуществляющих набор «ходов» для достижения определенных целей, а их речевые действия – как риторику, направленную на то, чтобы придать убедительности своим аргументам. Для Покока история становится риторикой в той степени, в какой она изучает то, как различные нарративы, «политические языки» авторов конкурируют друг с другом [Araújo, 2017, p. 291].

Следуя данному выводу, не стоит также забывать, что сами основоположники Кембриджской школы, выступая в качестве читателя и интерпретатора, становятся авторами и политическими акторами. Скиннер как интеллектуальный историк, исследующий политическую мысль, придерживается точки зрения, что «историк здесь не действует от первого лица, как идеолог или философ, – он представляет “старые” и уже непонятные нам ходы как “новые” для современного понимания именно благодаря работе с контекстом» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 18–19]. Однако при этом Скиннер, отвечая на возражения по отношению к своему подходу, стремился «всё более и более “непосредственно” участвовать в политико-философских дебатах» [Weymans, 2003, p. 18–19] и тем самым всё больше проявлял себя именно как автор-идеолог.

При этом Скиннер разделяет позицию Покока при рассмотрении политического теоретика как идеолога. Хотя для Скиннера социально-политические изменения в некоторой степени спонтанны в силу того, что процесс «борьбы» интерпретаций ключевых социально-политических концепций, как правило, лишен телеологичности [Атнашев, Велижев, 2018, с. 29], эти трансформации могут осуществляться и целенаправленно. Идеологи являются главными действующими лицами в этом процессе. Выступая с критикой либо одобрением какого-либо мнения, они, как и все, стремятся прежде всего продвинуть определенную систему ценностей и распространить свое мировоззрение. Эта неизбежная борьба мировоззрений пронизывает труды по социальной и политической теории. Они неотделимы от идеологических конфликтов, а потому являются идеологическими текстами, в которых авторы пытаются узаконить одни взгляды и делегитимизировать другие [Skinner, 2007]. Таким образом, речевое действие становится способом осознанной манипуляции социально-политическим дискурсом с целью добиться определенных изменений в угоду личным интересам.

Как и любое речевое действие, социально-политическое действие идеолога направлено прежде всего на то, чтобы добиться определенного иллюкативного эффекта. Используя выражение Ноама Хомского, главная задача идеолога, будь то «реформатора или революционера – завоевать власть, а не создать более справедливое общество» [Chomsky, 2007, p. 80]. Для этого идеолог использует различные риторические приемы, однако не следует сводить их лишь к грубому «манипулированию набором понятий» [Павлов, 2018, с. 264], поскольку подобная манипуляция имеет ряд ограничений. Дело в том, что идеолог не может просто привнести нечто со-

вершенно новое в попытке добиться социально-политических трансформаций, поскольку он ограничен уже сложившимися в мире политическими языками. В концепции политических языков Покока язык выступает как метафора и является некой матрицей возможных аргументов в политическом дискурсе [Araújo, 2017]. В рамках этих правил формируется нормативный словарь, который способен как ограничить идеолога, так и помочь ему осмыслить окружающую его социально-политическую реальность [Покок, 2018, с. 149–150]. Таким образом, идеолог – это в первую очередь «экспроприатор», а не новатор.

Речевое действие идеолога нуждается в идеологической легитимности. Поскольку в силу ограничений конвенциями нормативного словаря в каждой ситуации существует ограниченное число речевых актов, которые могут быть восприняты как легитимные, манипуляции идеолога сводятся к обходу этих ограничений путем учета конвенций, приспособления их к своим целям и «игры с репертуаром легитимации» [Skornicki, 2019, р. 502]. С точки зрения Скиннера, новаторство идеолога заключается в том, чтобы с помощью подобного вмешательства изменить использование конвенций на фоне доминирующих общественных сил для распространения и закрепления новой идеологии [Атнашев, Велижев, 2018, с. 31].

Согласно Скиннеру, стратегии легитимации социально-политического речевого действия включают в себя ряд тактик различных форм. Например, одна из стратегий, описанных Скиннером, заключается в манипулировании потенциалом оценочных терминов как речевых актов и включает две конкретные тактики, первая из которых может быть выражена в грубой и мягкой формах. К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем их рассмо-

треть, поскольку для понимания классификации, предложенной Скиннером [Skinner, 2002a, р. 151–153] и описанной другими авторами [Syrjämäki, 2011, р. 73–75], необходимо подробное описание с примерами.

Идеи Скиннера оказали большое влияние на целое поколение последователей Кембриджской школы. Сегодня влияние его подхода в исследованиях по интеллектуальной истории настолько значительно, что он стал задавать методологические «стандарты» этого научного направления [Garsten, 2007, р. 570].

В отечественной гуманитарной науке, особенно в последние годы, предпринимаются некоторые попытки применения теоретико-методологического подхода Скиннера и его коллег по Кембриджской школе к интеллектуальной истории России. Особого внимания заслуживает сборник «Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории» [Атнашев, Велижев, 2018], основной целью которого является попытка продемонстрировать практическую актуальность методологии школы, а также описать ее историю и критику. Отдельный раздел сборника посвящен истории политических языков в России. Авторы статей пытаются критически переработать методологию кембриджцев, отбирая из нее конкретные элементы и адаптируя их для применения к отечественной истории.

Такая предварительная переработка перед локальной адаптацией подхода Кембриджской школы необходима в силу того, что некоторые обстоятельства затрудняют его применение в России, прежде всего в силу отличия контекста, в котором развивалась и менялась методология кембриджцев. Также это постепенное разделение интересов ее основоположников, хотя Скиннер здесь, скорее, является исключением, поскольку последовательно придерживался методологического

«ядра» Кембриджской школы и наиболее тщательно обособляет от него свои индивидуальные взгляды на определенные вопросы. Однако научный язык подхода Скиннера, как и у его коллег, всё же остается достаточно непривычным для российского исследователя «из-за его отчетливой ориентации на традицию англосаксонской аналитической философии середины XX века» [Атнашев, Велижев, 2018, с. 26]. Несмотря на это, применение методологии кембриджцев по отношению к российской истории очевидно релевантно для отечественной гуманитарной науки. Для этого необходимо правильно сформулировать задачу и определить методологические рамки исследования. Как отмечает М. Велижев в своей статье из вышеупомянутого сборника, общая задача историков политических языков «состоит в реконструкции и сопряжении микроконтекстов, наполняющих тексты историческим содержанием и их легитимирующих. И в этом отношении исследовательская программа Кв. Скиннера и Дж. Покока <...> представляется продуктивной для изучения интеллектуальной истории России» [Велижев, 2018, с. 519].

Таким образом, можно заключить, что использование подхода Кембриджской школы к исследованию интеллектуальной истории России с учетом ее социально-политического контекста и культурной специфики, несомненно, имеет ценность для понимания социально-политических изменений в отечественной истории.

Заключение

Мы рассмотрели роль и функции речевых актов в конструировании социальной реальности и социально-политических изменениях. В своем анализе мы опирались главным образом на два источника. Прежде всего, это теория

конструирования социальной реальности Джона Сёрля, которая позволяет лучше понять природу социальной реальности, институциональных явлений и социально-политических изменений, а также проследить их механизм и эволюцию. Центральные положения общей теории социальной реальности Сёрля помогают объяснить, как, будучи частью объективного мира, социальная реальность во всем ее многообразии конструируется при помощи речевых актов.

Также мы рассмотрели влияние ТРА на становление теоретико-методологического подхода Кембриджской школы, основные элементы данного подхода, выработанные ее основоположником Квентином Скиннером, и попытались раскрыть его релевантность для исследования связи концептуальных (речевые акты) и социально-политических изменений. Рассматривая политических теоретиков как политических акторов-идеологов, Скиннер и его коллеги обращают внимание на их роль в социально-политических изменениях.

Хотя Скиннер применял свой подход не к современному обществу, вопросы, которые он поднимает, всё еще открыты для обсуждений и остаются на сегодняшний день актуальными для отечественной гуманитарной науки в целом и социально-философского познания в России в частности. Поэтому их еще предстоит исследовать в будущем.

Также совместное использование методологических принципов Сёрля и Скиннера применительно к проблематике данной статьи представляется продуктивным, имеет в перспективе широкий диапазон применимости к анализу различных сфер жизни общества и может способствовать разработке более продуктивного аналитического инструментария для исследования взаимосвязи концептуальных и социальных изменений.

Список литературы

Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 7–52.

Бут Н.А. Категориальный аппарат теории речевых актов в аспекте актуальных теорий // Вестник ТГТУ. – 2003. – Т. 9, № 1. – С. 130–135.

Велижев М. Язык и контекст в русской интеллектуальной истории: Первое «Философическое письмо» Чаадаева // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 500–521.

Витгенштейн Л. Философские исследования. – Москва : АСТ, 2018. – 352 с.

Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления // Преподаватель XXI век. – 2018. – № 4, ч. 2. – С. 288–302.

Кадыров Д.Э. Методология социально-исторического познания: подход Кембриджской школы интеллектуальной истории // Знание. Понимание. Умение. – 2018. – № 3. – С. 253–260.

Каримов А.Р. Джон Сёрл о происхождении языка и деонтологии // Ученые записки КФУ. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, № 1. – С. 82–93.

Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник РУДН. Серия : Лингвистика. – 2016. Т. 20, № 4. – С. 91–102.

Левин С.М. Метафизика и общая теория социальной реальности Дж. Сёрла // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия : Философия. – 2011. – Т. 2, № 3. – С. 161–171.

Никоненко С. Интенциональность: Американская точка зрения. HORIZON. Феноменологические ис-

следования. – 2017. – Т. 6, № 1 (11) – С. 9–44.

Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – С. 23–34.

Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. – 2018. – № 4. – С. 261–302.

Покок Д.Г.А. The state of the art (Введение к книге «Добродетель, торговля и история») // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 142–190.

Поспелова О.В. Фундаментальная онтология Джона Серля и минимальные условия политического // Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. – 2010. – Т. 2, № 1. – С. 193–203.

Поспелова О.В. Политическое действие и проблема свободной воли в практической философии Дж. Серля // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2011. – № 23. – С. 42–48.

Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 1 (1). – С. 286–290.

Рихтер М. Покок, Скиннер и *Begriffsgeschichte* // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 348–380.

Сёрль Дж. Введение // Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. – Москва : Едиториал УРСС, 2004а. – С. 6–13.

Сёрль Дж. Рациональность в действии. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004б. – 333 с.

Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018а. – С. 53–122.

Скиннер Кв. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018b. – С. 123–141.

Скиннер Кв. Ответ моим критикам // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018с. – С. 253–346.

Скиннер Кв. Язык и политические изменения // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 143–152.

Скрипник К.Д. Дж. Серль: аналитико-семиотический каркас конструирования социальной онтологии // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 102–109.

Талли Дж. Перо – могучее оружие: Квентин Скиннер анализирует политику // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Атнашев Т., Велижев М. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – С. 253–346.

Чиков М.В. Анализ трансформации институтов: методология исследования // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294 (январь). – С. 212–214.

Araújo P. Pocock e a historiografia como linguagem política // Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura. – 2017. – Vol. 25, N 1 (33). – P. 275–294. – Португ. яз.

Austin J. How to Do Things with Words. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1975. – 168 p.

Cervera-Marzal M. Pour une conception coopérative des méthodes de lecture

de Leo Strauss et Quentin Skinner // Klesis. Revue philosophique. – 2012. – N 22. – P. 11–28. – Франц. яз.

Chomsky N. On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume. – New York : The New Press, 2007. – 496 p.

Gallotti M., Michael J. Objects in Mind // Perspectives on Social Ontology and Social Cognition / Ed. by M. Gallotti and J. Michael. – Heidelberg, New York, London : Springer, 2014. – P. 1–15.

Garsten, B., Palonen K. Book Reviews (Review of Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric) // Ethics. – 2007. – Vol. 117, N 3. – P. 566–571.

Mulsow M., Mahler A. Die Cambridge School der politischen Ideengeschichte. – Berlin : Suhrkamp, 2010. – 286 S. – Нем. яз.

Palonen K. Quentin Skinner: history, politics, rhetoric. – Cambridge : Polity Press, 2003. – 216 p.

Searle J. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

Searle J. Making the Social World: The Structure of Human Civilization. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 208 p.

Searle J. The Construction of Social Reality. – New York : Free Press, 1995. – 241 p.

Skinner Q. Moral Principles and Social Change // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – P. 145–157.

Skinner Q. «Social meaning» and the explanation of social action // Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics / Ed. by J. Tully. – Cambridge : Polity Press, – 1988. – P. 79–96.

Skinner Q. The Idea of Cultural Lexicon // Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – P. 158–174.

Skinner Q. Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 225 p.

Skornicki A. Lectures critiques // Revue française de science politique. 2019. – Vol. 69, N 3. – P. 501–509. – Франц. яз.

Syrjämäki S. Sins of a Historian. Perspectives to the problem of anachronism

(Academic Dissertation). – Tampere : Tampere University Press, 2011. – 224 p.

Weymans W. Een nieuwe les van de geschiedenis // Karakter: tijdschrift van wetenschap. 2003. – Vol. 1, Iss. 4. – P. 17–19. – Нидерл. яз.

Point of View

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Speech Act as a Factor of Socio-Political Change: Stating the Problem

Daud E. KADYROV

PhD (Philosophy), Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: daudkades@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3232-6307

CITATION: Kadyrov D.E. (2023). Speech Act as a Factor of Socio-Political Change: Stating the Problem. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 187–203 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2023.05.11

Received: 23.09.2023.

Revised: 06.12.2023.

ABSTRACT. *The purpose of this study is to pose the problem of analyzing the relationship between conceptual (linguistic) and social changes, as well as to reveal the role of socio-political speech action of political theorists as key actors in these processes. The article considers the issues of the construction and changes of social and political reality, as well as the role of speech acts in these processes as a special type of social action. According to J. Searle's general theory of social reality, speech acts are seen as the basis and a necessary condition for socio-political changes. The structure and elements of speech acts are described within the framework of J. Austin's theory of speech*

acts, supplemented and formalized by Searle. The article discusses the influence of this theory on the formation of the theoretical and methodological approach of the Cambridge School of Intellectual History, used to understand the analysis of socio-political changes in various societies and historical periods. As an example of such research, the article describes the main elements of the approach of one of the Cambridge School's founders Quentin Skinner. The analytical tools used by Skinner and his colleagues help to understand the connection between conceptual and social changes in the history of political thought. Considering political theorists as ideologists, Skinner explains through

the analysis of political languages and ideological context how authors-ideologists, using statements that are the basis of their theoretical concepts and rhetoric, intentionally take certain actions that change the social reality. The possibilities, attempts and prospects of applying the Cambridge School's methodology to the Russian history are also considered.

KEYWORDS: construction of social reality, political ontology, socio-political changes, speech act theory, John Searle, intentionality, socio-political action, rhetoric, Quentin Skinner.

References

- Araújo P. (2017). Pocock and historiography as political language. *Resgate: Revista Interdisciplinar de Cultura*. Vol. 25, no. 1 (33), pp. 275–294 (in Portuguese).
- Atnashev T., Velizhev M. (2018). The Cambridge School: History and Method. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 7–52 (in Russian).
- Austin J. (1975). *How to Do Things with Words*. Cambridge: Harvard University Press, 168 pp.
- Austin J.L. (2004). Performative – Constative. In: Searle J.R. (ed.). *Philosophy of Language*. Moscow: Editorial URSS, pp. 23–34 (in Russian).
- But N.A. (2003). Category Apparatus of Speech Act Theory in the Aspect of Actual Theories. *Vestnik TGTU*. Vol. 9, no. 1, pp. 130–135 (in Russian).
- Cervera-Marzal M. (2012). For a cooperative conception of the reading methods of Leo Strauss and Quentin Skinner. *Klesis. Revue philosophique*. No. 22, pp. 11–28 (in French).
- Chikov M.V. (2007). The Analysis of Transformation of Institutes: Methodology of Research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 294 (January), pp. 212–214 (in Russian).
- Chomsky N. (2007). *On Language: Chomsky's Classic Works Language and Responsibility and Reflections on Language in One Volume*. New York: The New Press, 496 pp.
- Gallotti M., Michael J. (2014). Objects in Mind. In: Gallotti M., Michael J. (eds.). *Perspectives on Social Ontology and Social Cognition*, Heidelberg, New York, London: Springer, pp. 1–15.
- Garsten, B., Palonen K (2007). Book Reviews (Review of Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric). *Ethics*. Vol. 117, no. 3, pp. 566–571.
- Kadyrov D.E. (2018). Methodology of Sociohistorical Knowledge: Approach of the Cambridge School of Intellectual History. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 3, pp. 253–260 (in Russian).
- Karimov A.R. (2010). John Searle on Language Origin and Deontology. *Uchenye zapiski KFU. Gumanitarnye nauki*. Vol. 152, no. 1, pp. 82–93 (in Russian).
- Krassina E.A. (2016). Discourse, Statement And Speech Act. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika*. Vol. 20, no. 4, pp. 91–102 (in Russian).
- Levin S.M. (2011). Metaphysics and J. Searle's General Theory of Social Reality. *Vestnik LGU imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya*. Vol. 2, no. 3, pp. 161–171 (in Russian).
- Mulsow M., Mahler A. (2010). *The Cambridge School of the History of Political Ideas*. Berlin: Suhrkamp, 286 pp. (in German).
- Nikonenko S. (2017). Intentionality: An American Point of View. *HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya*. Vol. 6, no. 1 (11), pp. 9–44 (in Russian).
- Palonen K. (2003). *Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric*. Cambridge: Polity Press, 216 pp.
- Pocock D.G.A. (2018). The State of the Art (Introduction to Virtue, Commerce, and History). In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow:

Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 142–190 (in Russian).

Pospelova O.V. (2010). Fundamental Ontology of John Searle and requisite conditions of Political Reality. *Vestnik LGU imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya*. Vol. 2, no. 1. pp. 193–203 (in Russian).

Pospelova O.V. (2011). Political Action and the Problem of Free Will in Practical Philosophy of J. Searle. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo*. No. 23, pp. 42–48 (in Russian).

Radbil V.A., Yumatov T.B. (2013). Application of the Theory of Speech Acts in Forensic Linguistic Examination. Opportunities and Prospects. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. No. 1 (1), pp. 286–290 (in Russian).

Richter M. (2018). Pocock, Skinner and Begriffsgeschichte. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 348–380 (in Russian).

Searle J. (1983). *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 288 pp.

Searle J. (1995). *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press, 241 pp.

Searle J. (2004a). Introduction. In: Searle J.R. (ed.). *Philosophy of Language*. Moscow: Editorial URSS, pp. 6–13 (in Russian).

Searle J. (2004b). *Rationality in Action*. Moscow: Progress-Tradiciya, pp. 75–76 (in Russian).

Searle J. (2010). *Making the Social World: The Structure of Human Civilization*. Oxford: Oxford University Press, 208 pp.

Skinner Q. (1988). “Social meaning” and the explanation of social action. In: J. Tully (ed.) *Meaning and Context: Quentin Skinner and His Critics*. Cambridge: Polity Press, pp. 79–96.

Skinner Q. (2002a). Moral Principles and Social Change. In: Skinner Q. *Vi-*

sions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 145–157.

Skinner Q. (2002b). The Idea of Cultural Lexicon. In: Skinner Q. *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 158–174.

Skinner Q. (2002c). *Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 225 pp.

Skinner Q. (2005). Language and political change. *Logos*. No. 3 (48), pp. 143–152 (in Russian).

Skinner Q. (2018a). Meaning and Understanding in the History of Ideas. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 53–122 (in Russian).

Skinner Q. (2018b). Motives, Intentions, and Interpretations of Texts. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 123–141 (in Russian).

Skinner Q. (2018c). The Answer to My Critics. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 253–346 (in Russian).

Skornicki A. (2019). Critical readings. *Revue française de science politique*. Vol. 69, no. 3, pp. 501–509 (in French).

Skripnik K.D. (2020). J. Searle: the Analytic-Semiotic Frame of the Construction of Social Ontology. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 102–109 (in Russian).

Syrjämäki S. (2011). *Sins of a Historian. Perspectives to the Problem of Anachronism (Academic Dissertation)*. Tampere: Tampere University Press, 224 pp.

The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History (2018). Atnashev T., Velizhev M. (eds.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 632 pp. (in Russian).

Tully J. (2018). Feather – A Mighty Weapon: Quentin Skinner Analyzes Politics. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 253–346 (in Russian).

Vavlov A.V. (2018). Peregrinations of a method: The Cambridge school (of political thought) in varying contexts. *Logos*. No. 4, pp. 261–302 (in Russian).

Velizhev M. (2018). Language and Context in Russian Intellectual History:

Chaadaev's First Philosophical Letter. In: Atnashev T., Velizhev M. (eds.). *The Cambridge School. Theory and Practice of Intellectual History*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 500–521 (in Russian).

Weymans W. (2003). A new lesson of history. *Karakter: tijdschrift van wetenschap*. Vol. 1, issue 4, pp. 17–19 (in Dutch).

Wittgenstein L. (2018). *Philosophical Investigations*. Moscow: AST, 352 pp. (in Russian).

Вокруг книг

УДК 327:355

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Научное наследие маршала Б.М. Шапошникова и проблемы современной стратегии

Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра
постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Профсоюзная ул., д. 23, г. Москва, Российская Федерация, 117997

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

ЦИТИРОВАНИЕ: Кривоपालов А.А. Научное наследие маршала
Б.М. Шапошникова и проблемы современной стратегии // Контуры глобальных
трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16. № 5. С. 204–221.
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Статья поступила в редакцию: 27.10.2023.

Исправленный текст представлен: 05.12.2023.

БЛАГОДАРНОСТЬ: Исследование выполнено за счет гранта Российского
научного фонда (проект № 23-28-00622 «Стратегическая культура великих
держав в XX–XXI вв.: сравнительно-историческое исследование (на примере
России и США)» в Институте научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва,
Российская Федерация, 117418).

АННОТАЦИЯ. Данная статья
представляет собой попытку актуа-
лизации уникального научного наследия
маршала Б.М. Шапошникова. Экстра-
поляция его предостережений на со-
временность подсказывает истоки
деградации стратегического мышления
в стане ведущих мировых игроков. Тео-
рия стратегии располагается на стыке
наук. Обязанная своим рождением воен-
ным ученым, она вскоре привлекла к себе
внимание историков. Сегодня предмет-
ное поле стратегии всё чаще оспарива-
ется политологами и международни-

ками. Рассогласованность стратегии
и политики по-прежнему остается
одной из наиболее опасных ошибок госу-
дарственного управления. Хотя пробле-
мы, достижения и противоречия стра-
тегии, как правило, имеют актуальное
и злободневное звучание, наилучшим
образом они раскрываются в широкой
исторической ретроспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политика,
Сталин, стратегия, Шапошников, воен-
ная мысль, Генеральный штаб, Великая
Отечественная война, дипломатия.

Осенью 2022 г. 140-летие маршала Бориса Михайловича Шапошникова прошло в нашей стране практически незамеченным. Тревожная атмосфера неопределенности в связи с неудачами на украинском фронте не способствовала широкому празднованию исторических юбилеев. Однако именно в наши дни обращение к научному наследию этого выдающегося военного деятеля приобретает особую актуальность. Опубликованный почти сто лет назад фундаментальный труд «Мозг армии» при внимательном прочтении указывает на причины нарастающего дефицита стратегического мышления у вершителей мировой политики. В наши дни данная проблема приняла широкий и универсальный размах. В США, как это теперь открыто признается ведущими аналитиками и экспертами, на протяжении многих лет военное строительство осуществляется в «антистратегической» среде [Augier, Barret, Mullen, 2021]. Стратегия там, по сути, проваливается в институциональную расщелину между политикой и непосредственной практикой штабного планирования, ограниченного рамками конкретного театра [On Strategy..., 2020]. Глубокое взаимное отчуждение двух важнейших горизонтов конфликтной динамики во много девальвирует бесспорную экономическую и военно-техническую мощь американской сверхдержавы [Кривопалов, 2022/Krivo-palov, 2023]. В России взаимоотношения политики и стратегии долгое время также были далеки от гармонии. Сочетание максималистских внешнеполитических целей при недостаточном внимании к их военно-силовому обеспечению во многом запрограммировало неудачу в начальной фазе украинской кампании. И лишь болезненные уроки полномасштабного вооруженного конфликта доходчивее любого теоретизирования доказали, что стратегия

не является благозвучным синонимом политики.

Центральной темой научной работы Шапошникова стали деструктивные противоречия, возникающие на стыке политического решения и стратегического действия. Книга «Мозг армии» представляет собой уникальный исторический путеводитель, повествующий о тех потенциальных опасностях, которые обязана принять во внимание ответственная политика на пути к необратимому военному решению. Какими бы актуальными ни казались нам сегодня размышления Шапошникова, своим зарождением они обязаны потребностям и вызовам XX столетия. Этот дуализм определяет общую двухчастную композицию статьи, в которой биографический этюд служит ключом к современной политико-стратегической проблематике. Закономерность взаимного отчуждения на высших этапах руководства войной может быть твердо установлена лишь при уточнении некоторых спорных исторических обстоятельств.

Современная военная теория выражает себя преимущественно по-английски, однако при диагностике наиболее актуальных и острых проблем стратегии обращение к отечественной классике способно существенно расширить наш исследовательский кругозор. Хотя научный метод познания законов войны глубоко укоренен в российской традиции, его эффективность дифференцируется в зависимости от горизонта ответственности. Научный подход не вызывает затруднений лишь там, где преобладают измеримые величины, то есть в области тактики, непосредственного планирования и осуществления боевых операций. Однако на стратегическом ярусе мнимая математическая строгость, как правило, исчезает.

По закону обратной пропорциональности с расширением горизон-

та руководства войной способность высшего руководства «правильно рассчитать, четко организовать и твердо направить» сокращается. На высшем уровне ответственности для успеха уже недостаточно одного лишь верного «командирского глазомера». Решающее значение приобретает умение динамично соотносить политические цели и стратегические средства, непрерывно учитывать их взаимные потребности и возможности по ходу развития конфликта. Только в этом случае всегда ограниченная в своих ресурсах военная система государства в каждый конкретный момент времени будет решать только посильные для себя задачи. В этом смысле стратегическое искусство в корне отличается от организационных методов оперативно-тактического предназначения. Хотя стратегия и тактика на первый взгляд обманчиво близки, их основополагающая внутренняя логика принципиально различается. Конечные цели той и другой лежат на расходящихся направлениях. Вместо стремления тактики к кульминации, то есть к победе в бою, стратегия стремится к благоприятному продолжению событий. В ее горизонте любые достижения на самом деле не являются окончательными [On Strategy..., 2020, p. 8].

В мировой научной литературе существует великое множество определений стратегии. Одни могут быть пространственными, сухими и нормативными, другие, напротив, лаконичными, образными и афористичными. Ученые не всегда могут сформулировать «что это такое», но, как правило, безошибочно указывают, «где следует искать». Как бы ни соперничали между собой взгляды на суть, цели и задачи стратегии, как бы ни множились остроумные дефиниции – место стратегии всегда будет рядом с политикой. Она начинается и заканчивается там, где

политика желает достичь своих целей военными средствами, и в этом смысле служит универсальным переводчиком нередко абстрактных внешнеполитических императивов на язык практических военных решений. В то же время стратегия – это не столько про войну, сколько про искусство правильно распорядиться совокупной государственной мощью для обретения желаемого внешнеполитического положения. Таким образом, стратегия и война соотносятся примерно так же, как внешняя политика и дипломатия. Эти явления, хотя и очень близки по смыслу, всё же не совпадают в своих границах.

Стратегическая культура имеет мало общего с сиюминутными гениальными озарениями. Скорее, она являет собой растянутый во времени процесс, идущий в такт эволюционного развития государственной машины. Он вбирает в себя множество текущих решений, повседневных рутинных согласований, институциональных компромиссов и личных трений. Проблемы стратегии, таким образом, фиксируются прочным историческим якорем. Ее сквозные и вечные темы всякий раз накладываются на уникальный событийный ландшафт. Призвание стратегии состоит в том, чтобы служить рациональным задачам политики, приводя к равновесию цели, средства и риски. Хотя базовый стратегический канон остается неизменным, воздействующие на него социальные и технологические переменные усложняют порядок отношений между различными горизонтами руководства войной.

При жизни Шапошникова стратегические проблемы формулировались главным образом в категориях тотальной войны, требовавшей крайнего напряжения военных, экономических и демографических ресурсов, а также предельной идеологической консолидации. Законной целью борьбы было

ниспровержение соперника вплоть до ликвидации его государственно-сти. Искусство стратегии и политики заключалось в том, чтобы аккумулировать громадные ресурсы, скрытые внутри индустриального общества, и затем обменять их на победу в развернувшемся экзистенциальном конфликте. Действительность XXI столетия задает стратегическому творчеству менее жесткие рамки. Наличие ядерного оружия и фактор распада базовых социальных структур эпохи модерна делает невозможным ведение тотальной войны между великими державами. Конфликты вновь стали локальными и, в силу этого, ограниченными по целям и средствам. Функция стратегического планирования и прогнозирования постепенно утратила исключительную ассоциацию с вооруженной борьбой. Современная стратегическая теория вышла за пределы классической военной науки и стала неотъемлемым инструментом политического анализа.

Будущий «патриарх» советской штабной службы появился на свет в провинциальном Златоусте 2 октября 1882 г. Решив посвятить себя ратному ремеслу, в 1901–1903 гг. Борис Михайлович поступил в московское Алексеевское военное училище. После непродолжительной службы в Туркестане в 1907 г. Шапошников поступил в Николаевскую академию Генерального штаба в Петербурге, которую в 1910 г. окончил по первому разряду и был причислен к Генеральному штабу. Начало Первой мировой войны застало его в должности старшего адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии.

Полковник Шапошников принял Октябрьскую революцию и в мае 1918 г. добровольно поступил на службу в Красную армию. Достаточно быстро, уже к середине 1919 г.,

он выделился в тонкую прослойку тех беспартийных «военспецов», в руках которых сосредоточилось непосредственное оперативное управление силами Красной армии на фронтах Гражданской войны. Если в политическом отношении Полевой штаб РВСР находился под руководством Л.Д. Троцкого и Э.М. Скиянского, в техническом смысле его работу возглавил триумфатор профессиональных генштабистов в составе С.С. Каменева, П.П. Лебедева и Б.М. Шапошников. Таким образом, после главнокомандующего вооруженными силами Республики и начальника Полевого штаба РВСР Шапошников, как начальник оперативного управления Полевого штаба, фактически оказался третьим человеком в иерархии высшего военного управления «красных» на исходе Гражданской войны.

В конце 1920-х годов в партийно-политической борьбе одержала верх группа сторонников И.В. Сталина. Это не сулило военспецам из числа бывших офицеров императорской армии ничего хорошего, поскольку Сталин еще с Гражданской войны относился к ним с глубоким недоверием. В дальнейшем руками чекистов Сталин в несколько приемов практически полностью очистил Красную армию от этого потенциально нелояльного элемента [Ганин, 2009, с. 78–83]. Однако Шапошникову по не до конца понятным причинам Сталин в 1920–1930-е гг. неизменно благоволил. Благополучно пережив несколько волн репрессий, Борис Михайлович сумел сохранить жизнь, свободу и высокое положение в армии [Ганин, 2016, с. 37–41]. Шапошников принимал активное участие в советском мобилизационном планировании, и к середине 1930-х годов превратился в неформального советника вождя по самому широкому кругу оборонных вопросов. В 1940 г. он удостоился звания Маршала Советского Союза.

Шапошников трижды занимал пост начальника Генерального штаба¹, что было, пожалуй, уникальным случаем в истории отечественных Вооруженных сил. В черные дни 1941 г. под его руководством Красной армии удалось остановить противника, стабилизировать линию фронта и перейти в контрнаступление. Борис Михайлович сохранил доверие Сталина даже после ухода с поста начальника Генштаба в связи с тяжелыми поражениями под Харьковом и Керчью в мае 1942 г. В последние годы жизни Шапошников возглавлял Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова, где по ускоренным учебным программам было подготовлено более 1200 слушателей. Проанализированный и систематизированный фронтовой опыт использовался для профессиональной шлифовки будущих командиров дивизий и корпусов, что обеспечило стремительный качественный рост штабного управления советскими войсками на завершающем этапе войны. Выдающийся военачальник, воплотивший редкое сочетание мыслителя и практика, не дожил до капитуляции Германии всего лишь 44 дня.

Magnum Opus

После войны маршалы и генералы, начиная с Г.К. Жукова [Жуков, 1985, с. 99–100], отзывались о Шапошникове с неизменным почтением. Для многих из них Борис Михайлович действительно был учителем и наставником [Василевский, 1983, с. 60–62, 79–91; Штеменко, 1989, с. 20–33]. Однако посмертное прославление Шапошникова, в котором идеологической машине советского государства нередко изменяло чувство меры, в целом негативно

сказалось на судьбе его главного литературного произведения [Горелик, 1983]. С одной стороны, официальная военная наука возвела «Мозг армии» в ранг чуть ли не «библии» советского генштабиста. С другой стороны, несмотря на то, что даже сегодня упоминания и ссылки на книгу являются среди военных историков правилом хорошего тона [История ..., 2000], ее с годами всё реже читали и всё хуже понимали [Баландин, 2005; Уроки стратегии..., 2023].

Влияние политической либерализации 1980–1990-х годов в случае с Шапошниковым оказалось двойственным. В отличие от Жукова и М.Н. Тухачевского, его счастливо обошла стороной безжалостная отечественная мода на развенчание знаковых фигур прошлого. Однако применительно к истории советской стратегии именно статус ближайшего сотрудника Сталина и отсутствие «тернового венца» мученика отчасти уводило фигуру Шапошникова в тень расстрелянного в 1938 г. А.А. Свечина [Кокошин, 1988; Кокошин, 2013].

Теоретически снять пелену забвения могло бы запоздалое признание на Западе, как произошло, например, с комбригом Г.С. Иссерсоном [Harrison, 2010]. Разработанная этим советским ученым новаторская концепция глубокой операции произвела сильное впечатление на американских военных интеллектуалов. Однако Шапошникову и здесь не повезло. Хотя в начале 1930-х годов именно он был начальником военной академии им. М.В. Фрунзе, в стенах которой создавалась новая советская доктрина, оперативные и тактические воззрения самого Бориса Михайловича в целом оставались достаточно консервативными. Преобладающая в сюжетной линии «Мозга

1 В 1928–1931, 1937–1940 и 1941–1942 гг. – А. К.

армии» тема политико-стратегической синергии в то время еще не находила отклика у западных исследователей. Британский историк Д. Эриксон, автор небезынтересной книги «Советское верховное командование» [Erickson, 1962], в свое время посчитал большинство тезисов Шапошникова тривиальными и не заслуживающими внимания [Кен, 2008, с. 99]. Что характерно, именно Эриксон был учителем К. Грэя, создателя современной теории «моста», метафизически соединяющей политические цели и военно-стратегические средства [Gray, 2010].

Три тома «Мозга армии» были изданы в 1927–1929 гг. Основные мысли Шапошникова о сопряжении политики и стратегии заключены в последней части третьего тома. Все остальные разделы труда служили в качестве исторического экскурса и представляли собой систематизацию богатого фактического материала, необходимого автору для развернутой аргументации. Как полагал А.А. Свечин, стратегия непостижима вне контекста. Ее мысль оттачивается посредством систематизированных размышлений над военной историей [Свечин, 1927, с. 23]. Без этих опорных точек исследование чаще всего превращается в пустое теоретизирование. Борис Михайлович придерживался аналогичного метода.

Хронологические рамки исследования вобрали в себя большую часть XIX и начало XX столетия. Героями книги Шапошникова стали императоры, короли, министры, канцлеры и полководцы, готовившиеся к предстоящим битвам в кабинетной тиши европейских генеральных штабов. Фабула книги описывала два последовательных процесса: сначала историю приспособления стратегии к внешнему давлению со стороны политики, а потом ответную реакцию в виде намагничивания предметного поля политики

взрывоопасной военно-стратегической проблематикой. В последнем случае решающую роль сыграла огромная инерция мобилизационного планирования в эпоху многомиллионных армий [Шапошников, 1929, с. 271].

Стратегия зарождалась и созревала внутри «треугольника», вершины которого образовывали верховная государственная власть, армия и внешнеполитическое ведомство. По отношению к политике она в идеале должна играть подчиненную роль. В стратегическом решении эманация политической воли напоминает разложение света в спектр. «Политика должна облегчить стратегии ведение войны, – напоминал Шапошников основную идею Клаузевица. Политические цели намечаются окончательно лишь по согласованию их со стратегией. С точки зрения германского теоретика, стратегия может видоизменять политические цели, но никак не диктовать их. Он не намеревался превращать войну в самоцель, как это сделал потом Мольтке и его последователи» [Шапошников, 1929, с. 234]. «Теория Клаузевица о внешней политике и войне была хорошо известна не только начальникам генеральных штабов, но и дипломатии. Правда, от одного знания до истинного понимания теории еще дистанция огромного размера. <...> Положение Клаузевица, позаимствованное у Бюлова, можно уподобить музыкальной пьеске, попавшей в шарманку. В зависимости от того, насколько совершенен самый инструмент, кто и как вертел и продолжает вертеть ручку этого инструмента даже в наши дни, мы слышали ту или иную теорию, построенную на мыслях философа войны с соответствующей, конечно, индивидуальной окраской» [Шапошников, 1929, с. 229].

При Г. фон Мольтке-старшем, по мере возвышения созданного им института независимого Генерального

штаба над прочими органами германского военного управления, исходная формула Клаузевица о «продолжении политики насильственными средствами» дала глубокую трещину. «Война есть средство политики, – утверждал Шапошников, – и с открытием военных действий политика не прекращается, а имеет свое продолжение в самом ходе войны. Правда, такое понятие взаимоотношений политики со стратегией не усваивалось в полной мере перед войной 1914 г.: считалось, что с объявлением войны в соотношениях враждующих сторон «перо заменяется мечом» [Шапошников, 1929, с. 212].

В войнах за объединение Германии императив приспособления к целеустремленной политической воле О. фон Бисмарка побуждал фельдмаршала Мольтке подменять стратегию тем, что в следующем столетии именовалось оперативным искусством. Лишь отгородившись жесткими рамками театра боевых действий, можно было парировать и отчасти нейтрализовать вмешательство «железного канцлера» в круг профессиональных военных вопросов, которые Мольтке считал областью своей исключительной ответственности. «Клаузевиц с достаточной ясностью говорит о том, что война не есть что-то самодовлеющее, что как ни особа ее природа, дух войны, но подчинить политику этой природе нельзя, ибо тогда явится нечто бессмысленное и бесцельное» [Шапошников, 1929, с. 232]. Однако, «сославшись на авторитет Клаузевица, Мольтке выдвинул на первый план “дух войны”, ее природу, и на этом построил свою теорию независимости войны от политики. Положение очень заманчивое для Генерального штаба» [Шапошников, 1929, с. 230]. Таким образом, в европейской исторической ретроспективе наблюдалась сначала «тактизация» стратегии, а затем ее «инверсия», то есть подмена широко-

го политического целеполагания соображениями узко трактуемой военно-стратегической целесообразности.

В сюжетной линии «Мозга армии» на роль протагониста Борис Михайлович избрал начальника австро-венгерского Генерального штаба накануне Первой мировой войны графа Ф. Конрада фон Гетцендорфа. Июльский кризис 1914 г. австрийский военачальник встретил в условиях полного разрушения субординации между верхними ярусами конфликтной динамики. «Конрад не отмежевывался от политики, а уходил в нее с головой. По существу дела, мы не должны ему ставить это в упрек, если бы только были правильные с его стороны предпосылки к этому» [Шапошников, 1929, с. 232]. «Глубокие мысли Клаузевица были лишь формально усвоены Конрадом. Если Клаузевиц требовал, чтобы война принимала характер политики, то Конрад, наоборот, считал нормой, чтобы политика принимала тот или иной характер в зависимости от природы войны. Политика должна была, по его мнению, сообразоваться с законами войны, не требовать от последней чего-либо противоречащего ее духу. Наоборот, политика должна облегчить стратегии ведение войны» [Шапошников, 1929, с. 234]. «Теоретически Конрад признавал руководящую роль внешней политики в подготовке к войне, но на практике предъявлял к дипломатии такие требования, которые сводили на нет всю теорию Клаузевица» [Шапошников, 1929, с. 338].

Шапошников справедливо приписывал Клаузевицу монистическое понимание войны. Критический идеализм немецкого ученого достигал истине кантианских высот. Не случайно при жизни, терзаемый мучительными сомнениями, он считал законченной лишь первую главу своего трактата. В поиске истины идеали-

стический монизм вывел Клаузевица на замкнутую траекторию познания, в которой тщательное доказательство каждого отдельно взятого тезиса сменялось столь же принципиальным его опровержением, и лишь холерная эпидемия 1831 г. прервала этот напряженный внутренний диалог. То якобы оптимальное сопряжение политики и стратегии, что моделировалось на страницах трактата «О войне», принадлежало к разряду идеальных типов, – законченных правильных методологических и теоретических построений, не являющихся элементами эмпирического бытия. Звучавшая в исполнении Клаузевица политико-стратегическая симфония не могла повториться в реальной государственной практике, сотканной из личных трений и множественных компромиссов. Тем не менее при всей условности принятая за эталон образца драматическая история политико-стратегической «инверсии» была крайне важна для Шапошникова. Служила она не только дидактической, но и сугубо личной цели.

Шапошников и судьба Генерального штаба в России

Если сфера военно-стратегического планирования оказалась в ведении германского Генерального штаба уже при Г. фон Мольтке-старшем, в 1860–1870-е годы, то после отставки в 1890 г. «железного канцлера» Генштаб постепенно распространил свое влияние на область внешней политики и дипломатии. К 1917–1918 гг. история стала свидетельницей еще более радикального расширения функций и полномочий Генерального штаба. Германский опыт милитаризации экономики, осуществленной в 1917–1918 гг., под руководством Генерального штаба получил в СССР самую высокую оценку. К концу войны верховное командование в лице

начальника Генерального штаба фельдмаршала П. фон Гинденбурга и его первого обер-квартирмейстера генерала Э. Людендорфа сосредоточило в своих руках не только ведение боевых операций, но и централизованное управление всем народно-хозяйственным комплексом страны. Сверхконцентрация ресурсов позволила немцам частично уравновесить значительное экономическое превосходство Антанты.

В дореволюционной России институциональное положение Генерального штаба оставалось относительно скромным, что подогревало глухое недовольство наиболее амбициозной части молодого поколения его сотрудников. К числу последних относился А.А. Свечин. Часть генштабистов искренне поддержала советскую власть и некоторое время связывала с ней надежды на создание в России того идеального Генерального штаба, о котором мечтала при старом режиме. Свечин и его последователи отдавали дань модным технократическим утопиям XX столетия. В представлении Свечина подобное суперведомство даже в мирное время ни на минуту не должно было прекращать подготовку страны к тотальной войне. Его целью было объединение усилий политики, стратегии и экономики. В теории коллективный «интегральный» полководец должен был сначала организованно аккумулировать все типы государственных ресурсов и затем, руководствуясь в своих действиях строго научными расчетами и прогнозами, обменять их на победу в войне.

В 1920-е годы подобные взгляды находили поддержку у некоторой части военно-политических кругов Советской Республики, в частности, у М.Н. Тухачевского, начальника Штаба РККА в 1925–1928 гг. До революции он не получил высшего военного образования и формально не принадле-

жал к группе офицеров-генштабистов. Более того, в 1920-е годы именно Тухачевский стал организатором политической травли Свечина. Тем не менее, как ни парадоксально, Свечин и его антипод придерживались созвучных взглядов на задачи высшего военного управления.

Современники не всегда сознавали, насколько опасными могли быть их мечты о создании «интегрального Генштаба» в политических условиях большевистской диктатуры. Правящая партия, зная цену завоеванной монополии на власть, считала «интегрирующую» функцию своей неотъемлемой прерогативой. «Вскоре, – писал историк советского оборонного строительства О.Н. Кен, – само понятие «Генеральный штаб» подверглось осуждению, как неприменимое к строительству и руководству Вооруженными силами СССР» [Кен, 2008, с. 30].

Как считал крупный исследователь военной экономики В.В. Шлыков, тенденция экспансии во все сферы жизни страны была присуща самой структуре Генштаба начала XX в. В советские времена эта тенденция в какой-то мере сдерживалась коммунистической партией, внимательно следившей как за подбором кадров в военное руководство, так и за тем, чтобы министр обороны в партийной иерархии был всегда выше начальника Генштаба. Не случайно министр обороны был, как правило, членом или кандидатом в члены политбюро, а начальник Генштаба не поднимался выше членства в ЦК [Шлыков, 2000, с. 18]. Фигура начальника Генерального штаба с точки зрения неформального аппаратного влияния перевесила министра обороны лишь при М.С. Горбачеве, – то есть в терминальной стадии кризиса советского государства [Hines, 1995, p. 201].

В отличие от «Стратегии» Свечина, книга «Мозг армии» едва ли предназна-

чалась слушателям военных академий. Будущий офицер Генерального штаба нашел бы в ней минимум практических советов и рекомендаций. Работа не знакомила его с парадоксальными формами стратегии, что виртуозно удалось Свечину, осветившему 190 наиболее острых вопросов внутри 18 тематических глав. Шапошников ничего не рассказывал о бесчисленных нюансах, которые необходимо принять во внимание, планируя мобилизационное развертывание и стратегическое сосредоточение. Его обширные исторические экскурсы служили принципиально иной цели. Основной сигнал «Мозга армии» – опасность выхода военно-политической обстановки из-под контроля правительственных кругов – был адресован не Генеральному штабу, но высшей партийной элите молодого революционного государства.

«При здравомыслием и крепком правительстве, – полагал автор, – не может быть какой-либо речи о разногласиях в вопросах внешней политики между органами, ее представляющими в государстве, и Генеральным штабом. Та борьба за власть в этой области, которую отмечает история на протяжении XIX в., должна служить ярким примером тех вредных следствий, коими она оканчивалась. Плохое наследство оставил германскому и союзному ему австро-венгерскому генеральным штабам их пророк – прусский фельдмаршал Мольтке-старший, завещав борьбу за власть с внешней политикой. Борьба кончилась полным поражением, и «Версаль» оказался «Каннами» для генеральных штабов срединных государств. Политическая смерть тягостнее естественной» [Шапошников, 1929, с. 351].

Мечты Свечина и Тухачевского об «интегральном Генштабе» германского образца не прельщали Шапошникова, интуитивно чувствовавшего опасность подобных идей. По мнению Бориса Ми-

хайловича, было бы достаточно того, если Штаб РККА ограничится вопросами мобилизационного развертывания и чисто оперативного планирования, не вторгаясь при этом в сферу экономической подготовки войны. Не случайно на роль главного героя «Мозга армии» Шапошников благоразумно избрал начальника не германского, но австро-венгерского Генерального штаба. Хотя в начале XX столетия процесс профессионализации штабной службы так или иначе затронул все ведущие европейские армии, ссылка на австрийский, а не германский исторический опыт в глазах подозрительных кремлевских читателей должна была выглядеть менее вызывающей.

В начавшейся после смерти В.И. Ленина партийно-политической борьбе Шапошников принял сторону Сталина. Сегодня мы знаем, что само по себе это еще ничего не гарантировало. Как показала трагическая судьба Тухачевского, оммаж Сталину был строго обязательным, но, увы, не единственным условием последующего выживания. В 1937–1938 гг. новоявленный «красный император» с беспощадной жесткостью объяснил военным, чем могут обернуться их притязания на самостоятельную политическую роль. Хорошо различимым подтекстом своей программной работы Шапошников давал торжественное обещание никогда не покушаться на прерогативы вышестоящей инстанции. И, рассуждая от противного, будущий генералиссимус принял декларацию будущего маршала.

Шапошников и Сталин

Современники традиционно подчеркивали необычный характер отношений Бориса Михайловича с вождем. Уже одно только обращение друг к другу по имени-отчеству было важным символическим отступлением от стро-

гоев кремлевского этикета 1930-х годов. Однако мы никогда не узнаем, какое страшное напряжение таилось за этой внешне спокойной вежливостью. Весной 1931 г. ОГПУ получило на Шапошникова компрометирующие материалы. Показаниями арестованного по делу «Весна» преподавателя Военной академии С.Г. Бежанова-Сакварелидзе начальник Штаба РККА Шапошников изобличался как участник «Московского контрреволюционного центра». 13 марта 1931 г. на очной ставке с Бежановым в присутствии Сталина и членов политбюро Борис Михайловичу удалось оправдаться. Однако после этого он всё равно оказался временно удален из столицы и переведен на должность командующего второстепенным Приволжским военным округом [Кен, 2008, с. 301]. В июне 1937 г. Шапошников был одним из тех, кто в составе Специального судебного присутствия вынес Тухачевскому смертный приговор. Кесарю отдавалось кесарево...

На страницах «Мозга армии» Шапошников ни в коем случае не позволял себе завуалированного глумления над идеологическими основами, чем неоднократно бравировал Свечин. «Более глубокое исследование, – гласит введение к «Стратегии», – привело бы, вероятно, автора к слабому, банальному повторению тех сильных и ярких мыслей, которые с огромным авторитетом и убедительностью развиты в трудах Ленина и Радека, посвященных войне и империализму. Наша авторитетность в вопросах современного толкования марксизма, к сожалению, столь ничтожна и столь горячо оспаривается, что попытка такого повторения, очевидно, была бы бесполезна». Спустя 10 лет в сталинском государстве подобные колкости задним числом сделались *Responsio Mortifera* – «ответом, несущим смерть», увековеченным в пометке инк-

визитора на полях следственного дела Жанны д'Арк.

Там, где лезть Свечина звучала явным издевательством, Шапошников старался выглядеть серьезным. «Если мы возьмем марксистов, – утверждал он, – то стремление их изучать войну как вид общественных отношений, познать ее основы можно признать общим. Начиная с Маркса, ряд основоположников марксизма – Энгельс, Меринг, Ленин – все они внимательно изучали философию войны Клаузевица. Война в ее основе была хорошо знакома Ленину, потому мы и видим с его стороны правильную ориентировку в ней, как в действии политическом, и понимание ее чисто военных явлений» [Шапошников, 1929, с. 280]. Шапошников утверждал, что «в основе всех отношений – как внутренних, так и внешних – лежат экономические отношения» [Шапошников, 1929, с. 228]. «В наши дни отлично известно, что политика есть надстройка экономики, а поэтому для правильного уразумления политических целей государств в состоянии войны мы полагаем необходимым прежде всего рассмотреть их экономические связи» [Шапошников, 1929, с. 261].

Подражая ленинской полемической манере, Шапошников обзывал К. Каутского «апостолом меньшевизма» [Шапошников, 1929, с. 267], однако, несмотря на все реверансы в сторону основоположников, ревнители марксистского вероучения по-прежнему видели в авторе лишь попутчика. Как гласило красноречивое примечание издателя, «редакция считает, что вопрос о взаимоотношениях между генеральными штабами и правительственной властью Австро-Венгрии и Германии на протяжении всего труда т. Шапош-

никова недостаточно мотивирован с точки зрения социально-политических и исторических особенностей этих бывших монархий» [Шапошников, 1929, с. 335].

В 1930 г. Шапошников стал членом ВКП (б). В его служебных бумагах конспекты по марксистско-ленинской учебе хранились на самом видном месте, что впоследствии отразилось на структуре личного фонда в Российском государственном военном архиве². Открыв опись документов, я не мог отделаться от ощущения, что первым читателем своих рукописей автор подсознательно видел следователя НКВД. Шапошниковым были подготовлены воспоминания о ранних годах жизни и службе в императорской армии [Шапошников, 1974], но мысли о сталинском времени он, по всей видимости, не рискнул доверить бумаге.

В заключительном разделе третьего тома «Мозга армии» особое внимание обращают на себя те соображения, которые Шапошников в обезличенной форме посвятил будущему верховному главнокомандующему. Обращаясь к важным для большевиков историческим примерам, автор пытался еще раз предупредить вождей партии насчет опасности политико-стратегической «инверсии». «В критические дни в Петербурге интимные кружки Генерального штаба и внешней политики объединились в дружной атаке на своих патронов. Тайные силы бюрократического уклада ведомств, – наминал Шапошников, – при наличии во главе их слабовольных людей, пришли в действие в июльские дни 1914 г. на берегах Невы. В то время, как ответственные за решения лица, с мешками под глазами от бессонных ночей, как, например, у Янушкевича,

2 РГВА. Ф. 30219. Б.М. Шапошников. Личный фонд. Оп. 1. Д. 1, 2. Заметки к докладом и личные записи.

в тяжелых муках рождали эти решения, за их спиной жаждавшие славы второстепенные персонажи истории направляли ее по кровавому пути войны. Речь идет о законе не установленных, но жизнью вызванных на сцену кружках вокруг начальника Генерального штаба. Эти круги образовывались лишь при начальниках, слабых волей и подпадавших под влияние своих подчиненных, стремившихся творить историю за спиной своего начальства. Такую же картину приходилось наблюдать в министерствах иностранных дел некоторых из государств на пороге мировой войны. Второстепенные персонажи дипломатии, безответственные за свои речи, прикрывавшиеся мнением министра, ткали дипломатическую интригу и вели закулисную игру. Едва ли следует особо останавливаться на всём вреде, который приносили подобные интимные кружки в истории буржуазной политики и стратегии. Эти злокачественные наросты должны всегда удаляться, – если нужно, то и операционным путем. За подобными операциями прежде всего должен следить тот государственный деятель, вокруг которого стараются развернуть свою темную работу безответственные дипломаты и стратеги из категории Геростратов наших дней» [Шапошников, 1929, с. 347].

Когда Борис Михайлович писал о вреде «интимных кружков», он безошибочно угадал, насколько эта мысль окажется созвучна инстинктам Иосифа Виссарионовича. В 1930-е годы Сталин террористическими методами искоренил практику любых неформальных внеслужебных контактов. К примеру, сколь бы ни была полезна в разгар Судетского кризиса 1938 г. закрытая встреча руководителей Генштаба и Наркомата иностранных дел, сколь бы ни было желательно откровенное взаимное объяснение стратегии

и дипломатии относительно возможностей друг друга, – внутри сталинской управленческой вертикали сама мысль об установлении подобных горизонтальных связей граничила с самоубийством.

Как следует из подтекста, свою воображаемую историческую роль и, если угодно, будущую жизненную миссию Шапошников определил неприятно. «Мы не беремся набрасывать здесь проекты органов управления коалиционной войной, ибо считаем это делом государственной важности, а не частных занятий с пером в руках. Нами сформулированы отправные данные для этого: коллективизм и три кита единения коалиции с учетом чисто военных особенностей при фронтовом управлении. Предоставляем затем желающим полный простор составления различных проектов управления войной государственными мужами, в том числе и высшими представителями “мозга армии”, отнюдь не желая оспаривать их достоинства и их лавры. Нам не раз указывали на излишнюю нашу скромность, но мы предпочитаем оставаться в литературной тени, нежели быть назойливым, непризванным и непризнанным “мужем государственным”. Приватная политика и стратегия – большой соблазн для служителей литературного пера, но в то же время и большое зло для практической деятельности и жизни. Способность к воздержанию – иногда очень полезное качество темперамента» [Шапошников, 1929, с. 373]. Этому своему кредо маршал Шапошников остался верен до самого конца...

Как мы знаем, в 1939–1941 гг. Сталин не допустил «инверсии», то есть характерной для 1914 г. подмены политического целеполагания набором военно-стратегических решений. Общий ход приготовлений СССР к смертельному поединку с Германией ни

на секунду не выскользнул из его рук. Накануне Великой Отечественной войны мобилизационная техника не узурпировала контроль над советской стратегией, и ее соображения не заслонили экзистенциальную, а потому простую и очевидную политическую цель. Летняя катастрофа 1941 г. имела под собой иные предпосылки. Ее обусловила, скорее, фундаментальная рассогласованность военно-стратегического планирования и внешней политики. Явление, на первый взгляд, поразительное в свете прочной консолидации сталинского единовластия. Стратегия и военное планирование, политика и дипломатия, индустриализация и программа технического перевооружения РККА развивались в форме непересекающихся прямых. Рассинхронизация советской внешней политики и стратегии имела следствием их последовательное ослепление и дезориентацию. К сожалению, после 1945 г. вскрыть предвоенные ошибки Сталина с пронизательностью и литературным мастерством Шапошникова оказалось некому...

«В жестоких ударах истории мы почерпнем громадную пользу для новой жизни»

Хотя личность Шапошникова принадлежит русской истории, как всякий настоящий классик, он продолжает оставаться нашим современником. Характерные коррозии на стыке политики и стратегии, обнаруженные Борисом Михайловичем, прямо влияют на эффективность руководства войной. Окончательная кодификация данного раздела теории стратегии, по всей видимости, принадлежит неопределенному будущему.

Монизм войны неподвластен социальным трансформациям и научно-техническому прогрессу. Подчиняя себе стихию конфликта, политика обя-

зана слышать голос стратегии и учитывать границы возможного. На страницах «Мозга армии» мы можем видеть наиболее адекватное прочтение основной мысли Клаузевица о субординации стратегии по отношению к политике. Иерархическое разделение необходимо прежде всего во избежание разбалансировки их сложного механизма.

В современной западной военно-теоретической литературе под влиянием К. Грэя всё шире распространяется аллегория воображаемого стратегического «моста», якобы связующего политическую цель и военные средства. С моей точки зрения, она хороша лишь в качестве метафоры. «Конфликт между парадоксальной логикой войны и прямолинейной логикой политики, – полагает современный американский классик Э. Люттвак, – по сути, неизбежен. Поэтому почти все военные считают почти всех политиков либо слишком дерзкими, либо слишком робкими» [Люттвак, 2012, с. 195]. «Государственным лидерам, особенно в демократических странах, сложно учитывать парадоксальную логику стратегии. Чтобы сохранить власть и авторитет, демократические лидеры должны подчиняться прямолинейной логике консенсусальной политики. Это значит, что они не могут действовать парадоксально» [Люттвак, 2012, с. 75]. Поскольку окутанные туманом войны берега не бывают параллельны, при движении от линейного к парадоксальному такой «мост» в самый неподходящий момент обрывается в «зазеркалье». Для подобных интеллектуальных упражнений гравюры М. Эшера куда полезнее инженерных чертежей А.В. Шусева.

Если мы рассмотрим процесс подготовки конкретного стратегического решения сквозь фильтр идеальных представлений Клаузевица, то легко обнаружим следы разнообразных патологий. В контуре военного управления

особенно уязвимы стыки стратегии с вышестоящим и нижестоящим ярусом. Проблема классификации и системной диагностики таких программных сбоев далека от решения не только в российской, но и в западной науке.

Одним из распространенных заблуждений стратегии является ее «тактизация». Как правило, она становится побочным продуктом сопротивления военному руководству избыточному политическому давлению. В результате стратегическая перспектива замещается суммой оперативно-тактических инструментов. Шапошников раскрыл суть «тактизации» на примере Мольтке, и в дальнейшем ее печатью были отмечены военные усилия Германии в ходе обеих мировых войн. «Тактизация» широко распространилась в американской армии на исходе холодной войны. В эпоху преобразований, последовавших за уходом из Вьетнама, вооруженные силы США добились искусственного обособления оперативного уровня с целью нейтрализации политического вмешательства в сферу профессиональных военных вопросов. Вместо «моста» армейская корпорация стремилась к тому, чтобы возвести как можно более высокую стену между политическим решением и его последующим военным исполнением [McGrew, 2011, p. 5.]. Это, однако, не уменьшило трений. Например, в 1991 г., в разгар блистательной и победоносной кампании против Ирака, политические цели администрации президента Д. Буша-старшего не простирались далее простого восстановления территориального *status quo* и очищения Кувейта от саддамовских войск. Оперативные же планы генерала Н. Шварцкопфа, главнокомандующего на ближневосточном театре, шли значительно дальше и предполагали сокрушительный разгром противника с последующим перенесением вой-

ны на его территорию [McGrew, 2011, p. 29]. Лишь быстрое признание С. Хусейном поражения предотвратило намечавшийся политико-стратегический разлад.

Другой «распространенной болезнью» можно назвать расщепление предметного поля стратегии. Ее расслаивание оборачивается утратой единства целеустремлений и бесконтрольным умножением сущностей. Сегодня этот недуг чаще всего встречается опять же в американской практике высшего военного управления, где параллельно фигурируют стратегия национальной безопасности, стратегия театра боевых действий, а также морская, космическая и ракетно-ядерная стратегии. В результате планирование теряет стратегический фокус. Люттвак однажды высказал предположение, что стране воплощенной материалистической утопии может быть в принципе чужда идея нормативного выражения долгосрочных стратегических императивов, даже если публично анонсируемые ведомственные документы, озаглавленные этим словом, будут обновляться практически ежегодно [Люттвак, 2012, с. 324].

Крайне тяжелой «болезнью» является «инверсия» или, проще говоря, перестановка, нарушающая иерархический порядок при взаимодействии политики и стратегии. Именно «инверсия» образца 1914 г. оказалась в центре внимания Шапошникова. Порожденная всеобщим страхом запоздалого начала мобилизации, она символизировала торжество средства над целью. В наши дни «инверсия» может быть особенно опасна в ракетно-ядерной области. Ситуация острого международного кризиса всегда таит в себе риск того, что погоня одной из сторон за преимуществом эскалационного доминирования неожиданно сорвет у соперника психологический стоп-кран и напра-

вит дальнейший ход событий по апокалиптическому сценарию, в котором вообще не останется места для рациональных политических и стратегических действий.

Еще один вид аберраций стратегического мышления можно описать метафорой «короткого замыкания». Оно возникает, когда в картине мира государственного деятеля политические цели и военные средства превращаются в ложные тождества. Политический ярус, образно говоря, замыкается в самом себе. Если при «инверсии» политика и стратегия меняются местами, при «коротком замыкании» между ними стирается когнитивная грань. При тяжелом течении заболевания стратегический ракурс и соответствующая проблематика как бы ускользают из поля зрения политики. Этим была примечательна предвоенная деятельность Сталина, а в наши дни – действия российского руководства в момент кульминации украинского кризиса зимой 2021–2022 гг.

В стратегии, как и в жизни, наличие многих «заболеваний» не исключает трудоспособности. Подобно тому, как астматик способен выиграть олимпийские состязания по биатлону, победителем на поле боя может оказаться сторона, стратегическое мышление которой отягощено вредными привычками, предрассудками и заблуждениями. Майским триумфом 1945 г. наша страна обязана верховному главнокомандующему, под влиянием идеологической экзальтации так до конца и не уяснившему, чем же стратегия отличается от политики [Кен, 2004]. Однако не «болезни» ведут победителя по пути успеха. Более того, гром фанфар не дарует автоматического исцеления после войны и не избавляет от необходимости внимательно изучать отягощенный анамнез в поиске поучительных уроков на будущее.

Книга Шапошникова – это сага о приспособлении стратегии к политическим условиям. Она не может быть понята вне контекста отечественной истории 1920–1930-х годов, когда технократические утопии строительства «интегрального Генштаба» разбились о стену стремительно крепнувшей диктатуры. Творческий путь Шапошникова лишний раз показывает, насколько сложно изучать стратегию. Она не синонимом войны, ее предметные границы подвижны и пластичны. Проблемы стратегии, с одной стороны, прорастают внутрь вышестоящего политического яруса, с другой – затрагивают нижестоящий горизонт чисто оперативных решений.

Когда в практике высшего государственного управления заходит речь о смычке стратегического и политического, гораздо проще указать на эталон и дежурно сослаться на бессмертную формулу Клаузевица, нежели действовать адекватно обстоятельствам под давлением тяжелого груза единоличной ответственности. Этому невозможно научиться из книг, и в то же время лишь творческое изучение истории способно сделать нас мудрыми всегда, а не умными в следующий раз.

Список литературы

- Баландин Р.К. Маршал Шапошников. Военный советник вождя. – Москва : Вече, 2005. – 409 с.
- Василевский А.М. Дело всей жизни. – Изд. 4-е. – Москва : Политиздат, 1983. – 544 с.
- Ганин А.В. «Товарищ Склянский – заступитесь...». Генштабисты и чекисты в Гражданскую войну // Родина. – 2009. – № 11. – С. 78–83.
- Ганин А.В. Выбор маршала Победы. Почему Борис Шапошников пошел за красными и какую цену за это заплатил // Родина. – 2016. – № 11. – С. 37–41.

Горелик Я.М. Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников: Краткий очерк жизни и деятельности. – Москва : Воениздат, 1961. – 108 с.

Жуков Г.В. Воспоминания и размышления. В 3-х томах. – Изд. 6-е. – Том 2. – Москва : АПН, 1985. – 325 с.

История военной стратегии России / под ред. В.А. Золотарева. – Москва : Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. – 588 с.

Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.). – Изд. 2-е, перераб. – Москва : О.Г.И., 2008. – 510 с.

Кен О.Н. Сталин как стратег (между двумя войнами) // Русский журнал 2004. Войны XX века / под ред. Г.О. Павловского. – Москва : Русский институт, 2004. – С. 51–71.

Кокошин А.А. Выдающийся отечественный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин: о его жизни, идеях, трудах и наследии для настоящего и будущего. – Москва : Издательство Московского университета, 2013. – 404 с.

Кокошин А.А. Свечин о войне и политике // Международная жизнь. – 1988. – № 10. – С. 133–142.

Кривопапов А.А. Инверсия стратегии в США. Заметки на полях // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 6 (118). – С. 98–111.

Люттвак Э. Стратегия. Логика войны и мира / пер. с англ. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 390 с.

Свечин А.А. Стратегия. – 2-е изд. – Москва : Военный вестник, 1927. – 263 с.

Уроки стратегии маршала Шапошникова / Иванихин П.М., Голубев А.Ю., Желнов И.И., Кирсанова Н.М. // Военная мысль. – 2023. – № 11. – С. 136–145.

Шапошников Б.М. Воспоминания. Военно-научные труды. – Москва : Воениздат, 1974. – 574 с.

Шапошников Б.М. Мозг армии. Кн. 1–3. – Кн. 3. – Москва, Ленинград : Государственное издательство. Отдел военной литературы, 1929. – 379 с.

Шлыков В.В. Нужен ли России Генеральный штаб? // Военный вестник. – 2000, № 7. – 40 с.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. – Изд. 2-е. – Москва : Воениздат, 1989. – 560 с.

Augier M., Barret S.F.X., Mullen W. Assumptionists in Strategy // Strategy Bridge. – 2021. – June 21. – URL: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/6/21/assumptionists-in-strategy> (дата обращения: 10.11.2023).

Erickson J. The Soviet High Command. – London : Macmillan and Co., 1962. – 889 p.

Gray C.S. The Strategy Bridge. Theory for Practice. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 328 p.

Harrison R.W. Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson. – Jefferson N.C. ; London : McFarland, 2010. – 411 p.

Hines J.G. Soviet Strategic Intentions 1965–1985; an Analytical Comparison of U.S. Cold-war Interpretations with Soviet Post-Cold-war Testimonial Evidence : Thesis of Dissertation. Doctor of Philosophy. – Edinburgh : The University of Edinburgh, 1995. – Xiv, 346 p.

McGrew M.A. Politics and the Operational Level of War. – Fort Leavenworth, KS : Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 2011. – 58 p.

On Strategy: A Primer / Ed. by N.K. Finney. – Fort Leavenworth, KS : Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 2020. – Xvi, 256 p.

Spotlight on New Academic Arrivals

DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Scientific Legacy of Marshal Boris Shaposhnikov and the Problems of Modern Strategy

Alexei A. KRIVOPALOV

PhD (History), Senior Researcher at the Center for Post-Soviet Studies
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN)
Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation, 117997
E-mail: krivopalov@centero.ru
ORCID: 0000-0002-7916-036X

CITATION: Krivopalov A.A. (2023). Scientific Legacy of Marshal Boris Shaposhnikov and the Problems of Modern Strategy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 16, no. 5, pp. 204–221 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2023.05.12

Received: 27.10.2023.

Revised: 05.12.2023.

ACKNOWLEDGEMENT. This research was funded by the grant from the Russian Science Foundation, Project no. 23-28-00622 “Strategic Culture of the Great Powers in the 20th – 21st Centuries: A Comparative Historical Analysis (as illustrated by the cases of Russia and the United States)” realized at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, INION RAN.

ABSTRACT. *This paper represents an effort to bring new light to the unique scientific legacy of the Soviet Marshal B. Shaposhnikov. By applying his cautionary advice to the present day, we can identify the underlying causes of the decline in strategic thinking among the world's leading powers. Strategic theory, as a method of scientific analysis, sits at an intersection of disciplines. Born of military thought, it soon caught the attention of historians. Today, the field of strategic theory is being increasingly contested by political scientists and foreign affairs analysts. The disconnect between strategy and policy remains one of the most dangerous pitfalls in state governance. While the problems, achievements and contradictions of strategy*

usually appear topical and relevant, they are best revealed in a wider historical context.

KEYWORDS: *politics, Stalin, strategy, Shaposhnikov, military science, the General Staff, the Great Patriotic War, diplomacy.*

References

- Augier M., Barret S.F.X., Mullen W. (2021). Assumptionists in Strategy. *Strategy Bridge*. June 21. Available at: <https://thestrategybridge.org/the-bridge/2021/6/21/assumptionitis-in-strategy>, accessed 10.11.2023.
- Balandin R.K. (2005). *Marshal Shaposhnikov. Military Adviser to the Leader*. Moscow: Veche, 409 pp. (in Russian).

Erickson J. (1962). *The Soviet High Command*. London: Macmillan and Co., 889 pp.

Ganin A.V. (2009). "Comrade Sklyansky – Stand up...". General Staff and Chekists in the Civil War. *Rodina*. No. 11, pp. 78–83 (in Russian).

Ganin A.V. (2016). The Choice of the Marshal of Victory. Why Boris Shaposhnikov Went After the Reds and What Price He Paid for It. *Rodina*. No. 11. pp. 37–41 (in Russian).

Gorelik Ya.M. (1961). *Marshal of the Soviet Union Boris Mikhailovich Shaposhnikov: A Brief Outline of Life and Work*. Moscow: Voenizdat, 108 pp.

Gray C.S. (2010). *The Strategy Bridge. Theory for Practice*. Oxford: Oxford University Press, 328 pp.

Harrison R.W. (2010). *Architect of Soviet Victory in World War II. The Life and Theories of G.S. Isserson*. Jefferson N.C.; London: McFarland, 411 pp.

Hines J.G. (1995). *Soviet Strategic Intentions 1965–1985; an Analytical Comparison of U.S. Cold-war Interpretations with Soviet Post-Cold-war Testimonial Evidence*. Doctor of Philosophy Thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, xiv + 346 pp.

Istoriya... (2020). Zolotarev V.A. (ed.). *The History of Russia's Military Strategy*. Moscow: Kuchkovo field; Polygraph Resources, 588 pp. (in Russian).

Ken O.N. (2004). Stalin as a Strategist (between Two Wars). In: Pavlovsky G.O. (ed.). *Russian Journal 2004. Wars of the XX century*. Moscow: Russian Institute, pp. 51–71 (in Russian).

Ken O.N. (2008). *Mobilization Planning and Political Decisions (late 1920s – mid-1930s)*. 2nd ed. Moscow: O.G.I., 510 pp. (in Russian).

Kokoshin A.A. (1988). Svechin on War and Politics. *International Life*. No. 10, pp. 133–142 (in Russian).

Kokoshin A.A. (2013). *Outstanding Russian Theorist and Military Commander Alexander Andreevich Svechin: His Life,*

Ideas, Works and Legacy for the Present and the Future. Moscow: Moscow University Press, 404 pp.

Krivopalov A.A. (2023). Inversion of U.S. Strategy. Marginal Notes for On Strategy: A Primer. *Russia in Global Affairs*. Vol. 21, no. 1, pp. 200–212. DOI: 10.31278/1810-6374-2023-21-1-200-212.

Luttwak E. (2012). *Strategy. The Logic of War and Peace*. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 390 pp. (transl. into Russian).

McGrew M.A. (2011). *Politics and the Operational Level of War*. Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, 58 pp.

On Strategy... (2020). Finney N.K. (ed.). *On Strategy: A Primer*. Fort Leavenworth, KS: Combat Studies Institute Press, US Army Combined Arms Center, xvi + 256 pp.

Shaposhnikov B.M. (1929). *The Brain of the Army*. In 3 books. 3rd book. Moscow, Leningrad: State Publishing House Department of Military Literature, 379 pp. (in Russian).

Shaposhnikov B.M. (1974). *Memoirs. Military Scientific Works*. Moscow: Voenizdat, 574 pp. (in Russian).

Shlykov V.V. (2000). Does Russia need a General Staff? *Military Bulletin*. No. 7, 40 pp. (in Russian).

Shtemenko S.M. (1989). *The General Staff During the War*. 2nd ed. Moscow: Voenizdat, 560 pp. (in Russian).

Svechin A.A. (1927). *Strategy*. 2nd ed. Moscow: Military Bulletin, 263 pp. (in Russian).

Uroki strategii... (2023). Ivanikhin P.M. et al. Lessons of Marshal Shaposhnikov's strategy. *Military Thought*. No. 11, pp. 136–145 (in Russian).

Vasilevsky A.M. (1983). *The Matter of My Whole Life*. 4th ed. Moscow: Politizdat, 544 pp. (in Russian).

Zhukov G.K. (1985). *Memoirs and Reflections*. In 3 vol. 6th ed. Vol. 2. Moscow: APN, 325 pp. (in Russian).

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

**Контуры глобальных трансформаций:
политика, экономика, право
Том 16 № 5 – 2023**

Номер регистрационного свидетельства
ПИ № ФС 77-80326
Дата регистрации 04.02.2021 г.

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
изданий
Тел.: +7 (925) 517-36-91
e-mail: izdat@inion.ru

Верстка И.С. Николаева

Корректор Л.Н. Марданова

Подписано к печати 28.12.2023
Формат 70х100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 17,9 Уч.-изд. л. 17,6
Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)
Заказ № ____

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6